

Геннадий Черкасов

ПО ДОРОГЕ ЖИЗНИ
Сборник рассказов

18+

Геннадий Михайлович Черкасов

По дороге жизни.

Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67260360

SelfPub; 2022

Аннотация

Первая часть книги Геннадия Черкасова "Вовкины рассказы" повествует о том, как мужали мальчишки, чьё детство и отрочество пришлось на трудные послевоенные годы. Автор без прикрас рассказывает, каким неоднозначным было время, без ложного пафоса передаёт атмосферу, в которой жила страна, не идеализируя криминальный мир, показывает его влияние на воспитание личности героя, выбравшего правильный жизненный путь.

Вторая часть сборника "Выбор есть всегда" в основном посвящена лихим 90-м прошлого столетия, когда наша страна переживала нелегкие испытания, через которые пришлось пройти и герою Геннадия Михайловича.

"О друзьях-товарищах" – так озаглавил он третью часть книги, где рассказывает о людях, оставивших заметный след в его судьбе и памяти.

Содержание

Посвящаю другу Валерию Долинину	7
Часть первая. Вовкины рассказы	11
Вместо предисловия	11
Школа	14
Девятый класс	18
Мои учителя	21
Эпизод	25
Старьёвщик	29
Комсомол	32
Моспогруз	37
Ипподром	46
Автозавод	53
Два Ивана	58
Налёт	67
Баба Настя	71
Каток	77
«Игрушки»	83
Одесса-мама	85
Пацаны	90
Кино моего детства	94
Праздники моего детства	97
Сокольники	100
Школьный двор	105

Лёва-жид	108
Алик	111
Часть вторая. Выбор есть всегда	114
От автора	114
Заплыв	115
Возмездие	121
Взлёт	123
Милосердие	132
Традиция	136
На «Красном пролетарии»	142
Тюрьма	145
Когда мы были молодыми	151
Забар	155
«Гладиаторы»	160
Подкидыш	163
Путёвка в жизнь	167
А ну-ка, девушки!	170
Зона	174
Дядя Серёжа	179
Истоки	185
Развал	187
Наркота	190
НЗ. Начало	200
Братья	203
Парень из тайги	208
Нищий	213

Казино	215
Игроки	218
Дед Халид	227
Поездка в Тбилиси	229
Иван	235
Часть третья. Друзья-товарищи	239
Шейх	239
Джаз	244
Грузия	249
Кладбище в городе Поти	255
Праздник улиц	258
Египет	262
Чили	267
История	273
Отец Иннокентий	275
Великие	280
«Прессуха»	282
Мэр	286
Французская командировка	290
Контора	295
Джованни	299
Магадан	303
Мафия	305
Нина	307
Ялта	311
Нью-Йорк	314

Партизан	321
Хирургия	330
НЛО	333
Полк	335
Начало пути	339
Практика	343
Спорт – посол мира	350
Соперник – только ветер	354
Друзья-товарищи	359
Увольнение	369
Граница на замке	373
Такса	381
Лужники	383
Романыч	394
Анатолий Николаевич	404
«Главное – выиграть»	409
Невеста	412
Гимнаст	416
В Париже	423
О друге	425
Многоборцы	429
Майор	444
Быть личностью	449
Память	451

Геннадий Черкасов
По дороге жизни.
Сборник рассказов

Посвящаю другу
Валерию Долинину

Валера родился в Ленинграде в 1953 году. Это было время, когда город восстанавливался после блокады.

Парень рос как все советские дети: школа, игры во дворе, среди которых, конечно, футбол. В четырнадцать лет судьба привела его в знаменитый гребной клуб «Знамя». Первым наставником там стал Михаил Ба ленокв, который был не только прекрасным тренером, но и хорошим педагогом, что для подростков очень важно. Спортивные результаты стали

расти быстро. В первый год занятий Валерий в составе четвёрки с рулевым стал победителем в гонке сильнейших. Команда успешно выступала в Москве на отборочных соревнованиях и получила путёвку в Румынию на впервые проводимую Международную юношескую регату команд социалистических стран «Дружба», где завоевала бронзовые медали. Валера успешно выступал как в распашной, так и в парной гребле, и норматив мастера спорта СССР выполнил в классе лодок-одиночек: там, где и один в поле воин.

Валерий успешно сочетал занятия спортом с учёбой. После окончания школы он поступил в Ленинградский электротехнический институт, который успешно окончил. Спортивные вершины покорялись ему одна за другой. Чемпионат СССР, Спартакиада народов СССР и, наконец, Олимпийские игры в 1976 году в Монреале, где экипаж четвёрки без рулевого с Валерием Долининым завоевал бронзовые медали. В 1978 году в Новой Зеландии Валерий Долинин впервые стал чемпионом мира.

В 1980 году впервые в стране социализма в городе Москве состоялись Олимпийские игры. Долинин в экипаже четвёрки без рулевого стал серебряным призёром Олимпиады. В этой команде был и его близкий друг детства Алексей Камкин. Дружбу свою они пронесли по всей жизни.

Так же успешно Валерий выступал в разных классах судов. В 1982 году в составе сборного экипажа восьмёрки стал победителем открытого Чемпионата Франции. В раз-

ных классах лодок он неоднократно становился победителем Международной Люцернской регаты. Не оставляя спорта, Валера поступил в Военный институт физической культуры, который окончил с отличием. Впоследствии Валерий там успешно защитил кандидатскую диссертацию.

Шли годы. Спортивный век, увы, не долгов. В 1984 году Валерий Долинин стартовал на чемпионате СССР в последний раз и в составе восьмерки сборной Вооружённых Сил стал серебряным призёром. После окончания спортивной карьеры решил попробовать себя в качестве тренера и преподавателя в Военно-морском институте радиоэлектроники им. А.С. Попова. Одиннадцать лет Валерий Алексеевич возглавлял кафедру физического воспитания, дослужившись до звания капитана первого ранга. В 2000-м году профессор, капитан первого ранга Валерий Алексеевич Долинин стал начальником кафедры физвоспитания в Военно-морской академии им. Н.Г. Кузнецова. Мой друг прожил яркую, наполненную жизнь, всегда являлся лидером и примером для других. Он был почётным жителем Санкт-Петербурга, Заслуженным работником физической культуры Российской Федерации, Заслуженным мастером спорта СССР, награждён государственной наградой – медалью «За трудовое отличие».

Часть первая. Вовкины рассказы

Вместо предисловия

Шёл сентябрь 1953 года. Полным ходом развернулась амнистия. Вовке было девять лет. Он жил в одном из бараков Ростокина. Ростокино, Марьино Роща и Кожухово в те годы – известные воровские районы Москвы. Стали возвращаться сидельцы, в основном уголовники.

В Вовкином бараке проживало шестнадцать семей, и в каждой имелся свой з/к. Те, кто вернулись, принесли с собой ореол блатной романтики. Все ребята, и даже отсидевшие, к Вовке относились с уважением, потому что соседом его был известный вор Саша Крест. О его кликухе ходили разные слухи. Одни говорили, что он перед «делом» ходил в церковь, молился и ставил свечку на успех, другие – за то, что он наказал насильника и застрелил его, перекрестив выстрелами. В бараках Вовка прожил до 1967 года. За это время Крест два раза заходил на короткие сроки.

У Вовки был талант к играм в расшибалку, казёнку и пристенок. Все игры – на деньги. Дядя Саша узнал и провёл беседу о том, что нельзя брать на игры деньги из дома, при этом обещал, что будет давать на игры не в долг. «Не играть нельзя, – сказал он. – Пацаны не поймут».

Крест доверял Вовке. Поручал передавать ему записки и деньги людям в районе. Как-то летом 1954 года дядя Саша попросил помочь в одном деле, объяснив, что к нему придут гости, с которыми он давно не виделся. Вовка согласился, не спрашивая, в чём заключается помощь. Крест гостей принимал в сарае, потому как тот раза в три, а то в четыре больше его комнаты в бараке, и там было спокойнее. Вовка зашёл в сарайчик и увидел человек двенадцать-пятнадцать взрослых хорошо одетых людей (в то время многие ходили в телогрейках и кирзовых сапогах). Все сидели за столом, покрытым печатными периодическими изданиями. Крест показал Вовке его место. Мальчишка сел и ахнул: перед ним поверх газет на пергаментной бумаге стояли три бутылки крющона и пирожные-корзиночки с цукатами. Вовка сразу принялся за дело – такое пиршество он видел впервые. Через некоторое время, Крест, наклонившись к мальчишке, сказал: «Пробегись вокруг, нет ли чужих». Пулей вылетел, два круга нарезал, увидел только тех, кого знал, сел на место и продолжил пир. Крест, улыбаясь, посмотрел и сказал: «Вовка, не торопись, если ещё захочешь, – принесут». Парнишка за время беседы ещё два раза бегал осмотреть окрестности сарая. О чём говорили гости, не прислушивался. Вот так Вовка в девять лет от роду оказался на серьёзной сходке воров. А кондитерские пристрастия сохранились у него до старости.

В десять лет у мальчишки появились новые «способно-

сти»: из шплинта делать отмычку, для этого нужны были тиски и напильник. Он научился открывать замки у сараев, но без воровства – никогда оттуда ничего не брал. Открывали на спор, в общем, устраивали как бы как соревнование. Но и об этом увлечении узнал дядя Саша и во время очередной педагогической беседы закрыл вопрос раз и навсегда.

Через много лет, когда Вовка повзрослел и стал Владимиром Николаевичем, он понял, почему этот взрослый серьёзный человек занимался его воспитанием. Вспомнил, что, когда парню было пятнадцать лет, в одной из очередных бесед по педагогике, Крест сказал: «Вот так, живя в Кожухово, я учился с твоей матерью. Она стала учительницей, и теперь детей учит, а я стал вором. Володя, у тебя есть способности к учёбе и спорту, вот и иди по этой дороге. А этих (показывая на пацанов нашего района) я хоть воровать научу. А то будут понапрасну людей калечить и убивать». Вот как бывает в жизни – вор помог выйти на правильный путь. И Вовка достойно прошёл по нему.

Школа

Несмотря серьёзную опеку такого авторитетного человека как дядя Саша, повзрослев и участвуя в серьёзных переделках, а проще драках, огребать приходилось по-взрослому. Когда мне исполнилось четырнадцать лет, я увлёкся боксом. С друзьями, большой компанией, ездили в клуб «Крылья Советов», что на Ленинградке. Бокс шёл хорошо. Первые бои в весе 53 кг я провёл успешно. Тренер хвалил. А тренер у меня был легендарный – Виктор Михайлович Тренин, именно он подготовил Бориса Лагутина и других выдающихся спортсменов. Но бокс – это спорт. Там есть правила. В те годы никто не знал о других видах единоборств и боевых искусств. А вот драка – это бой без правил.

Как-то в мае 1960 года у кинотеатра «Космос», который только что построили, серьёзно зацепились с пацанами с Мазутки. Мазуткой назывался район, где сейчас находится гостиница «Космос». Драка была жестокой, но в основном на руках – такой был уговор. Бились на равных, но нам, ростокинским, повезло: на нашу сторону стали ребята с Сельскохозяйственной улицы. Серьёзные пацаны. И это определило исход схватки в нашу пользу. Почему ребята с Сельскохозяйственной помогли нам? Всё просто: «авторитеты» ростокинские и сельхоза всегда были вместе.

Вот тогда я понял, что драка – это не бокс. Получил я прилично. Трещина левой челюсти и бланши под глазами. Неделю пришлось прогуливать занятия. Но, как ни странно, эта

драка помогла мне решить в школе вопрос с физикой.

Казалось, где драка, а где серьёзный предмет? А всё ясно. Драку, точнее меня в ней, увидел наш преподаватель физики, который проживал в районе кинотеатра и в это время случайно оказался там. Через неделю, когда я пришёл в школу, на уроке он вызвал меня к доске и, повернувшись ко мне, чтобы класс не слышал, сняв очки, сказал: «Владимир, видел вас в драке. Впечатлило». А меня впечатлило то, что учитель впервые назвал меня по имени, а не по фамилии и на «вы». С предметом, как и с учителем, у меня до окончания школы проблем не было. И я, став старше, помог педагогу в решении спорного вопроса в его в районе. Прежде всего, надо быть благодарным и помнить добро, сделанное для тебя.

Девятый класс

В сентябре 1959 года в то время руководитель страны Н.С. Хрущёв побывал с официальным визитом в США. Вернувшись в страну, он все школы перевёл на одиннадцатилетнее обучение. И вот мы, пацаны из Ростокино, Северянки, попали в девятый «Б» класс новой школы. Ещё были девятый «А» и два десятых. Здесь уже существовали свои устои и лидеры. Но соперники вынуждены были признать наше лидерство.

Классным руководителем к нам определили преподавателя химии Нину Валентиновну. Она была женщиной решительной и вместе с директором, которая много лет проработала руководителем школы в военном городке, они решили сразу взять нас за рога и поставить на место. Мы же, то есть все пацаны нашего класса, постановили: в школу не ходить.

Шёл тёплый первый месяц осени 1961 года. Мы, заранее договариваясь с пацанами Сельхоза, Мазутки, Северянки, собирались утром у школы и толпой шли на стадион играть в футбол. Иногда к нам приезжали ребята из Лосинки (в те годы – известный криминальный район Московской области). Хотелось бы отметить, что вызов наших родителей руководству школы успехов не принёс, так как у большинства не было отцов, которые в основном погибли на войне, а многие матери, и моя в том числе, сказали: «Вы взрослые. С учи-

телями разбирайтесь сами. Не получится, идите учиться в школу рабочей молодёжи». Я лично был близок к этому, но не хотелось бросать такой замечательный коллектив (даже по прошествии многих лет помню все лица, фамилии и имена).

Ровно через неделю нашей забастовки директор и классный руководитель сдались, и мы начали ходить на уроки. Хочу заметить, в школе мы все вели себя хорошо, учителей уважали, подлянок им не делали и не позволяли делать их другим. Помог примирению нашему с директором и учителем химии математик Борис Иванович, он всю войну прошёл в артиллерии, был ранен и преподавал не только в нашей школе, но и в МИИТе. О подробностях его переговоров с нашим классным руководителем и администрацией школы нам стало известно позже. Учась в институте, мы часто приходили в гости к Борису Ивановичу, и в один из таких вечеров, за чаем, он рассказал нам о беседе с ними. Учитель химии взял на себя смелость утверждать, что мы ребята толковые, чудим немного, выросли в основном без отцов, в бараках, в криминальной среде, но все поступим в высшие учебные заведения. И что вы думаете, все так и вышло! И ещё, на всякий случай, добавлю: семеро человек стали мастерами спорта СССР в различных видах.

На педсовете Борис Иванович предложил с нашего класса вообще снять классное руководство. Так что два с половиной года – до окончания одиннадцатилетки – мы были без классного руководителя. Как директор разобралась с район-

ным отделом образования, не знаю, но класс курировал и опекал Борис Иванович, и его предмет стал для нас основным. А учительница химии за несколько дней до выпускного собрала в своём кабинете только ребят. С улыбкой и шутками вспоминала первые дни нашего знакомства и призналась, что для неё время нашей учёбы было хорошим: она могла спокойно ходить с мужем в кинотеатр «Космос» – даже на последний сеанс и даже ночью без страха пешком добираться до Мазутки, где она жила, не боясь ни бандитов, ни хулиганов. И добавила, посмотрев на нас с улыбкой: «Да и с билетами никогда проблем не возникало, причем и на фестивальные фильмы».

Мои учителя

Как было упомянуто выше, в результате реформы образования, устроенной по итогам визита генсека Н.С. Хрущева в США, после восьмого класса я перешёл в 11-летку. Там мы подружился с Володей, с которым просидели три года за одной партой.

Мой товарищ жил с мамой в районе северного входа ВДНХ. Отец его был начальником пожарной части, но рано ушёл из жизни – онкология. Володя от природы был сильным парнем, но системно заниматься спортом не хотел. Тренеры, приходившие в школу для набора в секции, мимо него не проходили. То обстоятельство, что я серьёзно занимался спортом, нашей дружбе не мешало. Интересно, что за нами сидели два друга – Толя и Витя. Анатолий не любил спорт, как и Владимир, а Виктор играл в футбол в основной команде «Локомотива». Жили они рядом с платформой Северянин, в быту она называлась Северянкой. Мы сдружались. Если я выступал в «Крыльях Советов», то ездили болеть за меня, а когда играл Виктор, то отправлялись поддержать не столько «Локомотив», сколько Виктора (я в футболе болел за «Динамо»). Играл наш одноклассник в полузащите очень прилично. В те годы проводился и зимний чемпионат Москвы. Поля не чистились – играли на снегу. Обычно перед тем, как ехать на игру, мы собирались у напарника по полуза-

щите Виктора – Николая. Они выпивали бутылку портвейна на двоих, чтобы быстрее бегать на холоде и оправлялись на матч. Впоследствии эти ребята долго играли в классе Б в чемпионате СССР (в то время чемпионат страны по футболу проводился в двух классах – А и Б).

Но вернёмся к школьным будням. Расскажу, как выполнялись контрольные по математике. Мы с Володиёвым обычно писали один вариант на двоих. Рассказали об этом Толику и Виктору, и решили делать так вчетвером. Большинство наших учителей-мужчин были фронтовиками. Математик Борис Иванович Гуськов прошёл всю войну в артиллерии. Нас он знал по школе-восемилетке. И, конечно, Борис Иванович заметил нашу уловку. Как-то попросив меня остаться после урока, смеясь, сказал: «Пишите, но пятёрки вам не поставлю». Учитель относился к нам с уважением, и мы отвечали ему взаимностью. С дисциплиной у него на уроках проблем не было. Однажды на уроке Борис Иванович вспомнил войну и обмолвился о предателях Родины, рассказав, как многие сдавались в плен. Я, да и мои друзья, на это не обратили внимания, но кто-то из класса доложил об этом завучу и директору школы. После уроков Борис Иванович попросил меня остаться, подошел к двери, плотно закрыл её. Сказал, что нас четверых вызовут директор школы, завуч и секретарь парторганизации. Я удивился, почему именно нас четверых? Борис Иванович объяснил: «Это по просьбе секретаря парторганизации – не весь же класс вызывать». На следу-

ющий день после уроков мы отправились к кабинету директора. Вызывали нас по одному и каждого спрашивали, что говорил о предателях Родины Борис Иванович. Мы же отвечали, что об этом и не слышали. После окончания школы, поступив в институты, встретились с учителем, он пригласил нас в гости. Напоил нас чаем, и мы стали с удовольствием вспоминать школьные годы. Не забыли и этот случай. Спросили, почему он выбрал нас. Борис Иванович засмеялся и сказал, что в каждом из нас был уверен. «Ростокинские не подведут!» – и пожелал нам удачи. В дальнейшем я лично ещё несколько раз встречался с нашим математиком, и всегда, здороваясь, он протягивал руку первым.

Но продолжим. Володя очень заинтересовался жизнью в США. Каждый месяц покупал журнал «Америка», который продавался в киоске «Союзпечать». Кстати, этот журнал издавался в нашей стране с 1956 по 1994 год. Владимир познакомился с киоскером «Союзпечати», которая находилась рядом с ВДНХ, и, так как журналы расходились моментально, он для Володи всегда оставлял экземпляр. Я относился к этому спокойно, хотя у советской молодёжи такое увлечение не приветствовалось. Мой друг часто приносил журналы в школу. На переменах весь класс рассматривал красочные фотографии. Как-то мы с Володей листали издание во время урока литературы. Учителем литературы и русского языка, которого я и сейчас хорошо помню, и не только по фамилии, имени и отчеству – могу подробно описать его

внешность, был Михаил Семёнович Шапиро. Он так же, как и Борис Иванович, прошёл войну, воевал в пехоте. Михаил Семенович подошёл к нам, взял журнал, пролистал, сказал, что фотографии красивые, но жизнь сложнее. Облокотившись на парту, сняв очки, спросил: «Какой интерес в том, что у президента есть золотая ванна?» И отдал журнал. Через некоторое время Володя принёс номер, в котором были фотографии резиденции президента США, в том числе и ванной комнаты. Она была обычной, но мы не стали говорить об этом Михаилу Семёновичу.

Пара историй об уроках русского языка. Не знаю, есть ли в современной школе словарный диктант. А Михаил Семёнович давал нам его практически на каждом уроке минут за десять-пятнадцать до окончания. Что интересно, оценки за диктант в журнал он ставил только положительные, так что половина класса отметок не имела, и, конечно, в том числе находилась и наша четверка. Как мы только не старались! Писали через слово – двойка. Через два – опять двойка. Но в конце концов дошли до тройки. Я очень благодарен Михаилу Семеновичу. Прошло шестьдесят лет, пишу относительно грамотно, хотя правила грамматики практически забыл.

Я хочу сказать большое спасибо Михаилу Семёновичу Шапиро и Борису Ивановичу Гуськову за то, что они учили меня не только своим предметам, но и жизни.

Эпизод

Уважаемый читатель, может показаться, что в моих рассказах много криминала. Но, увы, излагаю только факты, ничего лишнего. Так исторически сложилось, что выбор места моего рождения и проживания от меня не зависели. И хотя тех, о ком я вспоминал, уже нет в живых, в моих рассказах изменены только имена. Сейчас хочу поделиться короткой историей.

У одного из моих одноклассников отец был участковым милиционером в нашем районе. Мы, пацаны, его уважали, да и уголовники жаловали, несмотря на то, что он многих из них определял на шконки, и не по одному разу, но действовал всегда, по справедливости. Поэтому обид на дядю Яшу не держали. И к его сыну относились с должным уважением.

Однажды весной 1955 года мы с ребятами играли в расшибалку, слышим, в одном из сараев поёт патефон, идёт гульба. А сарай – моего одноклассника Николая, который с нами играл. (Всего их было четыре брата. Двое из них – во-ры, не раз сидевшие. Николай – младший и его старший брат вышли в люди и отношения к криминалу никогда не имели. По прошествии времени Николай окончил институт, был хорошим спортсменом).

Вдруг раздаётся голос участкового дяди Яши: «Выходите!» Мы, обежав сарай, увидели такую сцену: перед входом в него, в метрах пяти, спокойно стоит дядя Яша, а из сарая выходит один из братьев Николая. Он коротко стрижен, в светлой майке-безрукавке, а сам весь синий от наколок. Две недели, как в очередной, уже не первый и даже не второй раз освободился. И спокойно говорит: «Дядя Яша, мы вас очень уважаем, но не заходите в сарай. Я ничего сделать не смогу. Очень серьёзные люди там, и им терять нечего». Дядя Яша посмотрел на часы и сказал: «Через тридцать минут, чтобы никого не было!» Брат Николая ответил: «Благодарны. Успеем». Участковый повернулся и спокойно пошёл. Хочу уточнить, что дядя Яша не носил оружия.

Брат позвал нас с Колей, дав по тройку, велел: «Пулей за такси». А до стоянки бегом десять минут. Мы рванули. Повезло – увидели две машины. Показали деньги, и через пять минут снова были у сарая. Получив на каждого ещё по тройку – их дал нам какой-то взрослый, хорошо одетый, в светлом макинтоше и шляпе, мужчина, который, погрозив нам пальцем, улыбаясь, сказал: «Только без курева. На кино и мороженое». Мы рысью – за мороженым, которое продавалось там же, где была стоянка такси.

Да, через много лет, как-то на стадионе, я случайно встретил Николая. Вспомнили детство и этот случай. Оказалось, тогда в сарае было двое вооружённых беглых зэков. А два

средних брата моего товарища погибли на зоне.

Старьёвщик

Вспоминая свою жизнь в 50-х годах, хочу рассказать о старьёвщиках, которые ездили тогда по Ростokino, покупая подержанные вещи. Одного из них, Равиля, я хорошо запомнил. Он приезжал на большой телеге, запряженной лошадей, по воскресеньям. Мы называли его дядя Равиль. Мне запомнились его улыбка и добрый взгляд. Вещи обычно приносили женщины. Рассчитывался Равиль с ними деньгами, но, если сдавали мы, нам денег он не давал, а расплачивался шариками, свистульками в виде петушков и уточек. Девчонок одевал дешевыми колечками. Но главным призом для нас, пацанов, был наган-пугач, который стрелял очень громко. Его заряд был похож на пробку.

Расскажу, как мы заработали четыре пугача сразу. Кто это «мы»? Я, мой одноклассник Лёнька и сосед Славка, который был на три года старше нас. Как-то в воскресенье после игры в футбол Славка отозвал нас с Лёней и говорит: «Пугачи хотите?» Мы ему: «Конечно, хотим». «Я знаю, как это сделать». Дело было в начале апреля. Весна набирала силу, ярче светило солнце. Обычно в это время хозяйки вывешивали зимние вещи в палисадниках, которые были у каждого дома. Как правило, сушили пальто и полупальто и мужские, и женские, меховые воротники у них отстёгивали, чтобы не украли. В те времена зимы были очень холодные, и пальто

делали с подкладкой из ватина. Они были тёплыми, но очень тяжелыми. Славка сказал, что, знает, где висят три пальто. Два женских и одно мужское. «Если завтра будет солнечная погода, их опять вывесят», – предположил он. На следующий день погода удалась. Пальто действительно были в палисаднике.

Мы пришли из школы рано – где-то около часа. Славка нас встречал. Он учился во вторую смену. В то время школ не хватало даже в Москве. Учились в две смены. Первая начиналась в половине девятого утра, вторая – с двух часов дня. Славка предложил: «Пошли ко мне в сарай. Там бросите портфели». Оставили портфели и пошли смотреть, где висят пальто. Огляделись: никого нет. Быстро сдёрнули каждый по одному. Я сдёрнул женское. И на рысях через огороды к Славке в сарай. Мы с Лёнкой взяли свои портфели и пошли по домам, даже не подумав, что совершили обычную кражу. Дождались воскресенья. Приехал дядя Равиль на телеге. Отдали ему пальто, они ему понравились. Он дал нам за них четыре пугача, много пистонов, свистулек. Мы были очень довольны.

Я всегда вспоминаю старьёвщика и моё детство, когда смотрю один из своих любимых фильмов «Судьба барабанщика». Там есть такая сцена: старьёвщик за бесценнок покупает меховую горжетку у героев фильма, и, когда они возмущаются и говорят, что дёшево даёт, потому как она стоит намного дороже, старьёвщик отвечает: «Согласен, но она

не его!» И добавляет: «Где ты видел, чтобы мужчина носил женскую горжетку?»»

Комсомол

Шло время, я вырослел, проходило детство, пришла юность. Наступил 1960 год. В том году в апреле мне исполнилось пятнадцать лет. Пришло время вступать в ряды ленинского союза молодёжи. С той поры минуло много лет, и недавно мне захотелось рассказать о комсомоле, в основном, для молодых людей, которые практически ничего не знают об этой организации и её делах во славу советского государства.

Молодёжная организация коммунистической партии Советского Союза была создана как Российский Коммунистический Союз Молодёжи 29 октября 1918 года. В 1924 году РКСМ было присвоено имя Владимира Ильича Ленина. В марте 1926 года в связи с образованием СССР РЛКСМ был переименован во Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз молодёжи. О комсомоле написаны тома. Но я

хочу об этой организации сказать лично. Основное большинство юношей и девушек вступало в организацию по убеждениям и с желанием, и те, кто сейчас говорит о том, что в комсомол тянули, далеко не правы. Комсомольцы были в первых рядах армии и флота, героически воевали на фронтах Великой Отечественной войны, а потом восстанавливали свою страну. Среди комсомольцев много Героев Советского Союза и Героев социалистического труда. Город Комсомольск-на-Амуре назвали в честь его строителей – комсомольцев. Что нужно сейчас молодёжи, увы, это не мне решать, но комсомол – организация правильная. Это моё мнение.

Но вернёмся в Ростокино 1960 года. Как в других школах вступали в комсомол, я не знаю. Расскажу, как принимали меня. Как и большинство моих сверстников, я серьёзно готовился к этому шагу. Времени у меня было достаточно: играя в футбол, травмировал ногу и ходил в гипсе. Тренировки бокса тоже пришлось пока оставить. И вот настал день приёма. Нас было двое: я и парень из параллельного класса, Николай. Он занимался в «Крыльях Советов», в секции классической борьбы. Всё действие происходило во время большой перемены. Если мне не изменяет память, она длилась пятнадцать минут. Николай быстро ответил на пару вопросов и вышел. Взялись за меня. Я уверенно и полно отвечал на поставленные вопросы и уже подумал: «Всё. Прошёл». Но не тут-то было. Председатель Совета отрядов задал вопрос:

«В какие годы и за что комсомол награждён орденами?» Одну из дат я назвал неверно, и меня не приняли. Выхожу из школы. Обидно. Я ведь серьёзно готовился. Иду, смотрю: из магазина, который был напротив школы, выходят старшие ребята. Среди них мой сосед по бараку – Славка. Он кричит мне: «Вован, как дела?» При этом размахивает руками, а в каждой руке – по бутылке вина. Подошёл, поздоровался, посмотрел на меня. Понял, что у меня что-то случилось. Я ему и рассказал. Он говорит: «А что расстраиваться? Завтра или послезавтра примут». Я ему говорю: «Нет. Теперь только в следующем году». «Это неправильно», – сказал Славка. Спросил меня, где находится комната Совета дружины, и, кивнув одному парню из компании, вошёл в школу. Минут через десять они вернулись. Славка сказал: «Иди учись. Всё будет нормально». Я пошёл на урок химии. Хотя опоздал минут на пятнадцать, учительница меня пустила. Минут через десять в класс вошла председатель Совета дружины, звали её Зина, и что-то сказала учительнице. Та, посмотрев на меня, разрешила выйти из класса. Мы молча дошли до кабинета. Захожу, вижу: сидят все те, кто меня принимал на перемене. Зина задала мне пару вопросов, на которые я уверенно ответил, и они всем составом единогласно проголосовали за принятие меня в комсомол. Я, не совсем поняв, в чём дело, пошёл на урок. На следующий день меня встречает Зина и говорит: «Ну и друзья у тебя Вова!» Я в ответ: «А в чём дело?» Зина рассказывает: «Вчера зашли два бандита и

сказали, что если тебя не примут в комсомол, то из школы никто не выйдет. А если выйдет, то до дома не дойдёт». Так я стал комсомольцем.

Моспогруз

«Если хочешь жить, как тут,

Приходи к нам в Моспогруз».

Время шло. Я вырослел. Перешёл в одиннадцатый класс. Надо было заканчивать школу и поступать в институт. О высшем образовании я сам принял решение. Не хотелось сидеть на шее у матери. Многие ростокинские ребята работали профессиональными грузчиками в конторе Моспогруза, которая располагалась в Сокольниках на улице Матросская тишина, напротив тюрьмы. Я поговорил с Сашей Крестом о возможности поработать грузчиком, и он мне помог. Дядя Саша долгие годы дружил с семьёй Орловых, где отец – дядя Коля и два его сына – Толя и Виктор были профессиональными грузчиками. Они взяли меня с собой в контору, но возник серьёзный вопрос: разрешалось работать с восемнадцати лет. Нашёл выход Толик. Он был старше меня, успел отсидеть срок и отслужить в армии, играя там в футбол. Играл он профессионально и даже во время службы отыграл успешно в одной из команд класса «Б». В те годы чемпионат СССР по футболу проводился в двух классах: «А» и «Б». Его пригласили в одну из известных команд класса «А», но, увы, он сел. Толик сказал мне: «Завтра возьми две фотографии и рабочую одежду- Пойдёшь со мной на кондитерскую фабрику имени Бабаева». Она находилась на Верхней Крас-

носельской улице.

Проходную миновали просто – толпой человек в десять, все грузчики. Они меня прикрыли, и я оказался на территории фабрики. Зашли переодеться в раздевалку. Там же мне быстро сделали пропуск. Тогда я впервые увидел, как при помощи варёного куриного яйца перекатывают печать. Пропуск был готов. Свободно пользовался им на проходной в течение полугода.

Сразу «встал под сахар». Толик подошёл и предложил: «Может, с ящиков начнёшь, попривыкнешь? Они намного легче, чем мешки». Но я остался на мешках. Они по весу были разные: 50 килограммов, 100 и «кубинский» – 101 килограмм. Замечу, что мой личный вес к этому времени был 69 кг. Но, как ни странно, я справлялся, и своей очереди у транспортёрной ленты не пропускал. А по ней шли мешки, которые выгружали сразу из вагона, и они с транспортёра падали на спины грузчиков.

Как вы уже догадались, работал я во время занятий в школе. Мать узнала, но махнув рукой сказала: «Делай, как знаешь!» Как оформлялась в конторе моя зарплата, я не интересовался. Трудовая смена длилась 12 часов. День вкалываешь, два отдыхаешь. Мой заработок в месяц был от 110 до 140 рублей. Отмечу, что в то время зарплата учителя и врача составляла от 80 до 110 рублей, а инженера, молодого специалиста доходила до 120 рублей в месяц. Толик был честен со мной в расчётах, в этом я уверен. С зарплаты скидыва-

лись «бугру» за справки. Справка – это отчёт о сделанной за смену работе, правильно оформить её очень важно. От этого зависела оплата. Учитывалось, например, сколько метров несёшь груз: десять или двадцать – расценки были разные. Я каждый месяц получал премию, где-то по 10-12 рублей. За что мне платили её, я не знаю, но премиальные мне выдавал Толик. Случалось, когда я был на тренировках или сборах, он приносил деньги моей матери. Она удивлялась, но Анатолий успокаивал: «Володя это заработал».

Мне ещё доплачивали и закрывали смены, как футболисту. Я играл левого защитника в команде Моспогруза, которая выступала на первенстве Москвы, по какой группе не помню. Перед серьёзными играми обязательно были тренировки. В основном матчи проводили на стадионе, который в то время был у метро Семёновская. Сейчас на том месте стоит торговый центр.

Да, упустил нечто важное. Я не пил и не курил. Первая игра, в которой участвовал, меня удивила. В раздевалке народу – на три состава. Весь криминальный цвет трёх вокзалов – Красносельской и Сокольников, все дают наставления игрокам. Ко мне подходят два серьёзных парня, которых я до этого не встречал, и дружеским тоном мне говорят: «Во-ва, ты играешь левым защитником. Выноси смело любого, кто идёт по твоему краю. Никто тебя не тронет и не обидит ни во время игры, ни после».

Все выпивают. В основном водку. Но, насколько я видел, наши игроки не употребляли, хотя за этим особо и не следил. Даже уверен, что, если они бы и приняли, на их игре это бы не отразилось. Состав команды приличный. Многие прошли школу футбола, некоторые играли в классе «Б». Вратарь в классе «А» выступал за одну известную республиканскую команду. О себе и своих способностях говорить сложно, но игры я не портил, а функциональная подготовка у меня в разы выше, чем у любого игрока нашей команды. Во втором тайме мог играть в защите, полузащите и ещё подключался в нападении. За Моспогруз я отыграл до конца сезона 1963 года. Команду не подвёл, несмотря на экзамены в школе и поступление в институт.

По прошествии многих лет я понял, что сложнее всего было во время матча не игрокам, а судье, потому что болели за нас «очень серьёзные ребята». И мы держали марку. Играли

жёстко, однако строго по правилам.

С того матча мы ехали с Толиком на электричке до станции Яуза. Игра закончилась в районе полудня. Был будний день. В поезде я встретил своего знакомого Леонида, мы вместе с ним тренировались в клубе «Крылья Советов», и задержался с ним на выходе, а Толик двинулся вперёд и вышел со одной стороны, а я – с противоположной. Через пару строк вы поймёте, к чему это уточнение. Мы повернули домой (жили с ним в одном бараке). Вдруг Толик останавливается и говорит: «Пошли в кино. Ребята говорят, что фильм классный идёт – «Тайна Жао-Кораль». Я ему отвечаю: «У меня денег нет». А он: «У меня тоже», – и достаёт классные часы. Я удивился, а приятель объясняет: «Да вот, пошёл на выход. В тамбуре стоит какой-то хлюст. Задел его нечаянно сумкой. Не успел извиниться, как он меня обозвал. Ну, я врезал. Хорошо, в тамбуре никого не было. Он упал, раскинув руки. Смотрю «котлы» классные». И, оправдываясь то ли передо мной, то ли перед собой, сказал: «Ну, наказать-то надо!» Я промолчал. Толик тогда так рассудил: «Сейчас за тройка продадим, и в кино. Ещё мне на пиво, а тебе на крюшон и корзиночки хватит». Ростокинским были известны мои кондитерские пристрастия.

Вошли в сарай, там два человека. Я их знал – воры. Толик предложил им часы. Они, смеясь, посмотрели на нас, и один из них закатал рукав левой руки. Там было надето несколько часов: «На правой столько же!» Ну, мы им сказали, что хо-

тим сходить в кино. Фильм хороший. Они пригласили: «Да пошли, у нас деньги есть!» Посмотрели хороший приключенческий, что важно, цветной фильм, ну и, конечно, в буфете отметились.

Толик был способным, я бы сказал, не без таланта. Много читал, несмотря на то, что два раза сидел, сленг в разговоре практически не употреблял, разве, для юмора. Танцевал, хорошо играл на гитаре, пел, но, увы, окончил жизнь в феврале 1974 года, выйдя из окна десятого этажа квартиры сестры. Был трезв, и со слов очевидцев, стоя в проёме окна, улыбнувшись, сказал: «Ну, я пошёл». Так что талант и способности – одно, а жизнь – совсем другое.

Ипподром

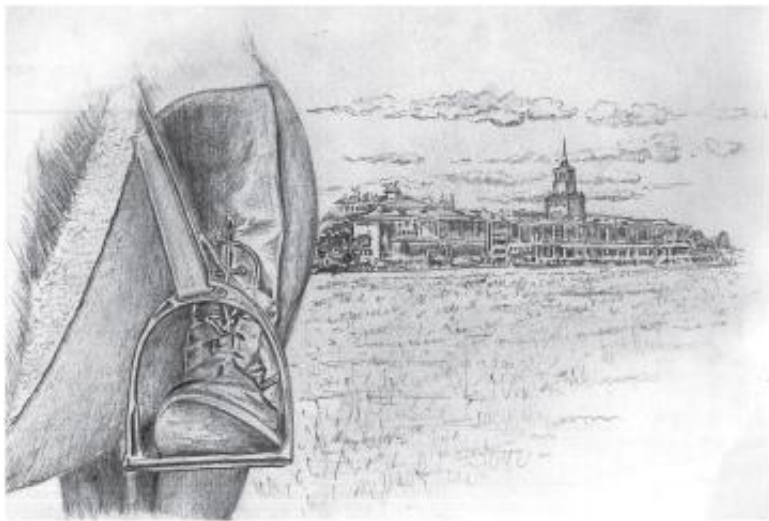
*«Я где-то слышал краем уха,
что едет Ваня Попельнуха...»*

Когда я учился на втором курсе института, мой друг Дмитрий предложил съездить на бега. Я согласился. В воскресенье отправились. На ипподроме я до этого никогда не был и интереса к играм на деньги не испытывал. Мы пошли на трибуну, так называемую «сороковку» – цена билета туда сорок копеек. Весь ипподром делился на три вида мест: за восемьдесят копеек, сорок и двадцать.

Мне было интересно наблюдать за людьми. Глаза горят, отчаянно спорят о лошадях и их наездниках. Подошли знакомые ребята: Михаил (мастер спорта СССР по теннису), Борис (мастер спорта по вольной борьбе) и Володя Московкин, который полностью соответствовал своей фамилии – был пятикратным чемпионом Москвы по боксу. Ребята надёжные во всём. С ними я дружил, пока наши дороги не разошлись. Кто в Америку уехал, кто в Израиль, а кто ушёл из жизни. Все они ходили на ипподром не посмотреть, а играли с наездником, чтобы заработать деньги. Потом меня с ним познакомили. Его уже давно нет в живых, но я не хочу называть его фамилию. Как сейчас говорят: «Бизнес и только бизнес».

Все мои друзья являлись действующими спортсменами,

но, когда они были на сборах в Москве, то находили время и для ипподрома. Встречались около него за час-полтора до открытия. Схема, по которой мы работали, в принципе была одна и та же, иногда с вариантами. Один шёл в конюшню, где наездник давал расклад по трём заездам. На те, что перед ним; тот, где едет сам; следующий за ним. Играли: в ординаре – это ставка на один заезд и в длинном – ставка на два заезда. Допустим, в первом заезде ставим на номер один, а во втором – на номер пять.

Условностей было много, но я приведу один пример. Наездник сообщает, что в его заезде фаворит он. Как говорят:

«Он едет». Но для страховки называет ещё одного, максимум – двух наездников, которые могут накатить, в смысле – выиграть. Если были непредвиденные изменения, подавались сигналы знаком на раскатке перед самым заездом. Наездник снимает и одевает картуз, перекладывает хлыст из руки в руку. Вкратце так. В общем, как говорит поговорка тех лет: «Я где-то слышал краем уха, что едет Ваня Попельнуха». Иван Попельнуха – известный наездник тех лет.

Для конспирации играли в основном в «двадцатке». Выигрывали чаще, чем проигрывали. После выигрыша нам с Дмитрием перепало по червонцу, иногда по два и ресторан, где мы не платили. Пить мы не пили, но ужинали всегда с аппетитом. А после ресторана – по пятёрке на такси обязательно. Чаще всего ужинали в ресторане «Сатурн» у метро Кировская. Там пела певица Ира, которая, причем не один раз за вечер, исполняла известную, как говорили в то время, белогвардейскую, песню «Купите папиросы». Это было время, когда мы успевали учиться, тренироваться, выступать на соревнованиях высокого уровня, потому что были молоды и во главу угла не ставили деньги.

Смерть вождя

В 1952 году я пошёл в первый класс. Как всё было, к сожалению, не помню. Единственное, что отложилось в памяти, – в школу, до которой было около километра, привела меня бабушка. Потом ходили туда толпой человек по двадцать. Уроков тоже не помню, но отчетливо запечатлелся март 1953

года. Пятого марта умер отец и учитель всего советского народа – Иосиф Сталин. О его смерти объявили шестого марта в шесть утра. Что происходило у нас в доме, не воспроизведу, но, когда вышел из барака, встретил соседа Славку. Тот сказал, что умер Сталин, и сегодня смеяться нельзя. Ну, сказал, и что? Я пошёл в школу. А там суета.

Все учителя стоят в коридоре и плачут. Педагоги, в основном, женщины. Мужчин-учителей помню всех. Два математика (один из них, Борис Иванович, который дополнительно вёл физику), преподаватель черчения и рисования, преподаватель физкультуры. Прозвенел звонок. Мы вошли в класс. Все мальчишки (совместное обучение с девочками началось в четвёртом классе). Наша учительница – Клавдия Сергеевна (помню не только имя-отчество, но и фамилию) с носовым платком в руке, вытирая слёзы, говорила что-то о величии Сталина, о том, что умер наш отец. Потом мы пошли на линейку, посвящённую смерти вождя, но не в актовЫй зал, который был на четвёртом этаже. Учащихся первого – пятого классов построили в коридоре. Все учителя, плача и вытирая слёзы, говорили о Сталине, что он выиграл войну, и весь советский народ теперь осиротел.

После линейки мы вернулись в класс. Клавдия Сергеевна ещё ничего не успела сказать, как дверь с грохотом открылась, и в неё ввалилось человек пять-шесть старшеклассников во главе со Славкой. Все были возбуждены, громко кричали, что сегодня смеяться нельзя. Славка, обращаясь ко мне сказал: «Вован, кто засмеётся – бей в глаз». Уважаемые читатели, у вас вполне обоснованно может возникнуть вопрос: «Почему именно в глаз?» В те непростые годы среди шпаны гуляла такая поговорка: «Не трожь рабочий класс, а то получишь в глаз».

Седьмого марта младшие классы освободили от уроков.

Все обсуждали и интересовались похоронами Сталина и собирались на них идти. От старших узнал, что Саша Крест созывал сход только ростокинских по похоронам вождя. Я хотел пойти с ними, но он настрого запретил меня брать. Так что, возможно, спас мне жизнь, потому что там погибло много людей. Где-то через неделю после похорон зашёл в сарай к Славке и был очень удивлён увиденным. На полу – гора женских сумок, а на топчане – гора воротников песцовых, каракулевых и лисьих с мордами и лапками. Воротники в то время накидывались на пальто и крепились крючками. Я это знал, потому как в декабре – перед Новым годом мы покупали бабушке воротник из песка. Даже помню где – в Щербакском универмаге, сейчас там метро Сухаревская. Вспоминая то время, я понял, для чего дядя Саша собирал местных.

С исторической точки зрения о смерти вождя, говорить не хочу, хотя и имею высшее историческое образование. О Сталине я помню с пяти лет. Когда был в детском саду, нам, детям, очень часто про него рассказывали. Пишу только то, что помню. Говорили, что Иосиф Виссарионович нас спас, выиграл войну, все ночи напролёт он работает, думая о нас, детях, что Сталин отец всех советских людей. На его день рождения в декабре на обед давали сладости. Я с детьми не один раз украшал портрет вождя цветами, сделанными из цветной бумаги. Когда у нас в доме собирались гости, не помню, чтобы во время застолий его вспоминали и пили за его здоро-

вье. Вполне возможно, что вели разговоры и пили за здоровье вождя, но без меня. За столом сидели достойные люди, прошедшие войну, как и мой отец, но помню только двоих. Дядю Борю – лётчика, который до войны пел в Большом театре. У него была бронь, но до войны он окончил школу ДОСААФ, отказался от брони, прошёл ускоренные курсы лётного состава и ушёл на фронт. Летал на бомбардировщике. В 1942 году, летом, его сбили над территорией врага, но в плен он не попал. Спасли и выводили его местные жители. Что интересно, к своим через линию фронта он перешёл в одиночку и продолжил летать. И дядю Володю, полковника, танкиста, командира полка. Это всё, что я могу рассказать о Иосифе Сталине и его похоронах.

Автозавод

Вам, уважаемый читатель, интересно будет узнать: «Почему автозавод?» Да потому, что мой дед Спиридон и дядя Серёжа на заводе АМО (Автомобильное Московское Объединение) работали с 1923 года. Спиридон родился в Подольской губернии. Семья его занималась огородничеством. В 1910 году парня призвали в царскую армию. Попал в кавалерию, в драгуны. В то время служба длилась четыре года. В августе 1914 года он должен был выйти в запас, но началась Первая мировая война.

По наградам, которые дед заслужил на войне: три «Георгия» и именное оружие – видно, что воевал достойно. Закончилась Первая мировая – началась братоубийственная Гражданская. И только в 1918 году вернулся Спиридон в свою деревню. Два дня осматривался, потом уехал. Почему? Дед мне подробно об этом рассказал незадолго до смерти. Это я хорошо помню. Умер он в 1980 году. Мне в ту пору было 37 лет.

Приехал мой будущий дед в деревню, посидели, как водится, – у него были водка и еда. Спросил: «Как брат старший Николай?» (Тот тоже воевал и в то время был в плену. Как потом узнали, там и погиб. Надо отдать должное германским властям, которые прислали официальный документ о том, от чего он умер и где похоронен). «Кто из моих друзей в

деревне?» Родители назвали двоих, как оказалось, они пришли с войны инвалидами. Было поздно, легли спать. Утром рано на пороге появились два друга-инвалида. Дед сразу бутылку и закуску – на стол. Сели, начали разговор. Мать с отцом ушли, чтобы не мешать. Всех вспомнили, помянули не вернувшихся с войны и перешли к политике. Время было такое – о политике говорили все. Дед спросил: «А кто власть в деревне?» Друзья называют ему двоих из деревни – пьяниц и бездельников. Их никто не уважал. Дед очень удивился. А ему говорят, что, когда случилась революция, эти двое соорудили красное знамя и ходили по деревне, распевая: «Смело, товарищи, в ногу». Через неделю приехало губернское руководство. Вручили им печать и мандат о том, что один из них является председателем сельсовета, другой – его заместителем. Председателю дали маузер, заму – винтовку. Дед, ничего не говоря, дождался родителей, попрощался и уехал воевать на Гражданскую.

Вернёмся в 1923 год, к автозаводу. Деда взял на работу сам Лихачёв. Его определили в отдел снабжения. Он грамотный, хорошо писал, обладал феноменальной памятью. Я помню, когда мне было лет семь-восемь, он мне наизусть читал стихи Пушкина, полностью «Бородино» Лермонтова. В то время снабженец для такого предприятия – не только необходимая, но и опасная для жизни профессия. В 1924 году в разгаре НЭП (Новая экономическая политика). А вместе с тем, карточки. О бандитизме в те времена говорить не

буду.

Зимой 1925 года деду дали задание поменять карточки на продукты и привести на завод. Выделили подводы, извозчиков и одного помощника – молодого парня. Обменивать карточки надо было в районе Таганской площади. Подъехав к означенному месту (а там всегда была тьма народу), потолкавшись, заняв очередь, отошли в сторону. И тут помощник замер. Он обнаружил, что все карточки у него украли. Они были в подшитом внутри кармане. Вас удивит, почему карточки были не у старшего, то есть у моего деда. Это делалось для отвлечения воров. Чтобы те подумали, что карточки у старшего. Напарник побледнел и не мог вымолвить слова, но дед его успокоил, сказав, что за карточки и продукты отвечает он лично. В те времена о тюремном сроке за потерю карточек мечтать не приходилось – сразу расстрел.

Дед вспомнил, что в 1916 году после серьёзного ранения ему дали отпуск. Пару дней перед отъездом на фронт пробыл в Москве и хорошо погулял. Закончил гулянку на знаменитой Сухаревке, известной в России своими воровскими притонами. Денег было прилично. Поил всех. Когда надо было уезжать, провожать его на вокзал поехал серьёзный парень, который принимал участие в гулянке. Он назвал себя Иваном. Но его это имя или воровское, никто не знал. Иваном в те годы называли криминальных авторитетов. Прощаясь, он сказал: «Спиридон, хороший ты человек, смелый и добрый. Храни тебя Господь. Если что случится, будешь в Москве,

спроси Ивана с Таганки». И назвал место, где его можно найти. Почему дед это вспомнил? Он сказал, что у него в голове в течение нескольких секунд пролетела вся его жизнь. Извозчикам дал денег – они пошли пить чай, а с молодым отправились искать место, которое назвал Иван, на Таганку. Войдя в трактир, обратились к половому, тот сделал удивлённый вид, не ответив, и спросил: «Что желаете?» Заказали чай. Через пять минут к ним подошёл пожилой, угрюмый человек. Поинтересовался: «Кто ищет Ивана? Что нужно?» Дед назвал себя, и сказал, что у него беда. Человек спросил: «Деньги есть?» Дед кивнул. Тот сказал: «Ждите!» – и ушёл. Где-то часа через два в чайную ввалилась большая компания. Ивана среди них дед сразу и не признал. Один из этой компании, модный и богато одетый в шубу и меховую шапку, человек подошёл, улыбаясь: «Здорово Спиридон!» – и сразу по делу: «Рассказывай». Дед всё и выложил. Иван – молодому: «Встань!» – внимательно рассмотрел куртку. Подозвал одного из своей компании. Тот тоже посмотрел и, обращаясь к Ивану: «Не наши. Такую «рискну» работают замоскворецкие». Иван своему товарищу что-то сказал. Когда тот ушёл, обращаясь к деду: «Надо ждать утра». Спиридон согласился: «До утра терпит. Но кроме нас – извозчики и три подводы. Надо где-то переночевать». Иван поманил пальцем полового, велел, чтобы тот решил вопрос с ночёвкой. А деду сказал: «Спиридон, всё оплачено, ужинайте, завтракайте, утром вас найдут». Ночь прошла без сна. Утром пили чай.

Вдруг дверь открывается, входят двое здоровых парней, и с порога: «Кто тут Спиридон?» Затем из кожаной сумки молча вываливают на стол карточки. Говорят: «Не беспокойся, все на месте. Иван велел кланяться. Сам занят. Не теряй больше!» – и ушли. После с Иваном Спиридон не встречался, но был ему очень благодарен.

С 1923 по 1965 год дед работал на заводе. За это время название завода несколько раз менялось. С АМО – на завод имени Сталина, потом – имени Лихачёва. С этим названием он и канул в Лету. Дед, несмотря на смену «вывесок», всё время работал на шлифовальном станке. Он был классным специалистом. Имел награды. В то время, по оценке иностранных специалистов, в том числе американских, которые кое-что понимали в автомобилестроении, завод признавали лучшим и не только по размеру, но и по качеству выпускаемой продукции во всей Европе, а сейчас на территории жилой комплекс и хоккейный дворец. Не всё в той моей стране-родине – СССР было плохо, и это факт. Жаль, лучшее не удалось сохранить. За почти тридцать лет «новой России» ничего подобного в области автомобилестроения не создано.

Два Ивана

В Моспогрузе я продолжал работать, учась в институте, точнее – подрабатывать, но трудится приходилось там, где была необходимость в грузчиках. Это многие объекты: завод «Красный богатырь», Преображенская овощная база, завод «Узбеквино». Кратко вспомню про все объекты.

На первом – заводе «Красный богатырь» всё обыденно, в основном, рутинная работа. Поднёс – отнёс. Где-то на второй или третьей смене ко мне подошёл бригадир, он был в возрасте, и обратился очень вежливо: «Владимир, за тебя серьёзные люди сказали. Дело есть по деньгам». Я кивнул, дал согласие выслушать. Бугор говорит: «Ящики с готовой продукцией надо поднести». Показал место куда. «Ну, и на ата-се постоять. А дальше, чтобы тебя не светить, ребята займутся. Вова, хорошо зарабатываешь». Я ему: «У меня свой интерес. Смену проставите?» Бригадир ответил: «Не вопрос». И добавил: «И месячная премия». Он слово своё сдержал, и две-три смены в месяц закрывал. Я больше времени мог уделять учёбе и тренировкам. Когда уходил с завода, спросил бригадира: «Всё нормально?» – имея ввиду сворованную продукцию. Он спокойно улыбнулся: «Володя, десять-двадцать ящиков готовой продукции никто и не заметит. Представляешь себе, сколько ворует руководство, – к коммунизму идём!» Шёл 1964 год – страна тогда называлась СССР.

На новой подработке – на заводе «Узбеквино» столкнулся с незнакомым видом работы. Надо было загружать и разгружать бочки с вином. Вес бочек – от двухсот до пятисот килограммов. Работа непростая, даже опасная. Особенно, когда разгружаешь со второго яруса. Бочки скользкие, перчатки мокрые. Бочка легко может слететь с настила, а куда отскочить – места нет. Такой труд требует не только силы, но и напряжённого внимания. Второй вид работ – погрузка на машины ящиков с готовой продукцией. Это вино в бутылках, в основном, по 0,75 литра. Ставили на машину сразу по три ящика, иногда по четыре. Часто водители доплачивали грузчикам за скорость, чтобы сделать больше ездов по магазинам – в торговой точке получали свои десять-двенадцать рублей. Они успевали сделать три-четыре поездки. Считайте, их премиальные в день – сорок рублей плюс то, что списано на официальный «бой». Две бутылки, как минимум. Добавляйте к сороковнику ещё червонец. Пятьдесят рублей в смену! Но с этих денег они делились.

Ящики с готовой продукцией весили около двадцати килограммов. Подсчитать легко: четыре ящика – около восьмидесяти кг. Иногда брали и по пять. Для меня это была хорошая тренировка. Со мной в бригаде работал грузчиком, бывший известный «медвежатник» Иван. Было ему в то время пятьдесят шесть лет. Отсидел семнадцать лет. Познакомившись с ним, я спросил: «Как ваше отчество?» Он мне сказал, чтобы я его называл по имени.

Иван имел рост за сто девяносто сантиметров, сухое телосложение, рельеф мускулатуры меня удивил: как его можно было сохранить после стольких отсидок? Как-то во время обеда зашёл разговор о спорте. Вообще-то, как правило, обед проходил в полном молчании, иногда только обсуждались профессиональные вопросы. Из пяти человек бригады трое отсидели. У серьёзных людей не принято языком молотить. Иван признался, что в молодости за ним ходили тренеры. И рассказал, как однажды пришёл на стадион с друзьями. Там бросали, как я понял, диск. Иван назвал его блином. Это не шутка. Уверен, что он не знал правильного названия легкоатлетического снаряда. С друзьями они были немножко выпившими, и Ивана завели: «Иди, попробуй, кинь этот блин!» Но, как ни странно, тренер разрешил. Его впечатлили рост и атлетическая фигура парня. Иван взял диск, размахнулся и бросил его. Тренер оставил своих подопечных и пошёл за Иваном к его компании, которая сидела на трибуне. Стал уговаривать прийти на тренировку. Отметил, что у молодого человека отличные данные, и ему надо заняться спортом. Ещё сказал, что его спортсмены тренируются больше двух лет, а он с первого раза показал результат такой же, как у них. Вспоминая об этом, Иван сожалел: «Зря не занялся спортом, может быть, тогда и вором бы не стал!»

Обед по времени был не нормирован. Всё зависело от машин. Они ждать не могли. Начиналась погрузка. Иван, очевидно, хотел показать, что он и сейчас не из слабых. Поста-

вил друг на друга восемь ящиков с готовой продукцией, поднял их, прошёл три-четыре шага – и они оказались на дне кузова. Вот, пожалуйста, сто шестьдесят килограммов!

На работе всё шло своим чередом. Работа она и есть работа. В общем, бери больше – кидай дальше, а бочки – кати. После семи смен вызывают меня к руководству завода. Представились: директор и завпроизводством. Красивая женщина. Директор говорит: «Владимир, вы спортсмен и не пьёте». Я сказал: «Всё верно». И сразу к делу: «С вашим бригадиром договорились. Мы поставим вас на разлив вина из цистерн в бочки. Это просто. Шланг, штуцер и наполняй бочку». Кажется, это даже примитивно. Не понял, причём здесь пьющий или непьющий. На следующий день всё прояснилось. Я подошёл к бригадиру и рассказал о предложении руководства. Он объяснил: «Самые крепкие выдерживают не более тридцати минут и падают мертвецки пьяными. Работа заканчивается. Иногда падают и не успевают закрыть штуцер. Вино льётся по территории рекой».

Приступили к работе, бригадир говорит: «Студент, иди на розлив!» – ударение поставил на первый слог. Где-то через час, смотрю, со стороны железнодорожных путей ко мне подходят ребята с «Бабаевки», футболисты и не только. Толик впереди, улыбаясь, говорит: «Вован, не дай умереть пацанам!» Ну, и я начал розлив в железную кружку ёмкостью один литр. Толик, как старший, выпил последним. Поблагодарили. Ушли. Смотрю, идёт толпа – ребята с трёх вокзалов

вместе с сокольническими. Руками мне машут, смеются. На разливе я был раза три-четыре, и всё время по той же схеме. Когда уходил с завода, мне заведующая производством дала тридцать рублей. Сказала, что это премия.

Лет через десять у меня появились интересы в Сокольниках. Часто бывал в парке. Заходил в кафе «Сирень», «Фиалка» и «Прага». Там почти всегда вспоминали розлив на «Узбеквино». Смеялись.

И, в заключение, о работе на Преображенской овощной базе. Здесь я познакомился с очень интересным человеком и тоже Иваном. Его уже нет в живых, но я уверен, что он не обиделся бы на меня за рассказ. Я и мой друг Виктор попали к нему в бригаду. Смену закрыли и разошлись. Через три дня пришли на базу. В раздевалке ко мне подходит Иван, по пояс голый, «третьяковка» отдыхает – всё синее. На спине пять куполов. Впечатляюще. Но я уже такое видел, а Витёк открыл рот от удивления. Иван кивком головы мне показал, что мне надо отойти, и очень вежливо: «Владимир, ну, что ж ты не сказал, что людей серьёзных знаешь? За тебя они доброе сказали».

Уважаемый читатель, позвольте объяснить, что значит рекомендация «серьёзных» людей. Ну, например, при переходе на другую работу в то время вам давали характеристику с прежнего места работы, а в криминальной среде это происходило на словах. Поручительство «авторитетов» – это как характеристика, заверенная печатью отдела кадров. Я ответил, что работать пришёл. Он кивнул и говорит: «Будешь бригадиром. А то у меня дел по горло». Вокруг базы – четыре магазина. Там почти каждый день «заказы». Ну, я сразу понял, что с базы напрямую идёт продукция в магазины. А расчёт – деньги или бартер (но такого слова никто в то время не знал – расчёт товаром за товар). В конце разговора Иван развёл руки в стороны и сказал: «Знаю, что не пьёшь. Расчё-

та спиртным не будет. Только деньгами».

У грузчиков своя раздевалка, отдельная от всех работников базы. Она даже не закрывалась на ночь, но там ничего никогда не пропадало. Где-то часов с двенадцати дня она превращалась в штаб. К Ивану подходили смотрящие со всех складов базы, сообщали о наличии товара и о его качестве. А Иван сверял это с заказами из близлежащих магазинов. И так, как минимум, раз в неделю. Например, рядом был овощной магазин. Мне кажется, что он работал почти на сто процентов с ворованных с базы овощей и фруктов. Кстати, о членах бригады – трое из шести сидели. В те годы был строгий закон – после отсидки необходимо было устроиться на работу и принести справку в отделение милиции по месту жительства. Поэтому среди грузчиков много сидельцев, так как на другую работу их просто не брали.

Вернёмся к обеду. Иван как-то ни с того ни с сего, хотя я его ни о чём не спрашивал, говорит: «Вообщето, я в завязке, в смысле – не вор». А у него ведь пять ходок, всего на круг где-то двадцатка. Но по-своему он прав. Женился, жена, на всякий случай, кандидат физико-математических наук. Работала в Академии наук. Иван очень гордился, и что работает она у самого Келдыша. И это факт. Мстислав Всеволодович Келдыш возглавлял Академию наук с 1961 по 1975 год. «А магазин – это так, чтобы не побираться. Воры – руководители базы. Воруют не только вагонами, но, бывает, и составы уводят. Кто рулит этим, я знаю. В доле даже люди из

райкома партии, но кто – не скажу – до дома не дойду». Многие думают, что коррупция, прямое воровство и крышевание пришли в страну вместе с девяностыми. Нет. Оказывается, это было и в СССР, в той, любимой нами, стране. Ивану я верил, так как он был уважаемым человеком в мире криминала. Работал он в основном по Прибалтике, так как там, как он говорил, собралось очень много зажиточных людей.

Я и Иван часто выходили пообедать в летнее кафе. Хочу отметить, если я позволял себе это в рабочей одежде, то Иван всегда переодевался. Уже когда я уходил из Моспогруза (кстати, мне дали спортивную ставку), спросил, зачем он это делает, ведь кафе рядом, он, смеясь, ответил: «Людей серьёзных могу встретить. Фасон надо держать». Это я взял себе в пример. Какие бы трудности и невзгоды не возникали в моей жизни, а их было немало, фасон я держал.

Иван не курил и практически не пил, было ему тогда пятьдесят два года. Он мне доверял. Однажды рассказал о том, как с друзьями «перевёз» Леонида Осиповича на дачу. Утёсов в те годы проживал напротив метро Красносельская. Погрузили на две машины почти всю мебель, но никто даже не обратил на это внимание. Сам Леонид Осипович был в это время на гастролях.

Тут хотелось бы пару слов уделить Александру Тарасовичу Прокофьеву, как о нём сейчас говорят, «легенде преступного мира СССР». Однажды, в кафе к нам подошли три человека. Скажем точнее, к Ивану. Двое высоких и крепких,

третий – невысокого роста, но я понял, что он среди них главный, потому что разговор вёл он. Они с Иваном перемигнулись, посмеялись, наверное, вспомнили что-то своё. Перешли к делу. Иван на меня покосился. Я понял и отошёл в буфет. Вернулся минут через пять – их уже не было. Иван сказал, что дело предложили, но он слово жене дал. Я поинтересовался: «А этот, невысокого роста, которого ты Сашей назвал, видно, серьёзный человек». Иван ответил: «Саша Шора – за вокзалами смотрит». Прошло много времени. В 1977 году вышел телевизионный фильм «Место встречи изменить нельзя», где актёр Станислав Садальский сыграл роль вора-карманника Кирпича. Но в фильме «погоняло» Шора не звучало. Через некоторое время появился документальный фильм, из которого я узнал, кого сыграл Садальский. Больше я не встречался ни с Иваном, ни с Александром Тарасовичем. Казалось бы, люди эти из криминального, а проще – воровского мира, но в разговоре с ними я не чувствовал дискомфорта. Говорили они нормальным, человеческим языком, не используя сленга.

Детство и юность я провёл в среде криминала, так сложилась жизнь, но выбрал для себя другой путь. Выбор есть всегда.

Налёт

Коля Зуб уже как три месяца был на свободе. Жил на окраине города Серпухова. Серпухов – это 101-й километр от Москвы. Место, куда высылали рецидивистов и уголовников и не только их, но и отсидевших так называемых «врагов народа».

Наступил 1957 год. Москва готовилась ко Всемирному фестивалю молодёжи и студентов. Николай сидел в своей конуре, извините, по официальным документам, – комнате. Курил «Север». Кстати, среди деловых в то время ходил такой анекдот: «К киоску подходит покупатель, даёт деньги и говорит: «Отец, дай то, что строил (имея ввиду «Беломорканал»). Киоскёр отвечает: «Сынок, того, что строил нет, дам то, где ты был и ещё не раз будешь. И бросает пачку «Севера»».

Почему Зуб? Говорили, что лучше ему на зуб не попадаться. Загрызёт. Никола, куря и потягивая чифирь из металлической кружки, думал думку. О том, как сделать ветряк в одной сберкассе, расположенной в пригороде Серпухова. Решал, кого взять в дело. Был только один надёжный человек – Серега, с которым он познакомился на зоне, когда сам зашёл на вторую ходку. По прикидкам Зуба, выходило, что для дела нужно пять-шесть человек. Он всё рассчитал: один водела, лучше грузовика, а совсем хорошо, если будет фургон

«Хлеб»: он может спокойно ездить и утром, и вечером, не привлекая внимания; второй – стремной (это должен быть очень внимательный парень, лучше совершеннолетний, а не юнец: молодой пацан один ночью на улице может привлечь к себе внимание). Позвольте отвлечься. В те годы, если ребята школьного возраста во время учёбы заходили в магазин или кинотеатр, то продавцы и работники кинотеатра могли спросить, почему они не в школе, и даже позвонить в милицию.

Колян быстро нашёл тех, кто ему был нужен. Ему, как всегда, везло. Пацана на стреме привёл Серега. Это был его сосед, он заканчивал ремеслуху. Здоров не по годам, покуривал, но не пил. Через две недели «на высылку» прибыли ещё двое деловых, которых знал Зуб. Банда была в сборе. Пять человек и шестой – Николай. Зуб решил, что время пришло. Можно «работать» сберкассу.

Все вместе собрались на пикнике у Оки, чтобы не привлекать внимания. Шёл июль. Погода была хорошая, светило солнце. На травке расстелили газету. Поставили на неё несколько бутылок пива, лимонада, разложили бутерброды и открыли всего одну бутылку водки. Никола пьянку не приветствовал. Говаривал: «Чифирь – да. Это полезно, и голова утром не трещит, а соображает». Он разлил водку. Парню из ремеслухи наливать не стал, сказал, чтобы тот употреблял лимонад. Выпив, перекусили и перешли к делу. Кассу решили брать в ночь на 28 июля. Это был выходной.

В этот день в Москве открывался Всемирный фестиваль

молодёжи и студентов. Советский Союз впервые принимал такой форум. В нём участвовала молодёжь из 131 страны мира. В рамках молодёжного форума проводились кинофестиваль и большой спортивный праздник в Лужниках. Стадион был построен в 1956 году. Символом форума стал Голубь мира, придуманный Пабло Пикассо, известным испанским художником и скульптором.

Но пора уж вернуться к деловым. Как решили действовать внутри сберкассы? Это не очень сложно. Вохровец в возрасте, но вооружён наганом. Зашли, затемнили его без крови. Зуб презирал мокрушников. Сейф Никола брал на себя. В общем, дело «сработали» и отвалили. Однако есть одно «но».

Как войти в сберкассу без шума? Никола и тут знал, как поступить. Ещё до разработки этого дела, километрах в двадцати от Серпухова, у своей знакомой он припрятал мотоцикл с коляской и два комплекта милицейской формы. Милицейский мотоцикл в те годы тоже не привлёк бы внимание, тем более в Серпухове. Даже в Москве в те годы патрульные передвигались на мотоциклах с колясками.

Пару слов о самом деле. Подъехали на мотоцикле к сберкассе. Фургон «Хлеб» стоял в ста метрах, но на другой стороне. Серёга играл роль старшего милиционера, парень он был ладный и видный. Форма на нём сидела хорошо. Нажал на звонок. Подошёл вохровец. Сергей очень вежливо представился. Дверь открылась. Сергей и его поделщик в мили-

цейской форме зашли в помещение сберкассы, обезоружили охранника, связали. Да он и не сопротивлялся. В это время вошёл Зуб. «Сработал» сейф минут за пятнадцать – по сейфам он был мастер. Оружие брать не стали. Наган охранника Зуб положил в сейф. После все трое быстро вышли из сберкассы и уехали. Уважаемый читатель, вы, возможно, надеялись увидеть более кровавую картину преступления, которую ярко описывают мастера детективов, но спокойные ограбления тоже бывают в жизни.

Баба Настя

Моя бабушка родилась в деревне Подольской губернии. Их было три сестры. Бабушка – младшая. Отец у девочек погиб на войне в 1915 году. Так что все тяготы крестьянской жизни тянули женщины. Время шло, дождались и революций. Сначала Февральской, потом Великой Октябрьской. И в деревне людям стало совсем невмоготу. Семья бабушки изо всех сил пыталась выжить.

Сначала в 1918 году в Москву искать лучшей доли уехала старшая из сестёр – Мария. Люди помогли, как она сама говорила, устроиться. Однажды, дело было летом, мать как-то вечером говорит младшим Ольге и Насте: «Девки, уезжайте, иначе сдохнем все! Я уж здесь сама постараюсь выжить. А вы устройтесь, тогда поможете».

Через два дня девчата собрали свои нехитрые пожитки, мать отдала им деньги – какие были и обручальные кольца. Поехали за счастьем в Москву-город. От деревни до железной дороги километров десять-двенадцать. Погода хорошая. Чтобы сократить путь, пошли лесом. Выходят из леса (до станции осталось около километра), а перед ними – здоровый парень с ножом в руке и так спокойно, с ухмылкой: «Девки, деньги, золото!» Бабушка говорит: «Да пошёл ты!» Тот ударил её наотмашь ножом. Она схватилась за лезвие рукой – правой, а левой с размаху врезала бандиту. Тот упал. А

девушки помчались прочь. Рана на ладони была серьёзной, долго не заживала.

В городе бабушка устроилась в Градскую больницу. Начала уборщицей. От работы не отлынивала, да и была привычна даже к самому тяжёлому труду. Со временем окончила курсы санитарок и помогала на кухне. Она любила готовить, и самое главное – у неё получалось.

Пришло время НЭПа, открылись магазины, где можно было купить любые продукты, но за длинные рубли. Бабушка пошла в магазин, на накопленные деньги набрала продуктов, и кое-что из одежды для матери. Отправилась в деревню. Приехав домой, выложила на стол всё, что привезла. Мать минут пять не могла слова выговорить, а потом расплакалась и, когда пили чай, всё причитала: зачем так на неё, старуху, потратилась! «Старухе» было чуть за пятьдесят.

На следующий день, рано встав, Настя уехала в Москву – работу нельзя пропускать. В 1922 году она пошла на завод АМО. Правильно сказать, в то время – мастерские. Там же работали ее старшая сестра Мария и мой будущий дед Спиридон. На заводе они и познакомились. Анастасия и Спиридон расписались. Им дали комнату в бараке на берегу Москва-реки. В те трудные годы становления советской власти существовал неписанный устав: жизнь – это работа, а работа – это жизнь.

Дед после долгих войн возвратился домой в 1921 году по ранению и контузии. В 1922 году в Кожухово приехал Феликс Эдмундович Дзержинский – председатель Чрезвычайной комиссии, проще – ЧК для сбора средств голодающим

Поволжья, где царил массовый голод. Собрал народ и попросил помочь, кто чем может. Бабушка пошла домой, взяла награды деда – три Георгия и именной наган. Оружие выкинула в реку, а ордена положила на заднее сиденье машины, откуда выступал Дзержинский. Дед, узнав, что был выброшен наган, очень расстроился и вспоминал об этом многие годы, а о Георгиевских крестах говорил просто: если они помогли кому-то сохранить жизнь, пусть так и будет. В 1935 году из Кожухова переехали в Ростокино. В этом же году взяли на воспитание мальчика двенадцати-тринадцати лет, звали его Александром. Саша хорошо учился, был физкультурником. В четырнадцать лет он поступил в ремесленное училище, продолжал заниматься спортом. Успешно его окончил и сразу исчез, даже не попрощавшись. Но волновались в семье недолго. На второй день поздно вечером пришли гости из НКВД. Сказали, что с сыном всё в порядке, и попросили не волноваться, а соседям сказать, что ушёл служить на Северный флот. Вот и весь сказ.

Наступил 1941 год. Бабушку пригласили возглавить столовую в издательстве «Красной звезды». Она очень удивилась этому предложению, но в кадрах сумели убедить. Приступила к работе. Перед самой войной к ней в кабинет вошёл молодой, складно скроенный парень в военной форме. Это был Александр. Бабушка его сразу не узнала. Он говорит, смеясь: «Мама Настя, не узнали?» Обнялись, поговорили минут пять, Александр сказал, что он прикреплен к

этой столовой – поставлен на довольствие. Но видеться чаще не пришлось – началась война. А весной 1942 года бабушку арестовали и посадили, как потом оказалось, по ложному доносу. В то время это было обычным явлением.

Попала она в лагерь где-то под Москвой. Этот период своей жизни старалась не вспоминать. Мне рассказала о пребывании в лагере в 1959 году, я это хорошо запомнил. В то время на экраны страны вышел сильнейший фильм «Судьба человека» режиссёра Сергея Бондарчука. Там было много сцен о зверствах фашистов в концлагерях. Смотрели фильм я, дед и бабушка. Телевизор КВН и линза с дистиллированной водой. Бабушка в какой-то момент заплакала и вышла за перегородку, а мы досмотрели кино. Где-то через два-три дня мы были с ней вдвоём. Я её спросил, почему она расплакалась. Бабушка вздохнула и сказала: «Ты уже взрослый!» – и рассказала о том, как в лагере над женщинами издевалась охрана, особенно, как ни странно, охранницы. Вот только один эпизод. Изобьют заключённую, потом двое мужчин её за ноги волокут, а сзади идут две пьяные охранницы и бьют бедняжку ногами, стараясь попасть по голове, и тихо сказала: «Если бы не Саша, вы бы меня не увидели!».

Бабушка Настя отсидела чуть больше полугода и была, к своему удивлению, освобождена за один день. Её переодели в хорошую одежду, и на легковой машине привезли домой. Дома никого не оказалось. Дед был в командировке в Ульяновске. Моя мать со студентами – на лесозаготовках. На сле-

дующий день бабушка вышла на работу. В 12 часов к ней в кабинет вошёл седой серьёзный мужчина в штатском, извинился и сказал, что человек, который написал на неё донос, будет наказан. Потом передал письмо от Александра. Всё стало ясно. Приехав из очередной командировки, Саша пришёл в столовую, спросил бабушку, но никто ничего ему не ответил. Он – в кадры издательства. Начальник всё рассказал. В последний раз Александр приезжал в конце лета 1945. Притащил гору подарков. Много одежды. Пробыл недолго – его ждали машина с шофёром и человек в штатском. Больше его мои близкие не видели. А в 1948 году бабушку и дедушку вызвали в одно из государственных учреждений. Рассказали, как погиб Александр. Это было в Западной Украине, где зверствовали бандеровцы. Его убили, подняв на вилы. Коллеги показали его награды, но не отдали. Сказали, что ещё не время.

А бабушка в 1967 году умерла в сумасшедшем доме – психика не выдержала всех жизненных испытаний.

Каток

Мало было радостей и развлечений для детей войны в первые мирные годы. В районе, где я жил, не знали о спортивных секциях и так называемых кружках по интересам, тем более не имелось там массовиков-затейников. Вот мы сами себя и «затеивали», в смысле организовывали. Кроме основного развлечения – игр на деньги: в пристенок, казёнку, расшибалку, чёт-нечёт – популярными были лапта, вышибала, чижик ну и, конечно, для малых – войнушка.

Зимой основным занятием было катание на лыжах и коньках, но особенно любили хоккей. Каток заливали сами. Воду носили в вёдрах. На всякий случай отмечу, колонка – метрах в трёхстах. Вот оттуда и таскали. С утра – те, кто учился во вторую смену, а вечером – те, кто в первую. И играли так же. Утром – вторая смена, вечером – первая. В воскресенье (а выходной в то время был только в последний день недели) гоняли с утра до позднего вечера. Коньки с ботинками имели немногие. В основном «гаги», прикрученные к валенкам. Я начинал со «снегурочек», на которых каталась ещё моя мама. Позже мне подарили коньки на ботинках, уже не помню кто. Это были «гаги», размер сороковой. Я их надевал на валенки. Валенки вставлял в ботинки, зашнуровывал дома, выходил на улицу и шёл до катка. Возвращался иногда ползком, в буквальном смысле, – ноги не держали. Ключи-

ки делали сами. Помогали старшие ребята. Крюк делали из фанеры и сажали на клей, дополнительно прикручивая изолентой, но, к сожалению, они очень часто ломались. Первая фабричная клюшка у меня появилась в конце 1958 года. Это был подарок на Новый год. В то время – не просто подарок, а очень ценный подарок. А те, у кого не было коньков, или они не умели кататься (такие тоже были), играли в хоккей в валенках.

В том же году в декабре я первый пошёл на городской каток. Рядом было два катка. Один – на стадионе «Труд», что на Мазутке, другой – на ВДНХ. Я пошёл на «Труд» и сделал большую ошибку, что отправился туда один. В то время на каток принято было ходить «кодлой», в смысле, группой человек по 15-20. Без драк не обходилось, но об этом позже. Короче, выходя из раздевалки, получил коньками по горбу, то есть по спине. Мне повезло, что попали не по голове и не лезвием.

Вы, уважаемый читатель, удивитесь, как это коньками? А очень просто. Их носили через плечо, связывая шнурками, что очень удобно в массовых драках. Держишь за шнурки и бьёшь с размаху. Ну а тому, кого бьёшь, как повезёт: кому ботинком, кому лезвием. Где-то, в году примерно 1962, запретили так носить коньки. Много было драк с коньками, и самое главное – очень много серьёзных увечий.

О том, что произошло со мной на катке, я рассказал старшим ребятам. Они рассмеялись: «А как ты хотел? С бесхозными так всегда и поступают. Ты же пришёл один!» Об этом узнал дядя Саша. Он мне сделал замечание: «Могли покалечить. Железки всё-таки!» То, что он был великим педагогом, я уже отмечал. Дальше он сказал: «Надо это исправить». Спросил, свободен ли я в следующее воскресенье. Я ответил, что свободен. «В два часа в воскресенье под вывеской «Стадион «Труд» тебя встретят и закроют вопрос». На-

ступило воскресенье. Быстро сделав уроки (без этого никак – мать была дома), взял коньки и пошёл на каток. Ровно в четырнадцать был в назначенном месте. Там стояло человек пять-шесть ребят, довольно-таки взрослых, в коротких модных полупальто, сапогах и, несмотря на мороз, в кепках и белых кашне. Все курили. Высокий парень плотного телосложения сказал: «Владимир, пошли». Я про себя отметил, что не Вова или Володя, и сказал, что надо взять билеты. Тот ответил: «Уже взяли». И засмеялся.

Когда мы проходили на стадион, билетов у нас никто не спросил. отправились не в раздевалку, а в буфет. Я удивился, но вопросов задавать не стал. В буфете было полно народу, но я обратил внимание, что один стол свободен, а рядом за столом – два человека, одетых так же, как мои новые друзья. Высокий первым поздоровался. Сказал мне: «Падай (в смысле, садись)!». Меня попросили рассказать, где меня ударили и в какое время. Я рассказал. Те двое кивнули, один ушёл и привёл с собой парня. Тот был на коньках. «Это он тебя ударил?» Но я-то не видел, кто это сделал, так как удар был нанесён сзади. Но парень признался и стал сбивчиво извиняться не столько передо мной, сколько перед теми двумя. Спросили, как его наказать. «Может, деньгами?» Я сказал, что прощаю, и мы пожали друг другу руки. А те двое ему сказали: «Что ж ты бьёшь сзади, ведь ты же боксёр?» На стадионе «Труд» была хорошая секция бокса. Тренировал там один из братьев Градополовых. Увы, не помню, кто из них.

Но они были великие боксёры и тренеры. Высокий, обращаясь ко мне: «У тебя на этом катке проблем не будет!» И, повернувшись к моему обидчику: «Понял? Отвечаешь!»

Что интересно, за разговором я и не заметил, что на столе стояли три бутылки клюшона и две тарелки с пирожными-корзиночками. Я сказал, что пришёл кататься. Все рассмеялись: «Подкрепись и катайся на здоровье!» Похлопали меня по плечу: «Передай привет Кресту!» «Передам. Спасибо!» Мне ответили: «Не за что!» Мой обидчик по-прежнему стоял у стола. Я сказал: «Садись. Разберёмся с пирожными!» Вот так хорошо и закончилась эта история.

«Игрушки»

Наступил 1954 год. Я ходил в третий класс. Учился хорошо, без троек. В конце зимы приехал отец. Привёз мне в подарок два немецких игрушечных пистолета, из металла. Не отличишь от настоящих. Где-то в апреле мы играли в войну – любимую игру мальчишек, в ней участвовали и старшие ребята. Конечно, с моими пистолетами. Как-то после одной из игр ко мне подошёл Виктор. Он учился в десятом классе. Мать его была учительницей русского языка и литературы в нашей школе. Преподавала в старших классах. Отец Виктора, как и у многих, погиб на фронте. «Володь, дай мне дня на три твои игрушки. Я покажу заводским ребятам, они делают такие же». Я отдал.

Через три дня он возвратил мне пистолеты, и протянул два больших кулька. В одном пирожные корзиночки, в другом – конфеты. Помню, это были «Мишки на севере». Я, конечно, не спросил, откуда и за что подарок. Домой я его отнести не мог. Это дорого по деньгам – возникли бы вопросы. Тут же гурьбой налетели пацаны, и мы быстро разобрались со сладостями. Виктор ещё несколько раз брал у меня пистолеты, и каждый раз, возвращая, приносил пирожные и конфеты.

Пришёл новый 1955 год. С Витей даже в школе мы виделись редко. Он был хорошим спортсменом-лыжником и по-

стоянно находился то на сборах, то на соревнованиях. Но перед майскими праздниками он снова попросил у меня мои «игрушки». Я дал, и опять у нас с пацанами был пир горой.

Однако вскоре случилась беда. В июне Виктор, уже сдав один или два экзамена (кстати, учился он очень хорошо), во время кросса, перебегая железнодорожные пути у станции Яуза, попал под поезд.

Хороший был парень. На похороны пришло очень много народу, я тоже. Где-то в сентябре от старших узнал: в газете «Труд» напечатали заметку о том, что взяли вооружённую банду, которая грабила по нашему северному направлению. Участвовал ли Виктор в этих грабежах, сказать не могу. Возможно, он просто передавал пистолеты кому-то из участников банды. Ростокинских среди них не было – это точно. Все ребята в ней – с Северянки и Лосинки.

Одесса-мама

Я родился в Москве, то есть по праву могу называть себя коренным москвичом. Так исторически сложилось. Все родственники по линии матери проживали в Московской области. Предки моего деда – донские казаки поселились в районе Подольска. А вот отец родом из Одессы. Так хочу вам сказать несколько слов за этот необыкновенный город.

Отец родился в 1917 году. В год Великой Октябрьской революции. С тринадцати лет пошёл работать. Природа щедро наградила его силушкой. Мне не досталось и половины. Когда ему исполнилось шестнадцать лет, пошёл в плавание на сухогрузе по маршруту Одесса – Нью-Йорк в должности третьего штурвального. Я до сих пор удивляюсь тому, какую силу и выносливость надо иметь, чтобы в шестнадцать лет быть штурвальным!

В Одессе я прожил до семи лет. А точнее до 1952 года. Об этом периоде воспоминаний у меня осталось очень мало, но кое-что навсегда врезалось в память. Очень хорошо помню близких друзей отца. Имена, фамилии, лица и места их проживания. У него сложились дружеские отношения со многими известными людьми того времени. Это штангист, первый чемпион мира, который выиграл чемпионат в Париже в 1946 году, Григорий Ирмович Новак. В 1960 году отец приехал в Москву, и мы пошли в цирк. Там выступал Григорий

Новак со своими сыновьями. Отец познакомил меня с ним. Он, протянув руку, улыбаясь, представился: «Дядя Гриша». Затем предложил: «Познакомься с моими сыновьями». Григорий Ирмович ко всем своим заслугам добавил в 1960 году звание заслуженного артиста РСФСР.

В хороших отношениях отец находился и с Леонидом Осиповичем Утёсовым, и с Эдди Игнатъевичем Рознером. Но самыми близкими друзьями, с которыми он вырос, были братья Натоптанновы: Юра и Володя, которые проживали на Пересыпи. Мы с отцом часто к ним заезжали сначала на грузовой машине (отец работал шофёром), а затем и на собственной «Победе», которую он купил в 1951 году, вместе

ехали на десятую станцию купаться и ловить бычков. После переезда в Москву я ещё лет пять приезжал на лето в Одессу. Братья со мной занимались боксом, они были хорошими спортсменами и работали тренерами по этому виду спорта. Они и привили мне любовь к нему. Позже с десятой станции переместились на шестнадцатую. Хорошо помню, что наверху склона, над морем, был ресторан. Мы часто туда приходили. Толпой по семь-восемь человек. Я обратил внимание, что, когда мы там появлялись, нас встречали как дорогих гостей. Если не было свободных мест, а это случалось довольно часто, нам ставили два стола. Хорошее было время, беззаботное...

Меня удивляло, что одесситы пили спиртное, но пьяными не были. В отличие от обитателей Ростокина, где застолья почти всегда заканчивались дракой и очень редко обходились без участия милиции. Став старше, я узнал, что во время оккупации Одессы (в основном румынами), братья Натоптанновы оставались в городе. Город жил, работали рестораны, театр, цирк – это историческая правда. В цирке проводились поединки боксёров, и братья там довольно часто и успешно выступали. Отец мой воевал (Сталинградская битва, Курская дуга) рядовым. Под Курском получил серьёзное ранение ноги, но её удалось сохранить. Вернувшись в Одессу, продолжил работу и занятия боксом. В 1945 году несмотря на серьёзное ранение выиграл чемпионат города в среднем весе. Он до конца жизни работал водителем.

После окончания войны дядя Юра и Володя продолжали тренировать, хотя многие люди сторонились их, будучи уверенными, что не сегодня-завтра их посадят, но, как оказалось, они внесли свой вклад в освобождение города. Так что отца и его друзей было за что уважать Одессе-маме.

Теперь, как говорят в Одессе, вспомним за Молдаванку. На Молдаванке жили братья Цыганы – Иван и Николай. Их отец – Иван Цыган, как сейчас бы сказали, был криминальным авторитетом. Но раньше сказали бы проще: был вором, но не простым. Его признавал и уважал сам Миша Японец (Михаил Винницкий) – король одесских воров. Часто Цыгана и его людей брал с собой на дело. Мне было шесть лет (это я помню точно), когда отец купил «Победу» цвета слоновой кости, на которой мы приезжали на Молдаванку. Что меня особенно удивляло, так это огромный двор с беседкой и два больших гаража. В одном стояла новая «Победа» синего цвета, в другом размещался чёрный ЗИМ. О ценах на машины в то время: «Победа» стоила шестнадцать тысяч, а ЗИМ – сорок тысяч. Так что для того времени они жили не просто богато, а очень богато. В эти встречи все, смеясь, вспоминали, о том, как они меня кормили манной кашей, которую я ненавидел, но у них, не знаю почему, ел с удовольствием. Во время трапезы они мне рассказывали какие-то истории за Одессу, но не сказки. Что интересно, в период оккупации эта семья тоже оставалась в Одессе. После освобождения города и после окончания войны их не посадили несмотря на то, что

Цыганы были известными криминальными лидерами Одессы. Почему не посадили, не знаю. Выводы делайте сами. В 1972 году, в Москве, в метро на станции Маяковская, спускаясь по эскалатору, увидел дядю Колю, он поднимался наверх и помахал рукой, но я очень спешил, надо было срочно улетать в командировку. Через месяц вернулся и узнал от одного из друзей отца, который был в командировке в Москве, что дядю Колю застрелили, уточнив: «Из парабеллума. Разрядили в него всю обойму». Вот так. Жизнь мчится незаметно, а мы всё торопимся...

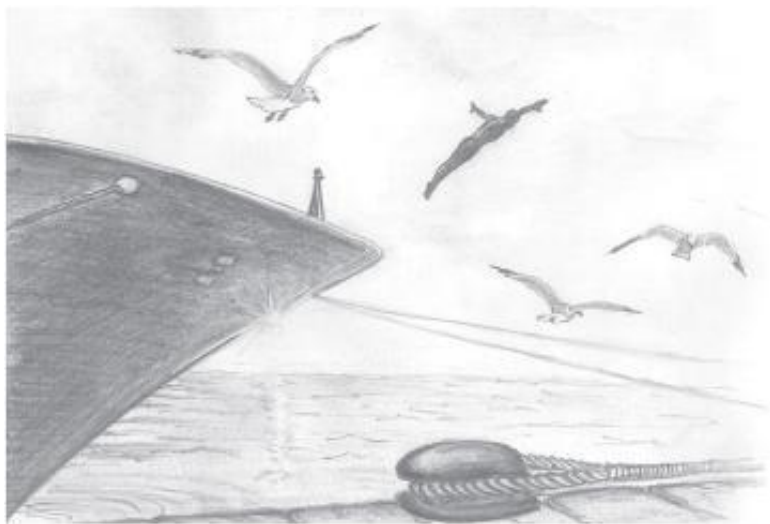
Прошло много лет, но в моей памяти сохранились самые добрые воспоминания об этих людях.

Пацаны

Шёл 1955 год. Страна отстраивалась после страшной войны и разрухи. Мне было десять лет. Летом, как всегда, я поехал к отцу на море в Одессу. Отец мой работал шофёром на грузовике, но находил время встречаться со мной не только в выходные дни, но и в будни. Чаще всего время мы проводили на море. В основном на Большом фонтане 16-й станции. Отец научил меня не только уверенно держаться на воде, но и плавать стилем брасс. А самое главное – правильно дышать, то есть делать выдох в воду. Это мне спасло жизнь во время возникшей экстремальной ситуации.

Как-то пошёл на пляж один. В те годы это было нормально. В трусах, конечно, босиком и без головного убора. Пацанами того времени панамы презирались. Для того, чтобы ходить босиком по горячему песку, а тем более по гальке, нужна привычка. Подошёл к пирсу, к которому причаливали морские трамваи. Они были намного больше, чем те, которые я видел на Москве-реке. У местных была забава – прыгать с пирса. Это где-то около пяти метров. Самые отчаянные ныряли, залезая на фонари, которые стояли на нём. Высшим классом считалось прыгнуть с носа пришвартованного парохода, проскочив мимо матроса, который не давал этого сделать. А тот, кто не проскакивал, получал от матроса пендаль, но не сильный. В общем, была мальчишеская такая

забава. Я подождал, когда отчалит пароход, прыгнул, не разбегаясь, с пристани головой вниз. Как только выплыл, меня стали топить два пацана. Сначала руками, а, когда ушёл под воду, ногами, попадали и по голове. До настоящего времени не могу понять, как я сообразил начать медленно выпускать воздух из лёгких и пошёл ко дну. Увидев, это они уплыли. Я наблюдал за ними, так как под водой в море плавал всегда с открытыми глазами. Сделал несколько гребков, вынырнул под пирсом. Выйдя на берег, увидел, что пацаны, которые меня топили, продолжали спокойно нырять.

Я пошел домой, на дачу, где проживал, но остановился

и подумал: «А что завтра? Не отцу же жаловаться!» Решил вернуться и прыгнуть с носа парохода. Дождался, когда пришвартовался очередной пароход, залез на пристань, проскочил мимо матроса, разбежался, с подскока оттолкнулся, сделал сальто и вошёл головой в воду. Замечу, я два года занимался спортивной гимнастикой. Небезуспешно. В то время это была единственная секция в нашем районе, так что переднее сальто я крутил на дорожке, в воду намного проще. Выхожу на берег, тут подходят те двое, что меня топили. Один из них говорит: «Здорово сальто скрутил. Ты где живёшь?» Показал рукой наверх: «На даче». Он спрашивает: «Ты москвич?» И, не дождавись ответа, улыбаясь: «Поговору видно».

Подошло ещё несколько пацанов. Все по возрасту старше меня, мы познакомились. Имя помню только старшего – Владимир. Ему было четырнадцать лет, а на правой руке отсутствовали два пальца – отголосок войны. Все они были детдомовцами. Каждый день приходили на пляж, купались, играли в футбол, ныряли, а вечером всей толпой ходили в кино в санатории или дома отдыха, конечно, бесплатно – через забор. Так и подружились. Я ещё года четыре приезжал в Одессу летом.

Как-то вечером мы с отцом и его друзьями пошли в ресторан. Навстречу Володя. Шёл 1958 год, ему было уже семнадцать лет. Очень прилично одет, в белой рубашке и американских джинсах. Для ребят из Одессы того времени это

был обычный прикид. Он почтительно поздоровался с моим отцом и со мной, удивлённо меня спросив: «Это что, твой отец?» Я ответил утвердительно. «А что же ты тогда на пирсе не сказал?» Отец, обратившись, к нам: «Вы знакомы?» Мы сказали, что уже три года. О том, как познакомились, промолчали. Мы пошли дальше. Отец: «Детдомовец. Толковый парень. Восемь классов у него есть. Надо устроить его в ШМО – школу морского обучения». Отца я так и не спросил, что связывало его с ребятами из детдома, но в мореходку он Володю устроил.

Кино моего детства

Мало было развлечений у моего поколения после войны. Но самым главным было кино, а точнее – поход в кинотеатр. Именно поход. В него отправлялись «толпой» по пять-десять и более человек. В Ростокино, там, где я жил, кинотеатра не было. Первый кинотеатр «Север» открылся в 1960 году. На Ярославском шоссе находился клуб камвольно-отделочной фабрики. Все его почему-то называли «Ватником». Кинофильмы показывали и в школе во время выборов. В основном, как мы, мальчишки говорили, «про войну». В моей памяти остались такие как «Два бойца», «Подвиг разведчика», китайские фильмы о войне. Кинофильм «Чапаев» хотелось бы выделить отдельно. Каждый раз мы ходили на него, надеясь, что легендарный комдив наконец-то выплывет. «Подвиг разведчика» смотрели не по разу. Счёт шёл на десятки, и это вполне серьёзно. Кинофильмы знали практически наизусть и пересказывали друг другу, что было очень смешно. Нельзя не вспомнить такие фильмы как «Джюльбарс», «Как закалялась сталь», «Голубая стрела» (последний – про шпионов). Для меня на отдельном месте стоит фильм «Судьба барабанщика». Цитаты из него я помню и сейчас. «Замок английский – гривенником открыть можно», «Старик Яков, и за это ты гремел кандалами и всходил на эшафот?» или «Это двоюродный брат Шалапина – он на пожаре потерял голос и

теперь приходит пить сельтерскую воду», «А это мои друзья, и все отличники».

В те времена не так просто было попасть в кинотеатр. Надо было достать билеты. Не купить, а именно достать. И вот как это происходило. В воскресенье утром после футбола или зимой – хоккея шли брать билеты на «Ватник». Сеанс начинался в два часа дня. Взрослые на этот сеанс не ходили, а мы, пацаны, в очереди не стояли. Начиналась толкучка. В каждой группе всегда был пацан, которому давали деньги. Детский билет стоил десять копеек, конечно, без сдачи. Остальные толкались и старались пропихнуть к кассе каждый своего. Бывало, парень отдавал деньги, а билеты получить не мог – его выталкивали. Приходилось ждать и выпрашивать оплаченные билеты. Как я помню, кассир билеты отдавала. Иногда приходилось «протыриваться» на вечерние сеансы, куда дети до шестнадцати лет не допускались. Меня проводил мой старший товарищ Толик. Он меня накрывал своим пальто, и мы так проходили. Но пальто носили только в зимнее время. А в тёплое «протыриваться» было сложнее. Получалось, но очень редко. Когда стал постарше, начали ездить в кинотеатр «Форум», который находился в районе Колхозной площади на Садовом кольце, и в кинотеатр «Уран», недалеко от Щербаковского универмага. В памяти остался цветной документальный фильм «Америка глазами француза», который я посмотрел в «Форуме» в 1963 году. Там я впервые увидел документальный фильм об Америке.

До сих пор его помню.

Но рассказ будет неполным, если я умолчу о фильме «Великолепная семёрка», где главную роль сыграл Юл Бриннер. Кстати, он имел русские корни. Смотрел я его в 1962 году в кинотеатре «Космос» в районе ВДНХ, который был построен годом раньше. Фильм шёл всю неделю на всех сеансах. От Лосинки до Сретенки, я думаю, мало кто из пацанов учился в школе. Смотрели ежедневно, и по два, три раза в день. Что интересно, несмотря на представительство многих районов Москвы: Лосинки, Мазутки, Ростокино, Марьиной рощи – ни одной драки. Споры были только во время обсуждения фильма. Со мной в классе учился Санёк. Хороший, спортивный парень, впоследствии окончил институт гражданской авиации. Его тётя работала кассиром в «Космосе». Она рассказала ему, что за неделю показа фильма кинотеатр выполнил план на триста процентов. И я не могу не отметить яркий фильм с великолепной Мэрилин (Мерлин) Монро «В джазе только девушки».

Вспоминая, я как бы возвращаюсь в мир моего детства и юности. В то время советские фильмы были не только развлечением. Главное – они воспитывали личность, воспитали меня и моё поколение.

Праздники моего детства

В детстве мне хорошо запомнилось три праздника: Первоймай, День Великой Октябрьской социалистической революции 7 ноября и Новый год. Да, были дни рождения, но их я праздниками назвать не могу. Для меня это были обычные дни, а из подарков я запомнил три: хоккейная клюшка, футбольный мяч и конструктор (мне его подарили где-то лет в восемь-девять). Когда мне исполнилось двадцать, добавился День Победы 9 мая. Это произошло в 1965 году. Ровно через двадцать лет после окончания Великой Отечественной войны. В тот год 9 мая был выходной день, и на Красной площади прошёл военный парад.

На демонстрацию 7 ноября, посвящённую Октябрьской революции, я в первый раз пошёл в возрасте шести лет в 1951 году вместе с дедом Спи-ридоном. Он имел самое непосредственное отношение к этому празднику. Дед участвовал в Первой империалистической войне с 1914 года, заслужил три Георгия, прошёл всю Гражданскую войну, имел личное оружие за участие в ней. После, с 1924 года, он работал на создании завода, который начинался с автомеханических мастерских, вырос в машиностроительный гигант Советского Союза и стал называться заводом имени Иосифа Сталина, а впоследствии предприятию присвоили имя первого дирек-

тора Ивана Лихачёва. Дед работал шлифовщиком.

Колонна завода шла первой от мавзолея Ленина, на трибуне которого стояли члены правительства страны и сам «великий вождь» товарищ Сталин. Он был в плаще серого цвета. Шёл дождь, но Сталин улыбался и махал рукой. Я думал, что это он меня приветствует. Радость того дня долго не забывалась. Помню только улыбку вождя и его приветствие мне. Когда у нас собирались гости, я каждый раз рассказывал им об этом.

Ещё несколько раз на демонстрации, посвящённые Великому Октябрю, я ходил, учась в институте. Без напряжения, даже с удовольствием. Это была возможность лишний раз пообщаться с друзьями и преподавателями. Мы серьёзно относились к этому празднику. Деды наши хотели построить новый светлый мир в стране, и мы их очень уважали.

О праздновании Дня солидарности трудящихся всего мира – 1 Мая я узнал апреле 1952 года. Мой дед Спиридон пообещал взять меня на демонстрацию. Я ещё мало что понимал, но обрадовался, что пойду на Красную площадь. Бабушка сделала цветы из цветной бумаги, прикрепила их на веточку. И вот наступило 1 Мая. Встали очень рано. Жили мы в районе Ростокино, а сбор был у завода имени Сталина в районе Кожухово. Ехали на электричке до Москвы, а потом от Каланчёвской площади на трамвае до Кожухово. Приехали. Было многолюдно, играла музыка. Все веселились, улыбались. Колонна тронулась. Сколько двигались по времени,

не помню, но шли долго. Демонстрация начиналась в десять часов.

Вот Красная площадь. Дед шёл правофланговым, я рядом с ним. На трибуне мавзолея Ленина увидел Сталина. На кителе у него светилась Звезда Героя Советского Союза. Я приветствовал, его размахивая веточкой с цветами. Как мне казалось, он в ответ тоже махал мне рукой. Погода была, скорее, летняя, чем весенняя. Яркое светило солнце. Прошло почти семьдесят лет, но как будто этот праздник был вчера.

Не знаю почему, но ещё запомнился День Конституции. В народе её называли сталинской 1936 года. Праздновали 5 декабря. Перед ним и в день празднования в школах, домах культуры устраивались концерты са-модельности, и обязательно в конце показывали кинофильм. Бесплатно. Для нас, ребят, это было важно. Запомнились только три фильма: «Чапаев», «Застава в горах» и «Джюльбарс».

Хочется рассказать о том, как отмечали праздники в наших бараках. С утра во время завтрака в каждой семье выпивали, но в меру. После завтрака взрослые и дети выходили на улицу. Дети и молодёжь играли в зависимости от погоды и времени года в штангер, вышибалы, волейбол, футбол, хоккей. После все расходились по домам обедать. Садись за стол, выпивали, а потом опять все выходили на улицу и накрывали общий стол.

Это все, что осталось в памяти о праздниках моего детства.

Сокольники

Парк Сокольники вот уже более 150 лет – любимое место отдыха москвичей и гостей столицы. Своё название он получил в XVII веке в честь царских птиц – соколов, с которыми государь Алексей Михайлович любил охотиться на зайцев, уток, тетеревов. Вторым царём из династии Романовых правил с 1629 по 1676 гг. С тех пор и пошли Сокольническая застава, Сокольнический вал, Сокольническая слобода, а в честь любимца Алексея Михайловича – сокола Ширяя – получила название улица Большая Ширяевская.

В 1872 году государство тут выкупило землю у частных лиц и открыло парк для москвичей. Из центра старой столицы до парка проложили рельсы, пустили сначала конку, а потом и трамвай. Москвичи полюбили Сокольники. В выходные дни и праздники приезжали сюда погулять. В парке играл духовой оркестр, выступали цирковые артисты, оперные певцы. Тут пел знаменитый тенор Леонид Собинов, который впоследствии стал солистом Большого театра и всемирно известным певцом. Выступали хоры. В 1904 году во время одного такого выступления объявили о рождении цесаревича Алексея, хор исполнил гимн «Боже, царя храни», повторив его на бис. Но пришло время смут – революционные события 1905 года и Великая Октябрьская революция 1917 года, которая снесла власть царя и Временного правительства,

установив более чем на семьдесят лет диктатуру пролетариата. Для парка началась новая история.

Несколько лет Сокольники находились в запустении, но, начиная с 1924 года, его привели в порядок. Сделали кафе, танцверанду, где по выходным дням играл духовой оркестр, спортплощадки и даже поле для «буржуазной» игры в крокет. Кстати, бита для игры в крокет похожа на молот, ну, а с молотом советский человек обращаться умел. В восстановлении парка активное участие принимали комсомольцы города. Ими был заложен Сиреневый сад, в котором представили свои работы молодые скульпторы. В те годы в Москве активно развивался футбол. Москвичи полюбили этот вид спорта. В Сокольниках сделали несколько футбольных полей, где до настоящего времени играют в него.

Я впервые побывал в парке Сокольники в десятилетнем возрасте – в 1955 году. Мы, ростокинские пацаны, ездили на Маленковку (это станция Северной железной дороги), на Сокольнические пруды. Купались, играли в футбол, а старшие пацаны ещё и в карты, причём не на шелбаны. Рядом с прудами, их было три, находилась «Школа юннатов». Между заплывами мы делали набег в сад за яблоками и грушами. Днём собаки, которые охраняли его, были на привязи, а сторожу и работникам нас было не догнать. По парку гулять, на каруселях и чёртовом колесе кататься у нас особого желания не было. Забегали только в буфет за мороженым и крешенком, и, конечно, смотрели футбол на Ширяевом поле. Там

была база подготовки футболистов московского «Спартака».

На нас большое впечатление произвела американская выставка 1959 года, которую развернули в Сокольниках. Для этого американцами был построен павильон в форме сферы. Очень красивый. Перед этой выставкой в Америке в 1958 году состоялась выставка СССР. Обе они показывали достижения капиталистической и социалистической систем и преимущества каждой из них. Американцы очень серьёзно отнеслись к организации и проведению выставки в Москве и не только как демонстрации своих достижений, но как к серьёзному политическому мероприятию. За год до выставки в США на уровне Конгресса обсуждалось, что должно быть представлено в столице СССР. Помимо новых технических средств, быта американцев предполагалось показать и искусство, а именно живопись. Представителям Конгресса было предложено послать в Москву произведения художников-абстракционистов – модного течения того времени. Во время обсуждения картин в Конгрессе большинство было против того, чтобы посылать «эту мазню» на выставку, но через некоторое время, узнав, что в Советском Союзе шла борьба против художников этого направления под лозунгом «Мы против абстракционизма», все члены Конгресса проголосовали за то, чтобы эти картины выставить в Москве.

Одним из представителей абстракционизма был русский художник Василий Кандинский, который родился в 1866 году и прожил до семидесяти восьми лет. Он получил юриди-

ческое образование, был профессором, преподавал. В тридцать лет стал заниматься живописью, закончил Мюнхенскую Академию художеств. В 1911 году издал книгу о духовности в искусстве. Спустя почти пятьдесят лет эту книгу прочёл начинающий художник Владимир Немухин, а на американской выставке в Москве увидел и картины абстракционистов. Это определило дальнейшее направление его творчества. Впоследствии Владимир Немухин получил признание в художественном мире.

В 1959 году мне исполнилось четырнадцать лет. Мы с пацанами трижды «протыривались» на выставку, проводили там практически целый день. Нам было интересно всё, в том числе и как быт за океаном устроен, но в первую очередь привлекали машины. Мы не просто смотрели, но и фотографировали. (На день рождения мне были подарены фотоаппарат «Смена» и фотоувеличитель. Фотографии, сделанные на той выставке, я с удовольствием смотрю и сейчас.)

Расскажу и о самом американском напитке – пепси-коле, в связи с которым появилась частушка: «Не ходите, дети, в школу, пейте, дети, пепси-колу!» Перед тем как угощать посетителей, диктор объявлял: «Начинают работу павильоны пепси-колы». Их было несколько. И люди бросались в сторону павильонов как на амбразуру. Мы, пацаны ростокинские, сокольнические, конечно, в первых рядах. Вспоминаю такой случай. В очередной раз мы ринулись грудью на павильоны с заморской газировкой. В том из них, куда мы рванулись,

работал здоровенный американец, помогал ему сын лет десяти-двенадцати. Так получилось, что мы с разгону чуть не опрокинули стойку. Юный американец схватил бейсбольную биту и замахнулся ею, но отец среагировал мгновенно и словом, и действием. Что-то резко сказал сыну и, схватив за руку, затолкал его в подсобное помещение, после чего с улыбкой продолжил угощать посетителей. В этот день я больше не видел пацана за стойкой. На следующий день он опять работал с отцом, улыбаясь всем посетителям. Почему у него была бейсбольная битка? Да всё просто. Бейсбол – национальный вид спорта американцев, и они в свободное время выходили в парк поупражняться в игре.

Выставки, прошедшие в США и СССР, позволили американцам и советским людям помимо технических достижений двух стран увидеть друг в друге нормальных людей и растопили на некоторое время лёд «холодной» войны между нашими странами.

Сейчас, когда я бываю в парке, гуляя по аллеям, вспоминаю своё детство и юность. Прекрасное было время!

Школьный двор

О школьном дворе у меня остались яркие воспоминания детства и юности. С рождения и до двадцати двух лет, а точнее до 1967 года, я жил в бараках района Ростokino. Расстояние между зданиями было небольшое. В футбол, а зимой в хоккеей не поиграешь. С мячом играли в вышибалы, где надо попасть мячом в водящего, который находился внутри поля. Мяч был резиновым, и, когда за дело брались старшие ребята, они били, не жалея нас, младших. Однако я лично им за это благодарен. Так они учили держать удар, не ныть. А ещё мы любили лапту и чижику. В футбол и в баскетбол играли на спортивной площадке около школы. Ворот там не было, но имелись металлические стойки для баскетбольного щита. Они и служили воротами.

В те давние годы выходной был один – воскресенье. В восемь утра начинали гонять мяч – пять на пять. Играли на вылет, договариваясь по счёту – до трёх побед или двадцать минут – весь тайм. Если команда выигрывала три раза подряд, то она пропускала одну игру, а потом заходила заново. Команды комплектовались не по возрасту. Капитан сам выбирал себе игроков. Я начал играть со взрослыми ребятами, учась в шестом классе. Тогда мне было двенадцать лет. Играли только на интерес, не на деньги. Самые сильные баталии разгорались в ноябре-декабре. Выходили на поле в лю-

бую погоду, нас не останавливали ни дождь, ни снег.

Игры складывались интересно потому, что в это время в отпуск приезжали ребята, которые занимались футболом профессионально. Таких в наших районах Ростокино и Северянка было немало. Чемпионат СССР в те годы проводился в классе А. Сейчас это Высшая лига в классе Б. Все они в воскресенье приходили на школьный двор, иногда не совсем в форме после вчерашнего – спортивный режим, конечно, нарушали. Распределялись профессионалы по разным командам, потому как, если бы играли вместе, победить их было практически невозможно.

У каждого из нас была точка на площадке, с которой мы могли не просто пробить, а забить, если никто не мешал. Со мной в команде часто играл мой одноклассник Боря Якимов. До восьмого класса мы сидели с ним за одной партой. Он мог по центру забивать от своих ворот. Бил поверху. Игра шла без вратаря, а гол засчитывался в том случае, если мяч пролетит между стойками. Щит с кольцом находился на высоте трёх метров.

У меня такая точка была справа, если я проходил до неё, то часто забивал. Но главным голеадором у нас считался Иван Стефановский, который на два года старше меня. Учился он без троек. Уже в семнадцать лет, в десятом классе, играл в команде мастеров в хоккее с мячом, и это никак не отражалось на учёбе. Иван и в футболе здорово отли-

чался. Его приглашали в московские команды «Локомотив» и «Спартак», но мать была против. В её понимании спорт являлся развлечением, а не серьёзным занятием. Иван жил без отца, который погиб на фронте, как у многих пацанов того времени. Окончив десять классов, поступил в московский автодорожный институт. Учась там, он играл за «Буревестник» в хоккее с мячом. Я несколько раз видел его игру на стадионе. Иван был «находу» – лидером в команде, а на футбольном поле он забивал практически с точки углового с подрезкой мяча от (внимание!) двух штанг. Иногда Иван делал это на спор. Однажды он при мне выиграл девять рублей. По три рубля за каждый удар – приличные деньги для того времени. Вот пример: бутылка водки в то время стоила два рубля шестьдесят две копейки, а килограмм колбасы – два рубля двадцать копеек. Сам Иван не пил и не курил. Помню, первый трояк он выиграл у Валеры Бабанова, который в то время играл в футбольном клубе «Алга» Фрунзе в классе А центральным нападающим. Его приглашал в «Спартак» сам начальник команды Старостин, который даже приезжал к Валере домой, но, увы, помешала водка. Бабанов рано ушёл из футбола и из жизни.

Те, о ком я тут написал, это уже не прочтут. Пишу и вспоминаю лица, имена ребят. Пусть память о них останется в этом рассказе.

Лёва-жид

В далёкие детские годы запомнился один игрок в карты. Мне иногда приходилось присутствовать при игре и видеть, как он играл. Как-то в воскресный день мы с ребятами за сараями «стукались», а точнее боксировали в перчатках. Не помню, кто нам принёс две пары старых боксёрских перчаток (раньше бились в голый кулак). Старшие пацаны советовали зажимать бумажки, чтобы кулаки не раскрывались. Пару раз попробовал, но лучше бить не стал.

Когда я наблюдал за боем друзей, отдыхая и ожидая своей очереди, меня окликнул Лёва. Он был профессиональным воров-карманником. Жил в соседнем со мной бараке, конечно, имелось у него и погоняло – Лёва-жид, но он не обижался. Он происходил из еврейской семьи. Отец его был инженером, мать работала учителем литературы и русского языка в техникуме. Несмотря на разницу в возрасте, он был старше лет на десять, мы всегда с ним общались, причём только по-доброму. Лёва окончил семилетку на одни пятёрки, много читал, учил немецкий язык и не без успеха, но в пятнадцать лет за карманную кражу зашёл на зону.

Лёва спросил: «Вован, есть у тебя копеек двадцать? Отдам быстро». И, правда, не обманул. Рядом с местом, где мы боксировали, несколько человек играли в карты, не в сарае, а на улице. Погода была солнечная, но ещё лежал снег – был

март месяц. Только я закончил очередной бой, подошёл Лёва и, улыбаясь, сказал: «Сегодня воскресенье, держи трояк, бери пацанов, успеете в «Север» на два часа». Шёл 1955 год, три рубля в эти годы – хорошие деньги. Детский билет в кино стоил десять копеек, мороженое – от семи до пятнадцати, бутылка крющона – двенадцать, пирожное – от одиннадцати до двадцати двух копеек. Вот так Лёва устроил нам праздник.

Вскоре после этого случая он опять сел, но ненадолго. Вышел, примерно, года через четыре. После того, как он вернулся, я и увидел, как он играет в карты. Игра проходила в сарае моего соседа Славки. На серьёзные деньги на улице не играли. Мне в ту пору было четырнадцать лет, сам я карты не признавал. Игроков было человек семь-восемь. Взрослые – лет по тридцать-сорок, все из криминала. Представляли Лосинку, Марьину рощу, Сельхоз и известную Мазутку. Началась игра с двадцати копеек. Я внимательно смотрел, хотя в самой игре ничего не смыслил. Игроки изредка перекидывались фразами, иногда в шутливой форме. Выигрывали и проигрывали молча, не проявляя эмоций. Прошло около часа, а рядом с Лёвой уже оказалась куча денег. Деньги лежали на большом листе фанеры -это был импровизированный карточный стол. Один из игроков, улыбаясь, достал из кармана финку с красивой наборной рукояткой из цветной пластмассы, передал её Лёве со словами: «Положи сверху денег, чтобы не разлетелись». У меня в своё время была такая

финка, но бабушка нашла её, пошла и выбросила в речку Яузу, которая протекала совсем рядом с нашим баракком. И вот подошло время, когда игрокам на кон было нечего ставить. Лёва раздел их полностью, но они на проигрыш реагировали очень спокойно. Тут появились водка, закуска – колбаса, стали выпивать. Я отошёл в сторону. Вдруг подъехал милицкий мотоцикл с коляской с двумя милиционерами. Кто-то стукнул – не без этого, но стражи порядка опоздали. Карт уже не было, а выпивать в воскресенье не возбранялось. Игроки предложили милиционерам по «соточке» в честь выходного дня, те, пошутив, отказались.

Я пошёл к дому, но меня окликнул Лёва, сказал, что у него на сегодня есть два билета на хоккей «Динамо» – «Спартак». Дал их мне и протянул пятёрку: «Возьми кого-нибудь из ребят с собой». Игра проходила в Сокольниках на спартаковском стадионе. В те годы он был открытым, и я тоже там один раз играл в хоккей на первенстве Москвы среди школьников.

После этого меня судьба с Лёвой не сводила. Среди «деловых» ходили слухи, что он в очередной раз зашёл на зону. Впоследствии «сработал» по просьбе, именно по просьбе, а не по приказу, представителей КГБ портмоне у иностранца. «Сработал», как всегда, чисто. Надо отметить, что Лёва очень следил за собой. Всегда был тщательно выбрит, модно одет – работа обязывала. Он был вором высшего класса и в трамваях у работяг кошельки не тырил. По сведениям жуликов, на зону Лёва больше не возвращался.

Алик

Проходят, а, вернее, летят, годы. Возвращаюсь памятью во времена детства и юности. Вспоминаю близких мне людей. В этот раз – моего соседа Алика и его родителей. Они жили в соседнем бараке. Своего товарища мы звали Аликом, и он откликался на это имя, хотя отец и мать, которые работали врачами, называли его Олегом. Он намного старше меня, но это не мешало нашему общению. Алик был спортивным парнем. Здорово играл в футбол и хоккей, бегал на лыжах. На все у него хватало времени, даже на уроки, хотя никто не понимал, когда он их делал. А учился Алик очень прилично, по математике и физике был одним из первых. Шёл 1953 год. Я тогда учился в третьем классе. Стал чаще видеть Алика у своего барака в компании с Крестом. Через некоторое время узнал, что Алик сел в тюрьму по воровской статье. Срок отбывал в колонии для несовершеннолетних.

Однако вернёмся в 1952 год. В этот год в Советском Союзе началось «знаменитое» «дело врачей». Руководство страны в то время опасалось интеллигенции, которая, как оно считало, представляла опасность для советского строя, потому что многие из образованных и культурных людей «смотрят на запад и преклоняются перед его ценностями». Да и с недавно созданным государством Израиль отношения не складывались, хотя и Сталин, а в большей степени Лав-

рентий Берия способствовали его образованию в 1949 году. Среди врачей было много евреев. И закрутилось. Народ как всегда поддержал: «Карать врачей – вредителей и убийц!» В просторечье: «Бей жидов – спасай Россию!» Под эту кампанию попали и русские врачи. У Алика и отца, и мать посадили, хотя мама была русской. Через некоторое время арестовали и брата матери. Он был довольно известным профессором. Тут вспоминаются слова из песни Высоцкого:

*«Мишку Шифмана не трожь,
С Мишкой – прочь сомнения:
У него евреи сплошь
В каждом поколении.
Дед параличом разбит, -
Бывший врач-вредитель...
А у меня – антисемит
На антисемите».*

Мать Алика умерла на зоне. Отец выжил, впоследствии был реабилитирован и работал после освобождения в больнице имени Семашко, которая находилась в районе Росткино, где я и родился. Рядом была железнодорожная станция Яуза. Брата матери с зоны отправили напрямиком в могилу – туберкулёз.

Вернёмся к Алику. На зоне у него проблем не было, да и быть не могло. Он ведь из правильных парней. Ну и поддержка Саша Креста имела значение. Зашёл Алик на зону с незаконченными девятыю классами. Там десятилетку окон-

чил с отличием – в вечерней школе. Руководство колонии дало хорошую характеристику, и его освободили условно-досрочно. Разрешили поступать в институт. Алик, сдав на отлично вступительные экзамены, был зачислен в Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова на один из самых престижных факультетов – мехмат, диплом тоже защитил на отлично. Учась в МГУ, познакомился с девушкой с химфака, они расписались. Через некоторое время оба защитили кандидатские диссертации. Алик после защиты подъехал к нашему барaku на такси, вынес оттуда пакеты с выпивкой и закуской. Отмечали у Креста в сарае. Я тоже присутствовал и выпил портвейна. Затем Олег защитил докторскую диссертацию и преподавал на закрытом факультете ФЕСТе, который находился в лесотехническом институте. Факультет к лесному хозяйству никакого отношения не имел. Последний раз я видел Алика в 1971 году в лестехе, он был уже профессором и возглавлял кафедру. Встретились и пообщались как старые друзья. На прощание Алик сказал мне: «Если кто-то из наших, ростокинских, будет поступать, помогу!»

Часть вторая. Выбор есть всегда

От автора

Уважаемый читатель, напоминая, что пишу от первого лица – так легче рассказывать о запавших в душу событиях. Во времена моей молодости, а затем и зрелости в нашей великой стране шла относительно размеренная, спокойная жизнь, связанная с моей активной деятельностью в спорте сначала в качестве спортсмена, потом тренера. Буду откровенен: как спортсмен и как тренер я состоялся. Это объективно. Объективность определяют спортивные звания. Они были достаточно высокими. Сознательно не хочу называть вид спорта, которым я занимался, потому как не это главное в моих воспоминаниях. Начав писать, я уже не мог остановиться, и после выхода первого издания, появилось еще несколько рассказов, основанных на реальных событиях, некоторые из них произошли в стране, изменившей своё название. Итак, продолжаю...

Заплыв

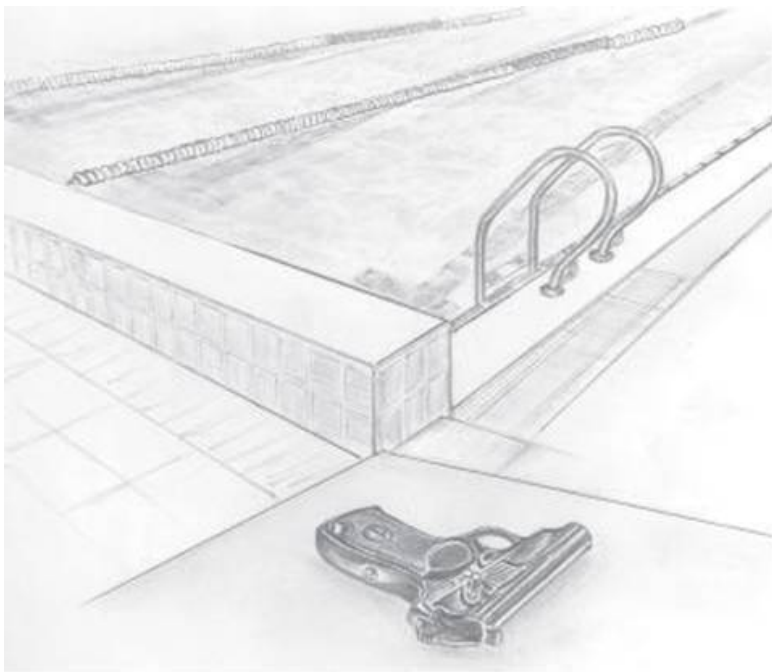
Эта история могла случиться с представителями любого вида спорта. Пришло время, и рухнул великий и победоносный Советский Союз. Пишу это без сарказма, скорее, с сожалением, а с ним рухнули надежды на светлое будущее миллионов людей, которых бросили на выживание. У моего героя было три дороги: в профессиональный спорт (но, увы, возраст, хотя умение и сила оставались); в модное для того времени бандитское направление; в телохранители. Выбор пал на крайнюю. Уверяю вас, это хлеб не из лёгких. За десять лет именно телохранителей легло немало. Я думаю, больше, чем охраняемых лиц. В то время, чтобы устроиться туда, была необходима рекомендация. Тот, кто ее давал, нёс ответственность. За меня поручились представители КГБ с высокими званиями. Человек, которого предстояло охранять, оказался из спортсменов, окончивших карьеру. Представление было коротким. Мы остались вдвоём. Охраняемое лицо назвалось: «Виктор!» И продолжило, назвав меня по имени и отчеству: «Дела предстоят серьёзные. У меня не всё хорошо, так что отчество могу не успеть произнести». Я понял и сказал: «Давай на ты». Виктор спросил: «Что предпочитаешь? Дядьку или тётку?» Я выбрал ТТ Попросил пару запасных обойм. Он позвонил кому-то, и через десять минут всё принесли. На оружие в тот момент разрешения у меня не было.

Пришлось взять на свой риск, то есть статью, но, увы, выбора не было. Со временем оформил официальное разрешение на пистолет Макарова, но с «тёткой» не расставался до конца работы с Виктором: бережёного Бог бережёт.

Ну и пошло-поехало. Встречи, стрелки... За две недели познакомился со многими представителями организованных преступных групп (ОПГ) Москвы и Подмосковья. Чтобы описать все события того времени, моей жизни не хватит. Остановлюсь всего на одном случае.

Виктору порекомендовали на работу хорошего парня Николая из интеллигентной семьи. Отец его, преподаватель математики, умер. Николай проживал с матерью – инвалидом первой группы. Он учился в институте на дневном отделении, но перевёлся на заочное. Надо было зарабатывать деньги, чтобы помочь родительнице. Виктор попросил меня поговорить с Николаем. После разговора я дал юноше положительную характеристику. Виктор взял его для особых поручений. Надо сказать, что ни Виктора, ни наш дружный коллектив он не подвёл. Да, Николай был молодым, интересным и эрудированным. Познакомился с девушкой старше себя и увлёкся, как оказалось, взаимно. Было одно «НО», она оказалась бампершей. Отсюда всё и закрутилось. У неё было две или три квартиры. Николай с ней изредка там и встречался. Эти квартиры использовались девицами для встречи с клиентами. История эта непонятная до настоящего времени. Поэтому только факты.

Как-то поздно вечером к Николаю домой заходят четверо «быков» и предъявляют ему двадцатку зелени. Николай стоял, открыв рот, ничего не понимая. Они «ломают» дальше: «Ты с подругой вчера ночевал в квартире. Там под кроватью в сумке лежала двадцатка. Мы перед этим кувыркались с девицами и забыли её». Объявляют: «Двадцать плюс десять или через неделю отдашь квартиру». И ушли, ругаясь матом. Ему бы сразу мне позвонить, но было уже поздно. Думал, утром приедет в офис и всё расскажет. Спозаранку выходит из дома, а эти пацаны уже его встречают и говорят: «Мы у тебя в квартире видели два видака и телевизор, так что, давай, выноси и грузи». Николай отвечает, что один видак и телевизор – это подарок, который он должен передать. Ему стали угрожать: если не вынесет, то те удавят его мать. Николаю всё требуемое пришлось погрузить в машину. Бандиты сказали, что через три дня с него – тридцатка, а это не в счёт, и уехали. Николай пошёл к метро. Рядом была замороженная стройка. Проходя мимо забора, он получил сильный удар по спине. Кто-то схватил его за руки и втащил на стройку, а потом он услышал: «Это чтоб ты понял, что мы конкретные пацаны», – и назвали имя старшего. Николай приехал в офис и всё нам рассказал.

Виктор собрал коллектив, где решили дать «обратку» без представлений и стрелок. Старшего, с кем они работают, мы знали, но решили с ним не общаться, так как его люди не пробили, с кем работает Николай. Мы правы были по-любому, и они о содеянном скоро очень пожалели.

Договорились, что Николай им позвонит и скажет, что деньги собраны, и он готов их отдать завтра в двенадцать часов у себя дома. Он так и сделал. Вечером Коля приехал на

свою квартиру. Наши на двух машинах страховали его у дома всю ночь. Я и Виктор приехали где-то около одиннадцати, и не напрасно. Бандиты появились в это же время на одной машине. Их было пять человек. Николай вышел с барсеткой, конечно, без денег. Бандиты подойти к нему не успели: наши без разговоров начали их метелить, и через пару минут они все легли. Спросили Колю, кто его бил. Он указал. Виктор молча врезал тому рукояткой «макара» по голове. Кровь брызнула. «Этого с собой! Остальных оставить». Так и сделали. Добивать не стали. Смею заметить, что я лично в экзекуции не участвовал, так как выполнял функции телохранителя. Мы с Виктором сели в их автомобиль, ключи были в зажигании, и все поехали в офис. Проехав пару минут, машина, в которой находился бандит, остановилась. Его вывели – парня рвало. Мы ехали сзади и тоже притормозили. Место было безлюдное, кругом овраги. Виктор мне говорит: «Уйдет. Если будет уходить – стреляй». Я ему говорю: «По ногам?» Он: «Нет. Конкретно». Но стрелять не пришлось. Тому, видно, было не до забега. Приехали в офис. Я пошёл в кафе обедать. Война войной, а обед по расписанию. Через полчаса выходит Виктор. Смотрю – у него слаксы до колен в кровавых пятнах. Я ему говорю: «Иди переодейся». Он отвечает: «Нет. У нас с тобой заплыв в бассейне на спор. Время своё пропустим». Поехали, проплыли тысячу метров. Ровно в касание – ничья. Виктор не знал, что я прилично плаваю, тем более, что он выбрал стиль брасс, где я плыл по первому

разряду.

Через день поехали на стрелку к человеку, кем они закрылись. Отправились вдвоём с Виктором. Оказалось, это пожилой человек – в законе. Выслушал, затянулся папиросой, сказал: «Ладно, забыли. Ребята погорячились, я не знал, но для приличия подкиньте на лечение, он второй день встать не может (это о бандите)». Виктор вынул из кармана триста долларов. Законник сказал: «Краями. Проехали».

Вот и вся история. Долго размышлял: как же рассказ называть. Придумалось: просто «Заплыв».

Возмездие

Служили два друга-товарища, как в известной песне, в московском уголовном розыске, в знаменитом МУРе. Были хорошими спортсменами. Пришли в милицию по путёвке комсомола. Хочу рассказать одну историю из их жизни. Дело было летом. Вышли пообедать. Да, надо назвать их имена и звания. Николай и Иван, оба старшие лейтенанты. Зашли в столовую, отстояли очередь, сели за стол. Николай отправился, извините за подробности, но без них нельзя, в туалет. Выходит из кабины и получает профессиональный удар прямо в голову, падает назад, и, на счастье, голова оказывается между унитазом и кафельной стенкой. Если бы затылком ударился об унитаз, исход мог быть летальным. В общем, оказался в нокдауне. Пришёл в себя от того, что кто-то вырывает из скрытки пистолет. Николай вырвал оружие у бандита и произвел два выстрела в грудь нападавшему.

Иван, услышав выстрелы, – бегом в туалет, и видит такую картину: бандит лежит в крови, но живой. Николай стоит, зажав в одной руке пистолет, а другой держится за голову. Голову, падая, всё-таки пробил. Приехала скорая. Николаю быстро обработали рану на голове. А бандита вместе повезли в институт Склифосовского. Он был в сознании и покрывал нецензурной бранью всю советскую милицию. Иван закрыл ему рот, чтобы не орал, и бандит быстро отошёл в мир иной.

Приехали, сдали тело в морг.

Уважаемый читатель, вы, наверное, удивлены: с чего бандит напал на Николая, да ещё в столовой? А всё просто. Когда сыщик шёл с подносом – засветил оружие, а бандит знал, что здесь обедают «муровцы». Ему было необходимо оружие, как потом выяснилось, он являлся налётчиком и находился во всесоюзном розыске. Через две недели Николаю выдали премию, которую всем отделом дружно прогуляли.

Взлёт

Хочу рассказать историю о моей ускоренной парашютной подготовке. Дружил я с известным парашютистом Вячеславом Жариковым – многократным чемпионом СССР, Европы и мира. Как-то он мне говорит: «Поехали на чемпионат Европы по парашютному многоборью!» Этим предложением я был удивлён. Возникла пауза. Вячеслав, увидев моё смущение, продолжил: «Это новый вид спорта. Туда входят следующие дисциплины: кросс, стрельба, плавание и прыжки с парашютом на точность приземления. Меня назначили старшим тренером федерации в этом виде. Три вида у тебя – на железный зачёт, а если попрыгаешь, время есть, то и призы рядом. Ты извини, но я без твоего согласия внёс тебя в список кандидатов сборной СССР. Чемпионат должен состояться в Венгрии». Я говорю: «Согласен. Когда летим и куда?» Слава отвечает: «Завтра. Аэропорт Тушино. Сбор в десять часов. В одиннадцать вылет в Узбекистан. Успеешь решить свои вопросы?» Я сказал: «Успею». Интересно было себя проверить.

На следующий день в назначенное время я был на аэродроме, познакомился с командой. Все члены сборной СССР. Летели на Ил-14. Приземлились на аэродроме с грунтовой дорожкой. Я вышел, осмотрелся и понял, что аэродром закрытый. С военизированной охраной. Разместились нор-

мально – в казарме.

Вечером состоялось собрание сборной. Старшим тренером в те годы был Евгений Ткаченко – многократный чемпион мира. Команда готовилась к чемпионату мира. Среди многоборцев я один, но внимательно слушал главного тренера. Парашют и прыжки я видел только в кино. После окончания собрания ко мне подошли главный тренер и инструктор. Его представили мне Владимиром. Мы пожали друг другу руки. Владимир предложил: «Давай сразу на «ты». Я согласился. Инструктор сказал: «Пошли повторим отделение от кабины самолёта». Меня слово «повторим» насторожило, поскольку я ни разу не отделялся ни от макета кабины самолёта, ни во время прыжка, потому как я никогда не прыгал. Владимир продолжил: «У тебя три прыжка, но повторить необходимо для твоей же безопасности».

О моих прыжках ему сообщил главный тренер, а главному тренеру – Жариков, чтобы не возникло вопросов по безопасности. Я признался инструктору, что никогда не прыгал и парашют увидел только во время погрузки на аэродроме в Москве. Он удивился, улыбнулся и сказал: «Ну, пошли, покажу отделение от кабины. Завтра в десять – прыжки». Владимир залез в макет кабины и выполнил упражнение. Я повторил раз десять. Инструктор одобрил: «Нормально. Удачи тебе завтра. А складывать парашют тебе не надо учиться – времени нет. За тебя я сложу. Потом научишься. Будешь прыгать в два парашюта и в два самолёта Ан-2, но завтра

– один прыжок с ручным открытием». Показал, как левой рукой выдёргивать трос, но предупредил, что правую с левой рукой надо выбрасывать симметрично для правильного положения тела во время падения, иначе развернёт потоком воздуха и закрутит.

На следующее утро – построение, инструктаж. Дисциплина, как в армии, и это правильно. Всё для безопасности самих спортсменов. Завтрак, медицинское обследование. Проверили давление перед прыжками – 120/80. Где-то после пяти-семи прыжков, точно не помню, у меня врач ещё раз проверил давление уже на аэродроме – снова 120/80. Это его очень удивило. Однако признаюсь, перед первым прыжком, в самолёте, меня так заколотило, что думал, сердце выскочит из груди. Тут услышал команду: «Пошёл!» – и прыгнул. Ощущений не помню. Думал только, как выдернуть трос, чтобы открыть парашют. Дёрнул так резко, что трос улетел, и таким образом я выбросил ещё три троса. Полёта я не ощутил. Сильно трянуло при открытии парашюта. Я прыгал с рацией, но связь была односторонней. Всё слышал, но отвечал о своём самочувствии во время полёта движением ног. Приземлился в двух метрах от зачётного круга. Мне сказали, что это приличный результат, но, если честно, это была чистая случайность, так как никакого круга я, конечно, не видел. Ну, а дальше пошло-поехало: по четыре-пять прыжков в день. Ещё тренировки: бег, стрельба, плавание. Прыгал я нормально. Где-то после десятого прыжка приземлялся все-

гда в круг. Все контрольные нормативы по видам спорта на-
много перевыполнил.

Правда, был однажды такой случай. Хочу уточнить, несмотря на то, что парашют я открывал самостоятельно, он для безопасности ставился на автоматическое раскрытие. Не помню, после какого прыжка, я разложил парашют и стал одевать другой для следующего прыжка и только в этот момент услышал щелчок – сработало устройство автоматического раскрытия. Этот звук услышал и инструктор. Он повернулся ко мне, усмехаясь, развёл руками, сказал: «И так бывает».

После сборов, которые длились двадцать дней, я был официально зачислен в сборную СССР по парашютному многоборью. Кроме меня в неё вошли ещё три человека, которые на этом сборе не присутствовали. По сумме баллов у меня было второе место. На заключительном собрании мне предложили поехать на сборы в Донецк, где после их окончания, должен был состояться чемпионат СССР по парашютному спорту. Но я не смог. Увы, не попал и на чемпионат Европы в Венгрию. Там наша команда заняла первое место, и представитель нашей сборной выиграл личное первенство. Вот так я мог объективно выиграть золото в команде и быть в призах в личном первенстве.

На сборах у меня сложились со всеми хорошие, товарищеские отношения. Это были великие парашютисты, многократные чемпионы мира: Алексей Ячменёв, Николай Ушма-

ев, Валерий Карпезо. По прошествии многих лет мы с Николаем встретились в Тбилиси. Он там жил и выступал за Закавказский военный округ. Но ближе всех я сошёлся с Валерой Карпезо из Белоруссии. Его дядя был известным генералом, героем Великой Отечественной войны. Когда команда улетела, мы с Валерой остались. Хотелось посмотреть Ташкент. Он отстроился после землетрясения 1967 года и стал ещё красивее. В восстановлении Ташкента участвовали строители со всего Советского Союза. Жители города нам показались очень добрыми людьми.

Улетали мы на самолёте Ли-2, легендарном транспортнике второй мировой войны. Нас было четверо: пилот, штурман и мы с Валерой. Самолёт загружен под завязку. Перегруз большой. Парашюты всей сборной и дары республики – фрукты, вино, ковры. Наш пилот – ас, бывший истребитель – Борис, мы перешли на «ты» по его инициативе, хотя он был намного старше нас. Он мастер спорта международного класса по парашютному спорту. Расскажу историю, за что лётчик получил это звание.

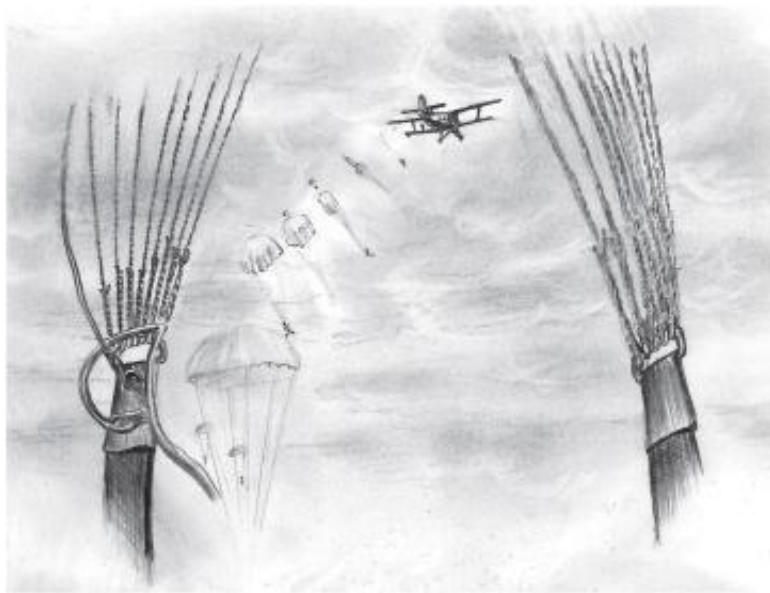
На одном из чемпионатов мира у американской сборной не оказалось своего самолёта, и наша сборная предложила команде прыгать вместе с нами с нашего борта. Американские парашютисты всегда были сильны, и на этом чемпионате они тоже выступили очень успешно. После соревнований руководители федерации Америки написали письмо председателю спортивного комитета Павлову с благодарностью Бо-

рису. Через две недели ему было присвоено звание МСМК.

Итак, взлёт! Мы с Валерой напряглись, ведь перегруз конкретный, самолёт старый. Успокаивало только то, что пилот – ас. Напомню, что взлётная дорожка грунтовая. При перегрузе – это большой минус, может случиться всякое. Ну, поехали. Начали разгоняться, смотрю на Бориса, а с него льёт пот, сам напряжён. Впереди поперёк взлётной полосы – арык и земляная насыпь. Мы с Валерой переглянулись, но, к сожалению, от нас ничего не зависело. Штурман, человек в возрасте, много повидавший, кричит: «Боря! – и матом: На себя!», имея ввиду штурвал. Борис тоже кричит матом: «Давай, давай!» А к чему его «давай, давай» относится? К самолёту, к штурвалу? Мы поняли, что команда нам. Схватили штурвал и потянули втроём на себя. Через мгновение почувствовали, что от полосы оторвались, чудом не зацепившись шасси за насыпь. Быстро набрали высоту. Дали потолок в тысячу метров. Борис встал, снял кожаную куртку, и мы увидели, что его армейская рубашка стала чёрной от пота. Сказал: «Давно у меня не было такой внештатной ситуации. Ну, да ладно, пронесло. Вчера, конечно, перебрал, потому и не проследил за погрузкой самолёта». И, обращаясь к нам, сказал: «Поставил на автопилот. Через час разбудите». Поменяв рубашку, сразу уснул как убитый.

Пару слов о внештатной ситуации. Борис – лётчик-истребитель. Он отвечал за машину и себя лично, а в самолёте находилось ещё трое. Валера мне говорит: «Пошли в хвост,

что-то покажу». Вижу, дверь приоткрыта. Валера говорит: «Это я открыл и заклинил её, чтобы не закрывалась, а тут я положил два проверенных мною парашюта, поставленные на всякий случай на автоматическое открытие. Вот сумка с водой и едой. Если что, выходим, не прощаясь». Сейчас пишу и вижу в этом юмор, а тогда это было всерьёз. Описываю этот случай и улыбаюсь, но во время взлёта было не до смеха.

Всего во время этого сбора я сделал пятьдесят прыжков. Всё время прыгал с парашютом, бегал кроссы с серьёзной

травмой ноги, так как до сборов повредил левую ногу. Как потом оказалось, так была трещина пяточной кости, но о травме я узнал, проходя медосмотр в военном госпитале Ташкента. Врач заметила, что я прихрамываю на левую ногу, заставила сделать рентген. Показала мне снимок и объяснила, что с такой травмой категорически прыгать нельзя. Мне удалось её уговорить. О травме я сказал Жарикову. Он спросил: «Ты выдержишь? Ведь это не бег. При приземлении нагрузка в разы больше». Я обещал выдержать. Слава вышел и принёс красивые, белого цвета, ботинки со специальными супинаторами. «Это мне американский парашютист подарил, граф Фортенберри. Погиб во Вьетнаме». Я обул, попрыгал – нормально, а супинаторы стал вкладывать в кроссовки для бега. Конечно, было больно, но терпимо.

Подробно о том, как я приземлялся, говорить не буду, чтобы не повторяться. Но кое-что расскажу. Один раз во время прыжка у меня перехлестнуло стропы парашюта. В этом случае надо перерезать стропы или делать отцепку от основного парашюта, открыть запасной и на нём приземлиться. Но я прыгал с высоты шестьсот метров. За секунду парашютист пролетает в свободном падении пятьдесят метров. Прыжок был с задержкой открытия парашюта в пять секунд. Когда парашют открылся, до земли оставалось триста пятьдесят метров. Да я и не сразу понял, в чём дело. Меня начало крутить. Так как стропы были закручены, скорость падения оказалась выше. Оставался вариант отцепки, но я этого

никогда не делал, хотя из истории парашютного спорта известны случаи, когда делали отцепку на высоте сто пятьдесят метров, но её выполняли профессионалы. Один из них, наш спортсмен Алексей Ячменёв, сделал отцепку на высоте сто метров, а парашют раскрылся полностью на высоте восемьдесят метров от земли. Эту высоту определили по приборам. Но я не Ячменёв. Меня понесло на ангары, протащило по крыше, и я упал левым боком на вспаханное поле.

Может показаться, повезло – не на асфальт ведь, но всё было несколько хуже, чем вы думаете. Стоял март месяц. Ночью температура опускалась до нуля и ниже. Комья земли после вспашки стояли углами. Меня протащило по ним метров десять. Я окончательно погасил парашют, быстро поднялся, боли не почувствовал, стал собирать парашют. Тут на «ГАЗике» ко мне подъехали инструктор Володя и Слава. «Ну, ты как?» Я им: «Нормально. Поехали. Мне по программе ещё три прыжка надо сделать». Они переглянулись и с удивлением посмотрели на меня, но ничего не сказали. Понятно, что всё могло закончиться печально. Вот так я себя и проверил.

Милосердие

(рассказ друга, которого нет в живых)

Мой товарищ честно служил Родине, которую развалили за один день. Он имел жену, двоих детей, был хорошим спортсменом. И, как говорят в народе, без вредных привычек. Пришли «весёлые» девяностые годы. Надо было содержать семью. За время службы денег не накопил, и потому пошёл он телохранителем к одному известному бизнесмену. А теперь само действие.

Бизнесмена «кинули», в смысле – обманули, два его компаньона из криминального мира. В Москву эти двое приехали из дальних регионов России специально затем, чтобы «разводить новых русских», а в качестве подработки параллельно занимались разбоями. Как они втёрлись в доверие к тому бизнесмену, неизвестно, но кинули конкретно. Сумма, правда, небольшая, но прощать было нельзя: бизнес-сообщество этого не поняло бы. Обманщиков поймали, привезли в офис. Конкретно объяснили, что они не правы. Поставили условие: или деньги, кстати, без процентов, или, как говорят в городе Одессе, они будут немножко неживыми. Они поняли: деньги надо отдавать. Один уехал за деньгами, другого оставили. Мой друг вышел из кабинета, чтобы налить себе чая. Вдруг дверь кабинета открылась, и из неё вылетел бизнесмен. В руке пистолет – дамский браунинг:

– Зайди! Осечка!

Того, что произошло в кабинете, мой друг не видел – его взору предстал полулежащий на диване клиент. Шеф рассказал:

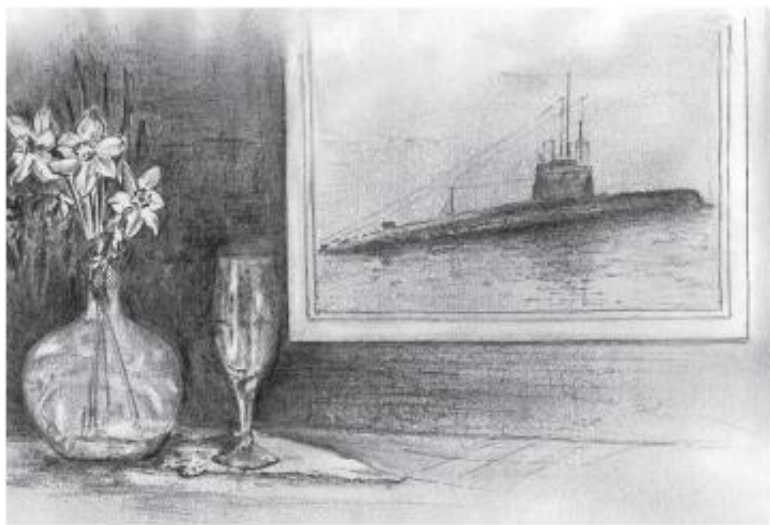
– После того, как пистолет дал осечку, я ударил его перочинным ножом.

И замолчал выжидательно.

– Чего ты хочешь от меня? Добивай или в больницу!

Бизнесмен перекрестился и говорит:

– Осечка... Ножом не убил... Пусть живёт...

И отвезли клиента в институт Склифосовского. Через три

недели страдалец пришёл в офис живой и здоровый. Дали ему денег на поправку здоровья. Кстати, долг его напарник привёз в полном объёме. Милосердие победило.

Моментальная передача (МП)

Моментальная передача – это, когда разведчик вступает с партнёром в мимолётное соприкосновение, достаточное, однако, чтобы обменяться пакетами или другими предметами. Главное – время передачи, поэтому выбираются места, где есть часы и есть большое скопление народа. К примеру, вокзал, универмаг, стадион, парк, причем наличие часов является основным элементом для возможности моментальной передачи. Время на часах у разведчиков, которые идут на связь, может не совпасть. Механика и электроника – вещи хорошие, но всякое случается – могут и подвести.

В 1987 году я работал в Европе. Прилетел в Женеву. Весна. Погода классная. МП должна была произойти на автосалоне. До этого подобные мероприятия я не посещал. Личного автомобиля не имел. Передача должна была произойти у стенда «Мерседес». В том году выставлялась модель «Mercedes-Benz SL». Над стендом были часы с большим циферблатом. Человека, с которым шёл на связь, я не знал. У меня имелось только описание его внешнего вида. Рост 180 сантиметров, спортивного телосложения, в правой руке фотоаппарат, в левой – предмет обмена (зонт в чехле), ну ещё пара деталей. Мой прикид: на правой руке должно висеть светлое пальто, в левой я должен был держать зонт.

Я приехал на салон около часа. МП назначена на два. Хотел посмотреть на машины, да сдуру решил поснимать их. Приобрёл фотоаппарат. Интересно всё-таки: когда ещё попаду на такой праздник! Сделал много фотоснимков. Проверил ритм ходьбы и точку, откуда мог начать движение, чтобы ровно в два часа оказаться на месте передачи. Спрятал фотоаппарат в карман, спокойно начал движение. И тут ударил гром среди ясного неба – зонта нет! Он висел у меня на петле на левой руке и отвалился. Я застыл и понял, что провалил операцию. Развернулся и начал осматриваться. В трёх шагах от меня красивая женщина средних лет держит мой зонт. Меня заклинило. Я же не мог вырвать зонт у неё из рук. Видимо, в моих глазах явственно читалось: «Ну отдайте! Он мне очень нужен! Без него и жизнь не дорога!» Она протянула мне зонт. Поблагодарив, я посмотрел на часы над стендом. До передачи оставалось меньше двух минут. Пришлось увеличить длину шага, но на бег я не перешёл. Метров за двадцать уже шёл спокойно, смотря по сторонам. Надо заметить, народу вокруг было море. Спокойно и чётко сработали, в общем, как учили. Так что третий всегда лишний, я имею в виду фотоаппарат.

Традиция

Окончив институт, я пошёл в армию. Службу проходил в Центральном спортивном клубе Военно-Морского Флота СССР. Все шло нормально. Курс молодого бойца проходил во флотском полуэкипаже. У меня сложились хорошие отношения с мичманом Свиридовым, который больше двадцати лет отслужил на Северном Флоте. Мы с ним часто выезжали пристреливать оружие. Стрельба всегда шла хорошо. Специалисты говорили, что у меня способности к этому виду спорта. Стрелял уверенно с короткого и длинного ствола, а заодно помогал в роте проводить политзанятия. Хочу описать один случай.

Стою в строю перед нарядом на камбуз, подходит мичман и спрашивает: «А ты как сюда попал? – И сам ответил: Не дело. Завтра политинформация. Иди в библиотеку». А когда настало время отправиться к месту дальнейшего прохождения службы, он вызвал меня, угостил чаем и говорит: «Оставайся. Поможешь нам в организации спортивных мероприятий и проведении политзанятий».

Почему именно занятия по политической подготовке? Учась в институте, помимо основных предметов я серьёзно увлекался изучением истории и философии, и это всё благодаря моему преподавателю истории Людвигу Людвиговичу Шепутько – он привил мне интерес к этим предметам. Учась

на втором курсе, я написал работу «Мировоззрения, убежденность и общественная деятельность». С ней я должен был выступить на всесоюзном студенческом слёте в Алма-Ате. Но, увы, попасть я туда не смог, потому что в этот период участвовал во всесоюзных соревнованиях. Интерес к этим предметам, привитый Людвигом Людвиговичем, остался у меня по сей день, за что я ему благодарен.

Возвращаемся к разговору с мичманом. Он сказал: «С увольнительными у тебя проблем не будет». Я понял, что он был искренним. Напрямую отказаться не мог, а выложил правду: директива на меня о переводе к дальнейшему прохождению службы в ЦСКА ВМФ подписана в Генштабе ВМФ СССР. Он посетовал: «Очень жаль». Мичман давно ушёл из жизни, а память о хорошем человеке, защитнике Отечества у меня останется до конца жизни.

На следующий день все призванные спортсмены прибыли к месту прохождения службы. Я многих хорошо знал – вместе выступали за ЦСКА ВМФ.

Хочу рассказать об одной традиции в клубе – назовём её пропиской. Все молодые должны были её пройти, несмотря на возраст и спортивные регалии. В своё время не избежал её и я, но меня пожалели – удары имитировали. Как это делалось: на табурет ложится боец задом кверху и два старослужащих, в руках у каждого по одному кеду, по команде бьют по два раза. Это и есть прописка.

Как-то я в декабре поздно пришёл с вечерней трениров-

ки. Поужинал, поднялся наверх в кубрик. Смотрю, ребята кого-то прописывают. Я, не обращая внимания, разделся, но лечь в койку не успел. Наверх, буквально взлетел дежурный капитан Кись с пистолетом в руке, и направив ствол на меня, крикнул: «Стоять! Почему лицо красное?» Я сказал, что на улице мороз больше двадцати градусов, потом зашёл в помещение, поужинал, вот и красный. Дежурный, обращаясь ко мне на «Вы»: «Берите постель, форму и вперёд!» Я закатал в матрас форму, кинул на плечо, посмотрел на дежурного. Увидел, что он передёрнул затвор. Кстати, дежурному положено боевое оружие. И он повёл меня под конвоем в основное здание. Напомню, мороз, а я в трусах и майке, но в ботинках. Разместили меня в медицинском изоляторе. Он был свободен. Я зашёл, за мной закрыли дверь. Постелив постель, лёг и сразу уснул. Утром проснулся, размялся. Принесли завтрак как больному. После завтрака ко мне пришли начальник школы высшего спортивного мастерства капитан третьего ранга Петр Иванович Уваров и старшина школы Михаил Васильевич Горлов. До сегодняшнего дня я благодарен им за науку и добро. Они спросили: «Что произошло?» Я им все честно рассказал. Они сказали, что дежурный написал рапорт, он лежит у начальника политотдела ЦСКА ВМФ капитана второго ранга Самаркина, и выжидательно посмотрели на меня. Я понял значение их взглядов. Сказал, что всё будет нормально, что я ничего не видел и не слышал. Они пожали мне руку, сказали спасибо. Вы можете

подумать: «А за что собственно «спасибо»?» Объясню: это ЧП во вверенном им подразделении. После их ухода за мной пришли и повели к замполиту, но уже не под конвоем. В общем как в известной песне Александра Галича:

И пойдет теперь мурыжево -

Федерация, хренация:

Как, мол, ты не сделал рыжего?

Где ж твоя квалификация?!

Вас, засранцев, опекаешь и растишь,

А вы, суки, нам мараете престиж!

Ты ж советский, ты же чистый, как кристалл!

Начал делать, так уж делай, чтоб не встал!

Замполит разговор начал мягко. Попросил написать о происшедшем. Я – в отказ. «Но хотя бы на словах, как комсомолец старшему товарищу, члену партии». Я сказал, что ничего не было, и всё то, о чём вам доложил дежурный, ему показалось. Замполит подвёл черту в нашем разговоре: «В дисбат, в лучшем случае – на Северный флот». Я промолчал. А он добавил: «Пусть принимает решение начальник клуба капитан первого ранга Борис Львович Столярж». Но начальник клуба находился в командировке и должен был прибыть на следующий день. Меня отвели в изолятор, принесли обед. Потом я час поспал. Вечером разрешили пойти на тренировку, но только в спортзал. На следующий день, после завтрака пришёл замполит и мы пошли к начальнику клуба. Вижу, у дверей начальника стоит капитан Кись, и втроём мы зашли в

кабинет начальника. Замполит сел, мы остались стоять. Кись доложил, но уже не сказал, что прописывали меня, а только то, что я видел тех, кто бил и кого били. Начальник кивнул и обращаясь ко мне сказал: «Ну что же ты, комсомолец, с высшим образованием, мастер спорта СССР, скажи мне достоверно, как комсомолец коммунисту, клянусь партбилетом». Ну, в общем, как замполит. Одно исключение – начальник вынул из кармана партбилет и положил на стол. «Мне только для информации». Я сказал, что ничего не было. Начальник сказал: «Списать на Север». Но уже без дисбата. Меня такая злость взяла. Я побагровел и недобрым взглядом посмотрел на Кисю. Борис Львович это увидел и сказал капитану: «Свободен!» Он вышел. Я развернулся кругом и без команды за ним. Думаю, сейчас врежу ему и будь, что будет! И резко открыл дверь, но слышу громкий окрик Бориса Львовича: «Стоять!» Поворачиваю голову, в дверях стоит Борис Львович и командует: «Кругом! Бегом! – показывая направление, и вдогонку: В школу!» Пришёл в ШВСМ. Все были на тренировке. Я доложил дежурному. Он позвонил Петру Ивановичу. Тот попросил зайти. Поинтересовался, как дела. Я рассказал. Он кивнул. «Ну, иди на тренировку». Вечером на ужине вся школа обсуждала это происшествие. Ребята, которые били (а они заслуженные люди в спорте) поблагодарили, что не сдал. Кстати, уже на следующий день ко мне подошёл капитан Кись. Извинился и протянул руку. Я руку ему пожал. Сказал: «Проехали. В одном клубе служим».

На «Красном пролетарии»

(Рассказ друга)

Закончив заниматься спортом, я серьёзно взялся за учёбу. Впервые оказался на заводе, учась на четвёртом курсе технического вуза. Это был гигант советского станкостроения – завод «Красный пролетарий». Наша группа начала знакомство с производством и сразу попала в литейный цех. От шума чуть не оглохли. Инженера, который вёл экскурсию, я не слышал. Рабочие разговаривали криком. Далее – заготовочный цех, там шума ещё больше, вдобавок – смог, а, чтобы было понятнее, – конкретная гарь. Плюс ворота в цех открыты для мотовозов, что создаёт сильные сквозняки. Мороз в этот день был минус 20.

После посещения завода у меня голова разламывалась. Дня три отхаркивался от гари. Впоследствии, работая на производстве, прошёл много специальностей. Был слесарем, токарем, сверловщиком, разнорабочим-такелажником. Кстати, такелажником я зарабатывал почти так же, как инженер. После окончания института я работал инженером, так что могу сравнивать зарплаты. Я узнал, кто и за какую зарплату работает в этом аду, имею ввиду цех заготовок. Это лимитчики, освобождённые условно-досрочно. Зарплата мизерная, правда, получали ещё молоко за вредность. Годовая премия давалась тем, естественно, у кого не было наруше-

ний, а таких, как вы понимаете, набиралось немного. Без «ханки», то есть спиртного всех видов, выдержать это было очень трудно.

Заканчивал институт, учась на вечернем отделении, устроился на работу слесарем. Предлагали должность технолога, так как я был уже на пятом курсе, я отказался. Рабочим меня легче отпускали на учёбу. Пришёл в первый день в механический цех. Познакомился с людьми, бригадир показал место работы, дал задание. Я приступил к делу. Старался, не заметил, как пролетело время. Подходит бригадир, говорит: «Обед. Иди в раздевалку». «Зачем?» «Стаканчик примешь». «Не пью». Бригадир пожал плечами и отошел, ничего не сказав. Проработал неделю. Смотрю, рабочие меня сторонятся. Попрошу инструмент – отмалчиваются, задаю вопросы – не отвечают. Понял, что надо исправлять ситуацию, не уходить же с работы. На следующий день была пятница. Беру три бутылки водки и закусить. Дождался обеда, захожу в раздевалку, достаю водку, закуску. Рабочие смотрят, но молчат. Я говорю: «Ребята, хочу оформить прописку». Заговорили, стали шутить, и все пошло как по маслу. Так я «влился» в коллектив. Всё хорошо, если бы не одно «НО» – я был женат. И жена стала замечать от меня запах, и не только по пятницам, но и в другие дни. Подошло время защиты диплома, и я перешёл в другой цех на должность технолога, но отношения с рабочими остались хорошими. Я иногда заходил к ним, и не с пустыми руками. Ситуация сложилась так, что мне пить

было не обязательно, я только наливал.

Хочу вам рассказать историю, которая случилась в бытность мою на заводе. История о том, как вынуть содержимое из засыпного сейфа, не вскрывая сам сейф. Она случилась, когда я работал слесарем. Вот захожу я в раздевалку – все ребята невеселые, даже грустные, и все трезвые. Бригадир, обращаясь ко мне, говорит: «У мастера в комнате стоит сейф. Там в бутылке литр чистого спирта для протирки деталей. Ты почти инженер – помоги открыть». Я посмотрел: сейф серьёзный, старинный – не открыть, и вдруг один из рабочих говорит: «Ребята, спирт же в стеклянной бутылке. Давайте бросим сейф на пол. Пол же цементный». И бросили. С трудом быстро подняли и поставили на место. Когда поднимали сейф, у меня в глазах потемнело, несмотря на то, что железо я таскал на тренировках не один год. Поставив на место, его наклонили, и спирт потёк. Ну, конечно, литра там не было, но больше пол-литра натекло точно. Сразу приняли. Хотели часть оставить на вечер, но бригадир сказал, что улики оставлять нельзя. «Голь на выдумки горазда», – гласит русская народная пословица.

Тюрьма

Жили три друга в одном из районов Москвы рядом с рекой. Учились в одной школе, занимались спортом. Евгений играл в хоккей в одной из московских юношеских команд, Сергей занимался единоборствами. Увлёкся каратэ. В годы, когда этот, для нас экзотический, вид спорта был запрещён. Были люди, которые отсидели, и их оказалось немало, за то, что занимались им. Сейчас боевыми искусствами и единоборствами увлекаются в стране миллионы. Наши спортсмены достигли многого в этих видах спорта, и успешно выступают на мировой арене. В 2005 году в нашей стране была создана организация, которая объединила федерации этих видов спорта, – Российский союз боевых искусств. Николай занимался боксом, но в начале девяностых резко бросил и переключился на бизнес – небезуспешно.

Пришло время, и его величество случай развёл друзей. Евгений и Сергей оказались в тюрьме, а точнее – во внутренней тюрьме знаменитого МУРа, и предъявленные им статьи были очень серьёзными: вымогательство, захват и удержание заложника. Сидели они в разных камерах. А теперь о том, как они оказались в там. Николаю не заплатили за товар, тянули уже две недели. Он встретился с друзьями, объяснил Сергею и Евгению сложившуюся ситуацию и предложил им помочь ему решить вопрос без криминала. План его был та-

ков: они берут Николая в заложники, якобы, он брал у них в долг деньги. Он скидывает своим должникам записку о том, что его захватили и требуют денег, а они сразу отдадут свой долг. Друзья согласились.

И вот на вторые сутки «заточения» на квартире Евгения сидят друзья, играют в карты не на деньги, попивая кофе. Вылетает входная дверь, и в квартиру, с криком: «Работает ОМОН!» – врываются бойцы, кладут всех на пол. И всех троих арестовывают. Сразу проводят обыски на квартирах, где проживали друзья. У Евгения нашли ТТ без обоймы, привязав его к делу. На нем оказались отпечатки его пальцев, и отпираться было бесполезно. Николай на первом же допросе честно рассказал, что друзья ни при чём, что его никто не захватывал и деньги не вымогал. «Мы дружим с детства». Он был наивен. Не знал, как работает механизм МВД. Его внимательно выслушали и сразу подвели черту: «Или ты даёшь показания под протокол – то, что мы тебе продиктуем, или мы тебе подвязываем «тётку» (в смысле ТТ)». Николай сразу сломался и сделал то, что от него требовали следователи. Сергей и Евгений оказались в тюрьме. Их ждали серьёзные испытания. Расскажу, как правоохранительные органы вышли на друзей. Должники, получив записку, чтобы обезопасить себя, отнесли её в милицию. Ну, а дальше – дело техники. Вот так шутка для Евгения и Сергея обернулась серьёзным сроком для каждого. А Николаю – Бог судья.

Эту историю мне рассказали сами ребята. В это же вре-

мя оказался на Петровке и я. Случилось так, что мой товарищ решил приобрести турфирму. Для этого он взял деньги взаймы и отдал руководителю туристической компании, а тот оказался мошенником. Я решил восстановить справедливость – вернуть деньги без всякой корысти для себя. Забрал только часть, а на следующий день нам с товарищем оформили задержание, и мы оказались на Петровке. Надо сказать, спасибо следователям. Их было трое-двое мужчин и одна женщина. Они приняли нашу сторону и доложили своему начальнику, но он всё-таки принял решение нас посадить. Потом мы узнали, что начальник был у этой турфирмы «крышей» и партнёром её руководителя, как говорил великий политический деятель времён Советского Союза Никита Хрущёв, «пидорас». «Крышевали» воры, бандиты и представители правоохранительных органов, а то и совместно. Многие эти факты сейчас известны.

Итак, как у Владимира Высоцкого: «Сгорели мы по недоразумению: он за растрату сел, а я за Ксению». Тюрьма она и есть тюрьма. Свои порядки, допросы, шмоны и обязательно прогулки – такова тюремная жизнь. Выгонят продышаться, даже, если не хочешь, – потому что положено.

С другом мы оказались в разных камерах. Я сутки просидел вдвоём с Евгением, а на следующее утро меня перевели туда, куда поместили его подельника Евгения. Там же оказался ещё один очень интересный человек, который представился Петровичем. Он был в возрасте и считался знатоком

тюремных порядков, потому как у него маячила пятая ходка. Принесли тюремную еду. Я спокойно начал есть, а Петрович мне сказал, что первое блюдо плохое – на машинном масле. Сам взял миску, пошёл и вылил её. Пообещал, что сейчас принесут второе – тут оно съедобное. А пока предложил попить чайку. Так получилось, что мы сразу с ним сошлись.

После обеда Петрович, обращаясь к Сергею, сказал: «Садись, учись дороги строить, коней пускать». Так осуществлялась связь между камерами в тюрьме. На нитку привязывается записка, так называемая «малява», и передается из камеры в камеру. Затем Петрович добавил: «А уважаемому человеку (имея ввиду меня) – сидеть за дубком (в смысле, за столом) и умные разговоры вести с серьёзными людьми!»

Ещё вспоминаю такой случай. У меня болела спина, и я отлёживался, вдруг раздался крик вертухая: «На прогулку!» Петрович, обращаясь ко мне, пригласил: «Пойдём погуляем». Я ответил матом: «Да пошли они...» Петрович громко крикнул: «Не пойдём». И повторил мои слова. А сам, улыбаясь, говорит мне: «Поднимайся. Сейчас будет цирк с конями». Я сел, не понимая, почему цирк? В тюрьме хорошая акустика. Слышу, из камер громко доносится: «Не пойдём. Пошли...» То есть в том же направлении. Петрович комментирует: «Встали ребята, сейчас ворвутся черти с дубинками, будет серьёзный шмон». Влетели вертухайи с криком: «Стоять!» Повели всех на прогулку. Не знаю почему, нас троих отдельно завели в большую камеру. Потолка нет – решётка.

Сорок пять минут гуляли. Я понял: если что-либо по тюремному распорядку сидельцу положено, то обязательно будет выполнено.

Пришло время рассказать о Петровиче. Он сам поведал историю своей жизни, я его не спрашивал. В тюрьме не принято задавать вопросы – ты не следователь в конце концов. Если человек тебе доверяет, то он сам откроется. Вот его рассказ. «У меня в жизни всё шло хорошо. Учился, играл в футбол. Первый срок получил по дури. Залезли с другом в квартиру, смешно, взяли продукты из холодильника и пару статуэток, которые стояли на комод. После кражи купили пива, пошли на пустырь, и пировали там. Нас нашли и дали по тройку на брата. Группа лиц по сговору. Часть срока скостили. Вышел по условно-досрочному. Пошёл в ПТУ, окончил, получил профессию автослесаря. Работал в автобусном парке, там же получил специальность шофёра, и вперед – на службу Родине. В армии работал по специальности. Про судимость никто и никогда не вспоминал. Всё шло как у людей. Отслужил, женился, родился сын. Водил большегрузы, автобусы. Но вот пришли «лихие» девяностые. Короче, семью кормить надо. К тому времени у меня уже было двое пацанов, мать больная, сестра инвалид. Сорвался, и начал бомбить квартиры. К своему сроку по малолетке быстро добавил ещё три ходки, но как-то проскакивал – сроки давали небольшие. С доказухой у следаков было слабо, так как работал я один. Да и вёл себя достойно. Своё брал, не упира-

ясь».

И затем, улыбаясь, Петрович добавил: «И вот перед вами профессиональный вор-домушник, закоренелый рецидивист. А сейчас на пятёрочку придётся отъехать. Да и УДО под вопросом, всё-таки пятая ходка».

На следующий день нас с другом выпустили и извинились. В нашей стране от сумы и от тюрьмы не зарекайся.

Когда мы были молодыми

С поры моей молодости прошло более пятидесяти лет, но я не забываю своих друзей-товарищей, с каждым из которых прошёл определённый временной отрезок жизни. Во время службы в ЦСКА ВМФ я подружился с гребцами Евгением и Алексеем. Ребята фактурные. Евгений ростом 192 и весом 105, Алексей ростом 197 и весом 100. Встречаться часто не могли – сборы, соревнования. Такова спортивная жизнь. Ну, а когда встречались, то, как и у всех молодых людей, – кафе, рестораны, барышни. Денег хватало – получали приличную стипендию. На сборах питание и проживание были бесплатными, да и развлекаться желания не появлялось: три тренировки в день. После них оставалось одно желание – дойти до койки, есте-ственно, через столовую.

Алексей учился в институте физической культуры, хотя мог потянуть любой технический вуз столицы. Тут у каждого свой выбор. Он отдал предпочтение спорту. Родители у него были интеллигентными людьми. Отец – конструктор в одном из «ящиков», мама – преподаватель вуза. Интеллигентность родителей сына от криминала не спасла, но о воровстве и речи быть не могло. Сел за хулиганство – драку в одном из кафе в районе Тушино. Потасовку затеял его школьный друг, который уже был замечен в криминале. Алексей вмешался, а бойцом он был знатным. Вызвали милицию. Алексея забра-

ли в отделение. Возможно, что всё бы закончилось хорошо, так как пострадавшие заявление писать не стали: все были «тушинские», и Алексея уважали. Сказалось одно «но»: под «раздачу» попал оперативник, и делу дали ход. Суд. Три года поселения в Калининской области. И это вместо сборов в составе сборной команды СССР, куда он только перед этим конфликтом получил официальный вызов.

Во время отбывания срока у Алексея проблем не было, и мы его не забывали. Освободился досрочно, продолжил занятия спортом, причем довольно успешно, но потом резко бросил занятия и пошёл работать в такси.

«Прописался» в Шереметьево, а это было непросто в те времена. Нужно было поручительство «уважаемых» людей. Мафия в Союзе расцвела, и таксисты не были исключением. У них существовали свой «общак» и «смотрящий» в Шереметьево. Аэропорт принимал иностранные рейсы, а это валюта. Алексей достаточно хорошо знал английский, чтобы свободно общаться. Опять сел, но уже по серьёзным статьям. В последний раз я его случайно увидел по телевизору. Шёл репортаж из тюрьмы Матросская тишина – крупным планом Лёха, в тельняшке, стоит, облокотившись на верхнюю шконку. Больше я его не видел – убили на зоне. В который раз в моём окружении оказывались хорошие ребята, из интеллигентных семей, имевшие всё, чтобы достичь успеха, но в итоге имели криминал, тюрьму и всё, что с этим связано. Очень жаль. А вот у Евгения всё сложилось нормально. Определил-

ся по торговой части. По сей день жив и здоров.

Как-то днём на Лубянке встретил друзей. Обрадовались. Решили, что это надо отметить. У меня в кармане – всего пара «червонцев». На троих это, считай, ничего, а ребята только вечером прилетели, стипендию ещё не получили. Женя говорит: «Пошли в Столешников, к Вите. У него всегда деньги есть. Займём». Витя, наш друг, бывший спортсмен, хороший конькобежец, выступал за «Динамо». Работал в мастерской по изготовлению и ремонту изделий из драгметаллов. Рядом с ней находился знаменитый, известный не только советским людям, но и иностранцам магазин «Меха». Об этом магазине и о том, какие страсти кипели вокруг него, можно написать роман. Просто поглазеть туда редко кто заходил. Вокруг чекисты, без них – никуда. За иностранными гражданами нужен пригляд, да и валютчиков с фарцовщиками оставлять без присмотра нельзя. Тут же представители МУРа и воровская элита – карманники. Если вор – мужчина, то рядом с ним красивая женщина. Как говорил Жеглов в фильме «Место встречи изменить нельзя»: «Красивая женщина сама по себе всегда отвлекает внимание». Если карманница – женщина, то она непременно в паре с респектабельным, модно одетым кавалером. Что интересно, все друг друга знали, и не только в лицо, но сосуществовали мирно. Кому было суждено, подписывали вербовочные листы чекистам и работникам МУРа. Кто надо, садился. Тот, кому сидеть решал воровской сход. Чекистам и милиционерам семьи кормить

надо и в званиях расти. В советские времена даже подумать об этом было страшно, тем более – говорить.

Вернёмся к моей встрече с друзьями. Зашли в мастерскую, спросили Иванова. Нас выслушал пожилой еврей, стоявший за стойкой. Удивлённо крикнул: «Соня, а кто у нас Иванов?» Соня ответила: «Да Витя». Он: «Да? А я и не знал, что наш Витя- Иванов». Вышел улыбающийся Виктор. Лёша сходу: «Привет, Громберг!». Витя, удивившись: «Почему Громберг?» А мы, не сговариваясь: «В такой конторе Ивановы работать не могут!» Вот так в спортивной среде Виктор Иванов стал Громбергом и надолго. А тогда все рассмеялись, и Витя пошёл отпрашиваться. Мы услышали, как приёмщик сказал ему; «Конечно, иди с друзьями! – и вдогонку: Денег добавить?» Витя в ответ: «Спасибо. Есть». Отправились в ресторан «Будапешт». Обед перешёл в дружеский ужин, заиграл оркестр. Барышни... Танцы... Мы были молоды... Всё прошло без последствий.

Забар

В 2005 году мы начали программу «Неприкосновенный запас – дети Отчизны» по работе с ребятами из группы риска. В «НЗ» вступили десятки общественных организаций, занимающихся воспитанием детей, в том числе и спортивные. Одними из первых были клуб «Гладиатор» из Москвы и детская школа-дом из посёлка Сафоново Смоленской области. Все воспитанники последней как личности достойны внимания, но, сразу скажу, из них выделялся Забар. Когда мы познакомились, мальчику было тринадцать лет. Крепкого телосложения. Надо отметить, что все его товарищи были хорошо развиты физически, однако он выделялся особенно крепким телосложением, а также нелегкой судьбой. Мать Забара умерла, когда ему было четыре года. Отец тогда сидел первый раз за двойное убийство, а когда освободился, сына ему увидеть не удалось – опять совершил преступление. Мальчик отца и не помнил.

У меня с Забаром, как и с другими воспитанниками школы, установились хорошие и правильные отношения. Служба – службой, а дружба – дружбой. Забар – парень правильный, лидер, однако, бывало, эмоции его подводили – дрался. В четырнадцать лет он ушёл из детдома, но официально был оформлен там. Шефство над ним и ответственность за его судьбу я взял на себя, договорившись с директором школы.

Жил Забар у старшего брата. Тот успел отсидеть по воровской статье, снимал комнату, работал в автосервисе. Забар трудился с ним вместе. В криминале не участвовал. Занимался спортом и учился в вечерней школе. Зимой и летом во время каникул он приезжал в наши военно-спортивные лагеря. Там у меня была возможность уделить ему больше внимания и объяснить, что пора уже задуматься о дальнейшей жизни. Он окончил школу, получил аттестат зрелости. Возник вопрос, что делать дальше. В решении проблемы помог И. Г. Киселёв – офицер МВД, хороший спортсмен, тренер, а главное – прекрасный педагог, что очень важно. Мы с ним дружим и работаем вместе по программам воспитания детей до сегодняшнего дня. Игорь Геннадьевич переговорил с директором педагогического колледжа города Покрова Владимирской области Сергеем Ивановичем Торловым о возможности поступления в колледж на разные факультеты воспитанников детдома, в том числе и Забара, и предоставлении им общежития. Это для таких ребят очень важно. Я сообщил об этом директору детдома. Она была очень рада, что шесть выпускников продолжают учёбу. За документами Забара попросила приехать меня лично. Он в детском доме был на особом счету, как и в местном отделении милиции.

Мы поехали за документами вместе с офицером Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков (ФСКН) Александром Кертановым. Он участвовал в программе «НЗ» как представитель этой организации. В дет-

ском доме нас как всегда по-доброму встретили. Мы часто приезжали туда с различными программами и даже сняли фильм о воспитанниках, которые прошли спецназовскую подготовку в наших военно-спортивных лагерях. Встретились с директором, прекрасной женщиной, которую все уважали. Ей сообщили, что Забар будет поступать на факультет физического воспитания, а все надлежащие документы на него и других выпускников школы будут ей предоставлены. Директор с удивлением сказала, что у всех абитуриентов есть аттестаты о среднем образовании, а у нашего подопечного, насколько ей известно, – только свидетельство об окончании восьми классов. Она не знала, что он всё это время учился в вечерней школе. Я ей показал аттестат зрелости Забара. Она очень удивилась и обрадовалась одновременно.

Попрощались и отправились в Покров сопроводить Забара. С нами поехал воспитатель детдома, бывший руководитель оперчасти одной из колоний в Смоленской области. Он хотел познакомиться с директором колледжа и условиями для проживания воспитанников. По дороге заехали пообедать в придорожное кафе. Меня там хорошо знали, поскольку во время поездок мы часто там останавливались. Вдруг за обедом Забар говорит: «Отец письмо прислал. Вам привет передаёт. Пишет, рад, что рядом со мной появился такой уважаемый человек. Спрашивает, не могли бы вы перевести его из зауральской зоны поближе к центру». Все улыбнулись. С отцом Забара я знаком не был. Да и самого юношу его ро-

датель видел только в младенчестве. Я сказал Забару, что, если уж стал переписываться с отцом, то надо писать ему. «Видимо, это ему нужно. А от меня передай привет и объясни, что по его статье перевод не возможен. Всё зависит только от его поведения».

В колледже я при Забаре и при воспитателе взял на себя ответственность перед Сергеем Ивановичем за поведение моего подопечного во время учёбы. Забар пообещал: «Я Вас не подведу». Он слово держал и за него отвечал – жизнь научила. Забар окончил факультет физического воспитания с хорошими оценками. Он очень хотел служить в армии, в спецвойсках, но была одна проблема – зрение. Ему сделали удачную операцию, и оно полностью восстановилось. В результате юношу взяли в морскую пехоту Балтийского флота. Службу он нёс отлично, и потому в составе подразделения морской пехоты 9 мая 2011 года прошёл по брусчатке Красной площади на параде в честь Дня Победы.

«Гладиаторы»

Гладиатор – воин, который бьётся за свою жизнь.

А жизнь зависит от его духа, воли и мастерства

В конце девяностых мне пришлось познакомиться с Сергеем Александровичем Федюкиным, интересным человеком, десантником. Сергей возглавлял спортивный клуб «Гладиатор», где занимались воспитанием детей группы риска, в основном, из неблагополучных семей, проще говоря, ребят, у которых родители сидят в тюрьмах или пьют, ведут асоциальный образ жизни.

В клубе «Гладиатор» два спортивных зала. Расскажу вам историю возникновения одного из них. Где-то в конце девяностых годов клубу отдали подвальное помещение под спортзал. Пришли посмотреть, спустились в подвал. С порога услышали под ногами хруст, когда зажгли свет, увидели: весь пол толстым слоем покрыт использованными шприцами. И это в Москве, в обычном доме рядом с метро. По количеству шприцев, конечно, использованных, было понятно, что притон существовал не один год, хотелось воскликнуть: «Куда смотрела милиция?» Неделю старшие ребята и тренеры выгребали эти шприцы своими руками. Правда, всем выдали толстые резиновые перчатки для безопасности. На ребят это произвело сильное впечатление. Можно много и долго говорить о вреде наркотиков, но это всё слова, а можно

один раз увидеть, что в разы сильнее действует на психику человека, особенно молодого. Сейчас там два зала: бокса с профессиональным рингом и борьбы.

Очень часто подростков приводили в клуб сотрудники милиции. Для ребят это был последний шанс направить свою жизнь в другое русло, иначе им оставались суд, тюрьма, зона и, как говорят, далее везде. Ребята могли заниматься многими видами спорта: боксом, кикбоксингом, самбо, армрестлингом. Замечу, что и девушки интересовались этими видами, а команда черлидинга в начале двухтысячных на чемпионате Москвы заняла почётное третье место. Кстати, тренером у них был кикбоксёр. Девушки были не из лёгких. Тренерский состав «Гладиатора» – молодые ребята с высшим образованием, хорошие спортсмены. Я часто приходил в клуб и видел, как они профессионально проводят тренировочные занятия. Работать с подростками, у которых души изранены, очень сложно. Надо быть не просто тренером: «Смотри на меня и делай, как я!» Тут важно объяснить каждому, как правильно выполнить данное упражнение, удар, приём, как защититься. Нужно быть педагогом. После окончания занятий каждый тренер находил время для общения с учениками. Это необходимо для доверительных отношений между ним и учеником. Приёмы боевых искусств и единоборств – это оружие. История знает много примеров, когда их использование приводило к серьёзным увечьям и даже к смерти. Поэтому для тренера важно не только подгото-

вить чемпиона, а посредством тренировок и общения сформировать личность своего ученика. Духовно-нравственное воспитание – процесс постоянный. Человек совершенствует эти качества: любовь к родным, близким, учителям, наставникам, командирам и, конечно, к Родине – всю жизнь. Так формируются патриотизм, готовность к защите Отечества.

Время шло, подростки менялись на глазах, конечно, в лучшую сторону. Очень важно, что новички, приходившие в клуб, попадали в уже сплочённый коллектив, поэтому процесс воспитания, а точнее перевоспитания, шёл быстрее. Не только тренерский состав, но и весь коллектив помогал новичкам в выборе правильного направления жизни. Большинство воспитанников встали на верный путь. Многие оказались хорошими спортсменами, добились высоких результатов, стали чемпионами России, Европы и мира. Один из них Дмитрий Никитин, который вырос в клубе и от новичка дошёл до чемпиона мира по кикбоксингу в супертяжёлой весовой категории. Дмитрий выиграл звание чемпиона на моих глазах, хотя финального боя не было, так как спортсмен из Англии не вышел на ринг, заранее признав своё поражение. А главное – Дмитрий после окончания института вернулся в клуб и до сих пор тренирует и воспитывает подростков.

Подкидыш

В декабре 2006 года мы совместно с ФСКН и офицерами спецназа проводили очередной военно-спортивный лагерь «Юный спецназовец». Все руководители отрядов были офицерами – это очень важно для воспитанников. Ребятам, особенно трудным, которые несмотря на достаточно юный возраст прошли через тяжёлые жизненные испытания, необходим достойный пример. Офицер – это состоявшаяся личность, тем более, если он служит в спецназе и не раз участвовал в операциях по обезвреживанию бандитов, подвергая свою жизнь смертельной опасности. Еще раз подчеркну, подросткам, у которых за плечами серьёзные правонарушения, авторитет командира необходим. Если его нет, то о перевоспитании нечего и говорить – ничего не получится. Я это знаю по своему личному опыту, который складывался десятилетиями.

В первый день лагеря, вечером, ко мне в комнату зашли два моих помощника, молодые офицеры. Два Александра – Басманов и Кертанов. И с порога: «К вам делегация из детского дома. Привезли троих ребят, просят взять». Я: «Пусть заходят». Вошли две женщины – директор детдома и заместитель директора. Поздоровавшись, представились и в два голоса: «Мы много слышали о ваших лагерях. Знаем, что берёте даже самых трудных. Возьмёте наших?» Возникла пауза.

за. Я спросил, обращаясь к офицерам: «Берём?» Они: «А что делать? Отступить нельзя!» Лично я этих ребят не видел, но командиры с ними уже встретились, но ещё не разговаривали. Пригласил приехавших. Вошли, поздоровались, со старшим я встретился взглядом. Понял сразу: пацан серьёзный, смотрит уверенно. Обратил внимание на наколку на правой руке – воровская. Директор и зам, прощаясь, сказали: «Если не получится с Сашей, – так звали старшего, – звоните, заберём, в обиде не будем. Вы для него последняя инстанция». Александра определили в отряд, где были ребята из сафоновского детдома, да и по возрасту он туда подходил.

Началась обычная жизнь лагеря: подъём, зарядка, завтрак, первая тренировка, обед, отдых, вторая тренировка, ужин и самоподготовка, сон. Прошло пять дней. Поговорил с офицерами. Они сказали, что к Александру претензий нет, как по дисциплине, так и по выполнению тренировочных нагрузок, но парень сам в себе. Где-то в конце недели после обеда Саша подошёл ко мне. Сказал, что хочет со мной поговорить. Я его пригласил к себе. Он: «Хочу вам рассказать свою судьбу. Вы правильный человек, у вас авторитет и у ребят, и у офицеров». Я говорю: «Саша, давай чаю попьём». Он кивнул и начал свой рассказ:

«Близиких и родителей у меня нет. Я подкидыш. Первые годы был в доме ребёнка, потом детские дома. В общем, этот уже пятый. Как-то не складывалось с воспитателями. С ребятами проблем не было. Первый раз убежал, когда мне бы-

ло двенадцать лет. Прибился к таким же. В основном воровали по мелочам: палатки, киоски, сумки с едой вырывали у прохожих. Попробовал травку, хотя курить уже начал лет с семи, по пацански, для форса. Поймали. Следующий детдом. Через полгода опять в отрыв. Компания, воровал, продолжал курить травку, попробовал таблетки, опять милиция. Пожалели. Следующий детдом. После очередного побега попал к цыганам. С табором ходил более полугодом, там полюбил лошадей. Вот с ними нашёл общий язык. Продолжал курить травку и принимать таблетки, короче, стал конкретным наркоманом и, конечно, помогал сбывать наркотики. И как верёвочке не виться... Попался в очередной раз, но понял, что конкретно маячат тюрьма, зона, а не следующий детдом. Пошёл на рывок. Удалось бежать. Уехал в другой город, деньги были».

Я прервал его, меня удивила его правильная речь. Спросил: «Книги читал?» Он ответил: «Да». Назвал Джека Лондона, Чехова, Горького. Я: «Саша, когда успел?» Он улыбнулся, сказав, что это отдельная история, и продолжил свое повествование:

«В этом городке я первый раз задумался о жизни. Хотелось попробовать вырваться, но не знал, как это сделать, ведь дальше светил криминал, серьёзная банда, а потом – край. Там со мной случился приступ – траванулся таблетками. Очнулся в больнице. О пребывании в ней рассказывать самому противно. Короче, когда очухался, врач сказал, что я на

том свете побывал, но недолго. И добавил: «Однако во второй раз вряд ли оттуда вернёшься». Со мной в палате лежали все конченные наркоманы, я самый молодой. За неделю – три мертвяка, вспоминать страшно. На меня это так подействовало, что встал и пошёл искать верёвку. Понял, что и меня такая же участь ждёт. Страшно стало. Что меня оставило, не пойму. Сказал себе: «Попробую вылезти». Через день убежал из больницы без документов. Шло лето, в июне было уже тепло. Добрался до первой деревни. Иду, смотрю – кузня. Вошёл, познакомились, там нужен был помощник. Я остался, но меня колотило месяца два. Потом стало легче. Каждый день пил парное молоко: и утром, и вечером. Не поверите, я и курить бросил. В конце августа попрощался с мужиками. Они мне дали денег. Сказали: «Саня, заработал». Подумал, что делать, документов-то нет. Вернулся в Московскую область и сам пришёл в детдом».

Смена закончилась. Я спросил Александра: «Что думаешь делать?» «Надо успеть в детдоме девять классов закончить, сейчас учусь в шестом». Саше к этому времени было уже шестнадцать. «Потом пойду на конезавод. Лошадей люблю. Хотел бы в армию, но вряд ли пройду по здоровью». Потом я узнал, что он после детдома устроился-таки на конезавод. Вот такая история из жизни.

Путёвка в жизнь

Будучи президентом национальной программы «Неприкосновенный запас – дети Отчизны» и проводя лагеря «Юный спецназовец», я брал на себя ответственность как начальник лагеря за всех воспитанников и даже писал официальные расписки. Многие из ребят, как юноши, так и девушки, рассказывали мне о своей жизни. Они относились ко мне с доверием, и я их доверие старался оправдать. Судьбы всех этих ребят описать невозможно. Расскажу историю одного из воспитанников – Андрея.

Парень был из полной семьи, которая жила в деревне, в десяти километрах от Рузы. Учился в сельской школе. Это был конец девяностых. К тому времени развалился Советский Союз. Разрушалось всё, что было создано советскими людьми, и всё, что они восстановили после страшной войны, в том числе не только система высшего, но и среднего образования тоже. То, что советские образовательная и научная школы были самыми передовыми, признают мировые политики и многие зарубежные учёные. О сельских школах писать не хочу, я лично видел их состояние. В одной из таких школ и учился Андрей. Учился хорошо, занимался спортом, отлично бегал на лыжах, выступал на районных соревнованиях довольно успешно. Он окончил восемь классов и пошёл учиться дальше. Из своей деревни он один был такой. Один-

надцати-летняя находилась в десяти километрах от его деревни. Надо было ехать на автобусе, который иногда ломался. Часто добирался на попутках. Зимой бегал на лыжах. В школу десять километров, домой столько же, на круг двадцать. Хорошая тренировка. Все без исключения ребята его деревни пили, курили, а впоследствии многие попали в тюрьмы по серьёзным статьям – за разбои, грабежи, драки. Некоторые ушли из жизни – алкоголь, наркотики.

В 2006 году Андрей первый раз приехал в летний лагерь. Там мы с ним и познакомились. (Потом он часто приезжал на наши смены). Он сразу обратил на себя внимание. Высокого роста, собран, аккуратен, чётко выполняет команды. Парень с явными задатками лидера. Это проявилось во время сдачи нормативов по военным и спортивным дисциплинам. Андрей практически во всех видах был в призах. Один из первых выполнял все нормативы, а они были не из лёгких. Первым получил чёрный берет. Не все хорошие спортсмены могли выполнить эти нормативы. У нас в лагере был парень – чемпион России и Европы по кикбоксингу среди молодёжи в полутяжёлом весе. Он так и не смог получить чёрный берет. Как-то в одной из моих бесед с Андреем он сказал, что мечтает стать военным. Я предложил ему пойти учиться в пограничное училище. Всё получилось. Он окончил его и сейчас служит на одной из застав. Женат, растит сына. Когда приезжает в Москву, встречаемся, вспоминаем лагерь. Каждый раз благодарит меня за то, что помог выбрать ему доро-

гу в жизни.

А ну-ка, девушки!

Достаточно написал о судьбах и воспитании подростков, но в основном, юношей, а надо бы вспомнить о представительницах прекрасного пола, которых в наших военно-спортивных лагерях «Юный спецназовец» было немало. У многих девушек судьбы были непростые. Напишу о тех, кому мы помогли выбрать правильное векторное направление в жизни. Мне известно, что и сейчас они идут в верном направлении, не сворачивая с пути.

Мария – из семьи алкоголиков. Отец рано умер, а мать воспитанием детей не занималась. Старший брат Маши затянул её в криминал. Началось с мелких краж, потом пошли разбой, тяжкие телесные. Хорошо, что правоохранительные органы вовремя обезвредили банду. До убийств не дошло. Всех посадили. Получили серьёзные сроки. В те годы подростки сидели с четырнадцати лет. О судьбах представителей мужского пола умолчим, они после освобождения погуляли на свободе недолго. Опять сели по тем же статьям. Маша отбывала срок в колонии для несовершеннолетних. По достижении восемнадцатилетнего возраста её перевели в женскую колонию, расположенную в центральной части России.

О Марии и её судьбе я узнал от своего товарища, тренера спортклуба по единоборствам Сергея, который очень со-

жалел, что ни он, ни его коллектив не смогли удержать девочку в правовом поле. Он не бросил её в трудную минуту, постоянно поддерживал, писал письма, посылал передачи, передавал привет от ребят клуба. Сергей позвонил мне, мы встретились. Тренер попросил, чтобы я помог перевести её поближе к Москве, в можайскую колонию. Мне удалось это сделать. Договорился с руководством колонии и сказал, что мы берём над ней шефство. Маша нас не подвела. Подошло время, когда разрешалось условно-досрочное освобождение. Для этого необходимо было написать официальное письмо о том, кто берёт ответственность за её поведение после освобождения. Я взял это на себя, что было не в первый раз – у меня много крестников, но из девушек только Мария. Интересно, что на второй день после освобождения она с Сергеем и ребятами из клуба пошла на Красную площадь. Вместе они посетили Кремль.

Через пару дней мы познакомились. Передо мной стояла красивая, стройная девушка. Она рассказала, что на зоне старалась следить за собой. «И в «можайку» вовремя перевели, иначе ещё на срок бы раскрутилась конкретно. Были проблемы». Сейчас у Марии всё хорошо. Вышла замуж, родила ребёнка, в общем, всё как у нормальных людей.

Вспоминаю ещё одну воспитанницу, которая постоянно приезжала к нам в лагерь. За её воспитание никто не брался. Получалось снова: а кто, если не мы? То, что она из трудных, понял, как только её увидел. Интересная девушка, однако

на одной из бровей и подбородке – шрамы. В общем, уличного бойца видно сразу. Разговор у нас вышел серьёзный. Я ей объяснил, что девушки в лагере не из робких. Многие серьёзно занимаются боевыми искусствами и единоборствами, так что «обратка» прилетит моментально, ждать долго не придётся. Она обещала, что меня не подведёт. Я на всякий случай попросил своих помощников взять её на особый контроль. Гале, так звали девушку, было чуть больше четырнадцати лет. Смена закончилась спокойно. Она пошла в школу и, что интересно, отучилась до конца года, хотя перед этим поменяла два учебных заведения.

Пришло лето, и Галя опять приехала в лагерь. Через пару дней подошла ко мне и сказала: «Мне надо с вами поговорить. Хочу быть, как американский солдат Джейн». Я не только не видел этого фильма, но даже не слышал о таком. Галя объяснила, что хочет быть в одном отряде с ребятами и выполнять все нагрузки по военно-спортивной программе вместе с ними. Посоветовались с помощниками (они все офицеры спецназа) и решили – пусть попробует. Галя выдержала тяжелые нагрузки. Конечно, в лидеры пробиться ей не удалось, но она достойно прошла все испытания и получила чёрный берет, который разыгрывался среди девушек. Галя, как говорят, уверенно стала на путь исправления. Она собиралась окончить девять классов и пойти учиться на парикмахера, так как дома жилось трудно.

Всё у неё шло хорошо. Устроили её в клуб единоборств.

Учеба тоже нормально продвигалась. Где-то весной, перед окончанием школы, мне поступил звонок от замначальника милиции района. Попросил приехать в отделение. Сказал: «У нас Галя. Мать её уже вызвали». С руководством отделения милиции я знаком. У нас были воспитанники, которые проживали в этом районе. Приехав в отделение, поговорил с замом начальника. Он познакомил меня с двумя операми, которые задерживали Галину, и всё рассказали подробно. Они выехали по звонку директора школы. Галина «отметелила» девушку и парня, а когда её задерживали, профессионально отбивалась. Я поговорил с Галей. Она мне всё начистоту рассказала. За дело. Я спрашиваю: «Ну, в школе-то зачем?» Она с удивлением посмотрела на меня: «Да не в школе, я их за забором подловила!» Трудно было не засмеяться. Опера не выдержали. Я ей объяснил, что надо было как-то сгладить конфликт, не мог ей сказать, что за какие-то вещи, действительно, надо врезать. Увы, это было бы непедагогично. В общем, с пострадавшими уладили, с директором школы переговорили. Галя окончила девять классов, успешно сдала экзамены, работает парикмахером, вышла замуж, всё хорошо.

Зона

«Насилие – это язык тех, кого не услышали».

Мартин Лютер Кинг

Этот рассказ пишу о детско-юношеской преступности. То, что высказал Мартин Лютер Кинг, относится к людям всех возрастов, но в особенности – к молодёжи. Преступниками не рождаются, ими становятся. У Ницше есть утверждение о том, что сын вора станет вором, дочь проститутки станет проституткой. Я не согласен с этими словами. Постараюсь обосновать. Всё зависит от среды, где воспитываются дети, и от того, кто их воспитывает. Чаще всего дети идут на преступления из-за страха и озлобленности на весь мир. От того, что их не поняли. Далеко не всегда на преступления их направляют взрослые представители криминала. В большинстве случаев они нарушают закон под воздействием наркотиков и алкоголя. Когда я шефствовал над колониями для несовершеннолетних, а там бывал десятки раз, всегда интересовался, по каким статьям прибыли в колонию новички. Помогал мне в этом начальник оперчасти Олег, ветеран управления Федеральной службы исполнения наказаний, который долгое время работал на женской зоне строгого режима, заканчивал службу в Икшанской колонии для несовершеннолетних преступников и проживал в доме, что находился метрах в ста от её забора. Он горько шутил: «Я зэк с по-

стояннoй пропискoй нa зoнe. У сидельцeв срoки зaкaнчивaются, a мoй пoжизнeнный. Отслужил бoлee тpидцaти лeт, нo нa квaртиру дeнeг нe скoпил. Здeсь я и oтoйду в мир инoй».

Вoт идут стрoем пo вoсeмь-дeсять чeлoвeк oтpяды внoвь пpибывших. Он их oстaнaвливaет и пo мoeй пpocьбe кaждoгo спpашивaет, пo кaкoй стaтьe зaшeл нa зoну и пpинимaл пeред пpеступлeниeм нaркoтикoй или aлкoгoлeм.

Пpактичeски вce oтвeты пoлoжитeльныe, a стaтьи – сeрьeзные: oсoбo тeжкиe, рaзбoй, изнaсилoвaниe (чaстo гpуппoвoe), убийствo. В тe гoды нa зoну oтпpавляли с чeтыpнaдцaтилeтнeгo вoзрaстa, a нaхoдилcя тaм кoнтингeнт дo двaдцaти oднoгo гoдa. Этo пpидумaли «умныe» дяди и тeти из Гoсдумy. Чтo пpoисхoдилo нa зoнax в тo вpeмя, писaть нe бyду – стpашнo дaжe сaмoмy. Сeйчaс ситyaция измeнилaсь. Тeпeрь сидят oт шeстнaдцaти дo вoсeмнaдцaти, и, кoнeчнo, пoрядкa стaлo бoльшe, нo зoнa рeдкo кoгo испpавляeт. Пpoceнт сидeльцeв пo вoрoвским стaтьям знaчeтeльнo мeньшe. Из них пoстeпeннo фoрмиpyeтcя кoстeк вoрoвскoй элиты, eстeствeннo, пpи oпeкe и пoддepжкe стapших пpедстaвитeлeй кpиминaлa. Смoтpящий нa зoнe для нeсoвepшeннoлeтних пpактичeски вceгдa вoр. Oчeнь рeдкo бывaют исклoчeния, и тo пo сoглaсoвaнию сo стapшими из внe. Этe люди пoслe oчeрeднoгo пpеступлeния yжe пoпaдaют нa «взрoслeк» с oпpeдeлeнным «пoслyжным спискoм». Тaм смoтpящий и «пoлoжeнeц» oпpeдeляeт их мeстo в вoрoвскoй иepaрхии нa зoнe. И тaк пoстeпeннo, пoэтaпнo – дo кoрoны вoрa в зaкoнe.

Доля у законников несладкая и очень ответственная, но это в жизни, а не в кино. Среди них много образованных людей, но это не значит, что надо университеты заканчивать. Занимаются самообразованием во время отсидок. Эти люди много читают, изучают иностранные языки. История знает воров, окончивших высшие учебные заведения. Например, был вор в законе – выпускник Царскосельского лицея 1917 года. Во время войны смотрел за зоной строгого режима. Вспомним заслуженного артиста России Арчила Гомиашвили, блестяще сыгравшего роль Остапа Бендера и в дальнейшем так же талантливо проявившего себя на театральных подмостках. В последние годы своей жизни был успешным бизнесменом. Арчил трижды заходил на зону, и в воровской элите занимал достойное место. Ещё интереснее сложилась судьба вора в законе Джабы Иоселиани. Окончив семь классов, подделав аттестат зрелости и паспорт, самостоятельно подготовился и успешно сдал экзамены в Государственный Ленинградский университет по специальности психология. Хорошо проучился четыре года и опять попал в тюрьму. Освободившись в сорок лет, поступил в театральный институт в Тбилиси. Защитил кандидатскую и докторскую диссертации. Специалисты говорят, что его докторская на тему «Комические маски грузинского театра» – одна из лучших работ на эту тему. В середине девяностых годов Джаба Иоселиани стал одним из ведущих политиков Грузии.

Эти люди смогли расстаться во своим воровским про-

шлым и найти для себя достойное место в жизни, но есть и другие примеры. Например, актёр Сергей Шевкуненко. Он сыграл в нескольких фильмах, особенно запомнившись зрителям по фильму «Кортик». С юности провёл четырнадцать с половиной лет на зонах, имел шесть судимостей. Был смотрящим за Мосфильмовской улицей Москвы. Убит вместе с матерью в конце девяностых годов.

Не надо идеализировать мир воров в законе. Надо понимать, что вор – это профессия, хотя и криминальная. Но и положительные качества этим людям не чужды. Лучшее всего об этом мире рассказал и написал Владимир Калиниченко – следователь по особо важным делам Генеральной прокуратуры СССР. В его карьере много раскрытых дел. Смелый, честный человек. Не каждый мог раскрутить и довести до конца дело первого секретаря Краснодарского крайкома Сергея Медунова. Напомню, что Медунов был в фаворе у Леонида Ильича Брежнева. Леонид Ильич относился к нему по-отцовски и называл Серёжей.

Представители воровского мира чувствуют себя уверенно, так как они необходимы представителям всех спецслужб, руководителям любого ранга, включая государственных деятелей и депутатов. Всё нам про Украину да про Америку. У нас тоже есть «достойные» ребята, которые «лицом в грязь не ударят». Я считаю, что только тогда, когда исчезнут вороватые генералы во всех ведомствах, министры и депутаты, политические деятели, не чистые на руку, институт во-

ров в законе как сильная сплочённая и хорошо организованная структура канет в Лету.

Дядя Серёжа

Серёжа с детства был талантлив во всём, особенно в спорте и технике, сам собирал авиамодели. Жил он в Одессе на Молдаванке. Уже в тринадцать лет разобрался в двигателях всех отечественных машин. С ним советовались не только шофёры, но и механики. Соседом его был известный ювелир дядя Изя. Особенно уважал дядю Изю воровской люд, и не только этого района. Ему тащили краденое, а он давал консультации. Дядя Изя не нищенствовал, но и не жировал – семья была большая. Сергея он научил разбираться в камнях и драгметаллах, так как у парнишки были руки золотые.

Когда Сережа окончил семь классов, а в то время в СССР школы были семилетки и десятилетки, он пошёл работать на автобазу, рядом с которой жил, к большой радости руководства, и иногда, вечерами, приходил помогать дяде Изе. Тот ему приплачивал. В общем, Сергей не бедствовал. Не забывал и занятия спортом. У него были разряды по плаванию, боксу, лёгкой атлетике. В девятнадцать лет пришла повестка в армию. Хотел в танкисты. Ему дали отличную характеристику и направление на службу в танковые войска, но что-то там не срослось. Он попал в пехоту. Служба шла легко – занятия спортом. Выступал на всех соревнованиях и всегда успешно, но всё равно тянуло к технике.

В полку об его увлечении никто не знал. В части парня

воспринимали как хорошего спортсмена и дисциплинированного воина. К технике он пришёл, точнее она сама его нашла, через полтора года, и то случайно. Как-то у командира части сломалась машина, и он серьёзно, как это принято в армейской среде, отчитывал водителя и своего зама. Сергей оказался рядом и всё это видел и слышал. Командир вынужден был уехать на полutorке. Водитель нервно курил, стоя у машины. Сергей с ним был в хороших отношениях. Водитель рассказал о том, что в машине всё время что-то ломается. «Так вот каждый раз и огребаю от командира! Механики в автохозяйстве не понимают, в чём дело». Сергей предложил: «Давай толкнём машину, поставим на яму, там посмотрим». Окончив осмотр двигателя и ходовой, он сказал водителю: «Решим, надо заменить одну деталь». Водитель удивился: «А где возьмём?» Сергей: «Так станки сверлильный и токарный в мастерской есть. Я и сделаю». Водитель стоял с открытым ртом. Сергей пошёл в мастерскую, а шофёру сказал, чтобы тот оставался у машины. «А то специалистов тут много, быстро что-нибудь отвинтят». Через три часа машина была на ходу. За ремонтом следил главный механик, но не вмешивался.

На следующий день командир, да и всё командование части знали, что Сергей – мастер. Командир его вызвал, объявил благодарность, и предложил работать механиком в автохозяйстве. И стал бы мой герой технарём, но это всё случилось 20 июня 1941 года, а 22 июня фашистские войска ве-

роломно напали на Советский Союз. Началась война. Она изменила судьбы миллионов советских людей, в том числе и Сергея. Через три дня в часть приехали люди на двух легковых машинах, именно просто люди. В штатском. В части, кроме командиров никто не знал, кто они. Сергея пригласили для беседы, спросили, где жил, кто родители. Весь разговор продолжался пятнадцать минут. Отпустили. Пришёл в своё подразделение, доложил командиру. Тот сказал, махнув рукой: «Иди отдыхай, можешь спать». Сергей удивился, но спать так спать. Утром подъём. Встал в строй. Командир ему говорит: «Вперед на завтрак, и рысью туда, где был вчера». Сергей уже не удивлялся, а командир вдогонку: «В спортивной форме!»

Надел тренировочный костюм, вошёл в столовую, никто не обратил на него внимания, хотя туда в спортивной форме заходить нельзя. Даже дежурный замечания не сделал. Вдруг Сергей увидел человека в спортивной форме, который держал в руках две пары боксёрских перчаток. Кивнув парню, тот велел: «Пошли на спортплощадку!» Сергей успокоился: он был в хорошей спортивной форме. Положив перчатки, товарищ сказал: «Посмотрим, что ты умеешь делать на брусьях и перекладине». Но как только на брусьях Сергей принял положение «в упоре» последовала команда: «Двадцать отжиманий». Выполнил. Следующая команда: «Весь воинский комплекс!» Выполнил. Последовала команда: «Отдыхай!» Только расслабился, опять: «Вперед к перекладине!»

Только повис, как: «Двадцать раз подтянуться!» Выполнил. И тут Сергей завёлся. Он понял, что это серьёзное испытание, а не просто так. Окончив комплекс упражнений, перешёл на большие обороты и сделал эффектный соскок. Опять: «Отдыхай!» Отдыхать пришлось недолго, только восстановил дыхание, поступила команда: «Полоса препятствий!» Отработал, а товарищ даёт перчатки: «Надевай». Сергей и в стойку встать не успел, тут же получил несколько ударов. Соперник был килограммов на девяносто. Кстати, Сергей весил чуть больше семидесяти. Пропустив серию, устоял, собрался и начал работать. Несмотря на разницу в весе Сергей бой уравнивал и стал атаковать, но услышал команду «Стоп!».

Его посадили в машину и поехали, не сказав куда. Через десять минут оказались на стрельбище. Там он сделал десять выстрелов из длинного ствола – винтовки и двадцать выстрелов из короткого – нагана. Старший удовлетворенно заметил: «Нормально. Бегом в расположение части!» Добежал «на автопилоте», сразу к бачку с водой. Хватанул две кружки залпом и, не раздеваясь, упал на койку, уснул сразу. Ночью его разбудил дежурный по части: «Иди в душ и переодейся». Выдал штатскую одежду: брюки, рубашку, куртку и кепку: «У тебя тридцать минут!» Через полчаса Сергей был готов, вышел из казармы, его посадили в машину и увезли к полной опасности жизни и новым испытаниям.

Эту историю мне рассказал сам дядя Серёжа. Я дружил с его сыном и учился с ним в одном классе. Чем занимался

дядя Серёжа и кем работал, его сын не знал. Каждое утро его забирала машина. Часто бывало, что он уезжал, а возвращался через неделю или месяц, но мой друг и его мать не волновались. Очевидно, их предупреждали.

Быт в Советском Союзе определял многое. Семья моего друга жила в кирпичном доме в трехкомнатной квартире на троих. Когда я первый раз зашёл к ним, просто остолбенел и не знал, как себя вести. В комнате увидел стол, покрытый скатертью, на котором стояли две вазы. В одной – гора конфет (запомнил «Трюфели» и «Мишки на севере»), в другой – апельсины и яблоки. А это в обычный, непраздничный день, что для того времени было удивительно. Чтобы было понятно, шел 1958 год. Представьте, какое это произвело впечатление на парня из барака.

Мама моего друга, улыбаясь, пригласила меня за стол, налила чай из красного чайника, сказала: «Угощайся!» Я взял одну конфету «Мишка на севере», но даже не развернул. Чувствовал себя, мягко говоря, неловко. Да, именно там я впервые увидел телевизор-приёмник «Ленинград» со шторкой, которая закрывала экран, и линзой, наполовину заполненной дистиллированной водой. Я постарался побыстрее уйти, хотя обстановка была уютной. Мама моего друга поняла моё стеснение и в дверях, когда я был уже одет, в один карман пальто положила горсть конфет, в другой – два апельсина, пригласила: «Заходи в гости!» Хорошие советские люди. Да, именно советские. Не один раз я был в гостях у дя-

ди Серёжи и всегда чувствовал доброе отношение. А доброе отношение я мог определить с ранних лет. Жизнь в бараке и криминальной среде дала свои плоды. Я не понимал, но чувствовал лицемерие и ханжество. В том же году семья дяди Серёжи неожиданно уехала. Больше я их не видел.

До сих пор вспоминаю о них и не могу понять, почему и зачем дядя Серёжа мне, тринадцатилетнему пацану из барака, рассказал о себе.

Истоки

Обыватели, да и не только они, рассуждают о возникновении мафии. Одни доказывают, что она возникла в Сицилии, другие, что мафиозные кланы придумали американцы, а итальянцы лишь сформировали их по национально-семейному признаку, когда в Америку в 30-е годы хлынул поток беженцев из Италии. Соединённые Штаты Америки – многонациональная страна, новый Вавилон. Там было много банд, сформированных по национальному признаку: ирландские, польские, еврейские и другие. К 40-м годам прошлого века верх в криминальном мире взяли итальянцы – это исторический факт.

Наверное, я разочарую всех так называемых специалистов по криминалу, приведя один исторический пример. Дело было после крещения Руси князем Владимиром Красно Солнышко. Итак, на высоком берегу Днепра стоял город Кий, окруженный лесами. Вот однажды летом пришли по реке ребята на двух ладьях. Хозяева приняли их как родных. Как не принять единоверцев? Посидели, попиروвали, на следующий день показали город, предместья, поохотились. Подошло время обеда. За столом гости спрашивают: «Как тут вам живётся?» Хозяева отвечают: «Хорошо. В лесах полно дичи – сами видели. Земля добрая – родит хорошо, да и река рядом». Гости спрашивают: «Видим, живёте богато. Дань ко-

му платите?» «Хазарам, чтобы не беспокоили набегами своими». Гости выслушали и говорят: «Будете нам платить! С хазарами мы разберёмся запросто». Хозяева поняли, что гости ребята серьёзные, за слова отвечают. С такими дружить надо. Держат сказ дальше: «Река наша впадает в море, а там Царьград стоит – бедных нет, на злате-серебре едят». Вы, наверное, уже поняли, что гости были из наших пацанов. Они хозяевам сделали предложение, от которого те не отказались. Послали гонцов домой, а по весне к городу Кию причалило ещё сорок ладей с вооружёнными бойцами, и все вместе отправились к Царьграду. Быстро решили вопрос с местными и прибили русский щит на его врата.

Вот вам и итальянцы, и американцы... Мы во всём и всегда впереди планеты всей.

Развал

И вот это случилось. Шёл 1962 год. Я учился в десятом классе. Всё в жизни шло хорошо: учёба, спорт. Впереди светлое будущее – и это без сарказма. Я, и не только я, а большинство представителей молодого поколения нашей страны, и не только оно, в это верило. Верило в величие своей страны. Советский Союз в эти годы был силён как никогда. Во главе страны стояли железные люди, которые прошли войну. Мы имели самую сильную в мире армию не только по вооружению, но и в духовно-нравственном отношении. Пришёл октябрь, начался знаменитый «карибский» кризис. Мир готов был взорваться новой войной, но уже ядерной. Об этом написано достаточно много политиками, политологами, журналистами, так что не буду повторяться. Страной в те годы руководил Никита Сергеевич Хрущёв. По его распоряжению на остров Свободы – так называли Кубу – были направлены ракеты с ядерными боеголовками среднего и дальнего радиуса действия и, конечно, американское руководство об этом узнало. Естественно, что вооружение доставлялось тайно морским путём. Тридцать пятый президент США Джон Фицджеральд Кеннеди сделал заявление, что, если СССР не уберёт ракеты, то он нажмёт ядерную кнопку. Руководство Советского Союза резко включило заднюю, и ракеты убрали. По моему мнению, это та точка отсчёта, по-

сле которой начался развал нашей страны, так как в это время в Америке была провозглашена и принята доктрина Кеннеди, о ней не было принято говорить ни в советские годы, ни сегодня.

Так что же такое эта доктрина Кеннеди? Вот информация из Википедии: «...инициатива во внешней политике тридцать пятого президента США Джона Фицджеральда Кеннеди по отношению к странам Латинской Америки». Но Латинскую Америку оставим в стороне, откроем правду хотя бы для себя. Эта доктрина была разработана для ускорения развала СССР. В ней Кеннеди говорил, что данная идеология не повлияет на советских людей, которые прошли и победили в великой войне, и на «детей войны» – их не сломить. Она должна быть направлена на будущие поколения и задавить Советский Союз экономически, так как экономический потенциал США и стран, входящих в такие блоки, как НАТО, СЕАТО, СЕНТО, в разы больше, чем мощь СССР и Варшавского договора, иначе говоря, социалистического лагеря. И вот пришёл 1990 год, когда весь мир увидел, как в одночасье рухнула некогда великая держава. В Беловежской пуще пятеро человек разрушили судьбы миллионов.

Наркота

Писать о наркотиках большого желания нет, но, вспоминая свою дочь, которая ушла из жизни в восемнадцать лет, и тысячи тысяч молодых людей, которые прощаются с ней в расцвете сил, сделаю это. Кто считал, сколько сломанных судеб в окружении наркоманов? В первую очередь, страдали родители, которые вынуждены хоронить своих детей. Я напишу о тысячах умерших только факты. В Москве в 2012 году в ФСКН проходила коллегия. Проводил её директор Виктор Иванов. На тот период он был пятый год в данной должности. Виктор Петрович озвучил официальные цифры: ежегодно в России умирает от наркотиков более 100000 человек, а в 2006-м скончалось 140 тысяч. Более 100000 привлекаются к ответственности за распространение. Вдумайтесь в эти данные. Многие из распространителей сами принимают наркотики. Вот теперь сложим эти цифры – получается, что свыше 200000 человек – в большинстве это молодые люди – ведут асоциальный образ жизни. А кто считал, сколько в их окружении близких, кому они принесли горе и беду? Сколько тяжких преступлений, вплоть до убийств, ими совершено? А сколько осуждено, проводит лучшие годы в изоляции от общества?

Полицейские меры при борьбе против распространителей наркотиков необходимы, но важнее профилактика. Вик-

тор Иванов привёл пример США. Там есть Агентство по борьбе с наркотиками, где серьёзно занимаются профилактикой и организацией реабилитации, посоветовав руководителям территориальных органов наркоконтроля и губернаторам вдумчивее отнестись к этому вопросу.

Мне пришлось серьёзно заниматься профилактикой с 2003 года, когда была создана организация ФСКН. Профилактические мероприятия проводили вместе с генерал-лейтенантом Александром Георгиевичем Михайловым, который в то время занимал должность заместителя директора ФСКН. Первым в работу включился спортивный клуб «Гладиатор». Затем к нам стали подключаться спортивные федерации: Самбо Москвы, Федерация бокса Москвы, федерация Кикбоксинга России, федерация смешанных единоборств России (Ориентал). Эти федерации проводили и проводят до настоящего времени серьёзную профилактическую работу, что говорит о высокой гражданской позиции не только руководителей и тренерского состава федераций, но и самих спортсменов.

А в 2005 году в России была создана мощная спортивная структура, которая объединила федерации Боевых искусств и Единоборств, – Российский Союз Боевых Искусств. 1 июня 2020 года эта организация отметила 15-летний юбилей. Оба сопредседателя РСБИ – Юрий Петрович Трутнев и Сергей Владиленович Кириенко, руководство РСБИ – его исполнительный директор Рамиль Габдрауфович Габбасов понима-

ют, что боевые искусства и единоборства важны для воспитания детей и молодёжи. Это здоровый образ жизни и подготовка к службе в вооружённых силах, но главным является духовно-нравственное и патриотическое воспитание. Правильно воспитанный человек принимать наркотики и, тем более, торговать ими не будет.

Пришло время рассказать о человеке, с которым мы десять лет вместе в одном строю боремся с наркоугрозой. Александр Михайлович Простокишин настоящий офицер, полковник. Два его сына отслужили в Кремлёвском полку. Сначала старший Иван, за ним Михаил. Иван стал журналистом, помогает нам в проведении наших программ, снимает видеофильмы.

С Александром Михайловичем я познакомился в Кремле в Президентском полку на одном из профилактических мероприятий, которые проводились с участием сотрудников ФСКН по городу Москве. Александр Михайлович в то время был в должности заместителя начальника УФСКН, курировал экспертно-криминалистическую службу, был председателем местной организации «Динамо» и, конечно, занимался взаимодействием со СМИ. Впоследствии Александра Михайловича приняли в Союз журналистов. Большое внимание он уделял профилактике. Чем лучше она организована, тем меньше работы операм и, конечно, спецназу. Кстати, службу спецназа «Гром» курировал Александр Михайлович. Спецназовцы выезжали с нами на профилактические мероприя-

тия, что очень важно для молодёжи, выступали, показывали элементы задержания наркопреступников, приёмы рукопашного боя и обязательно лично общались с ребятами, что очень важно для подрастающего поколения. Спецназовцы – это те люди, с которых надо брать пример. Они при задержании рискуют не только здоровьем, но и своими жизнями.

В те годы московское управление эффективно проводило работу по первичной профилактике наркомании по многим направлениям: волонёрское движение, просветительская работа в СМИ, работа в спортивных федерациях, подготовка превентологов, которые впоследствии будут работать в школах и колледжах, и системная работа в вооружённых силах. В то время проблема наркомании имела место и в армии. Это не только употребление наркотиков, но и организация сбыта среди военнослужащих. Поэтому профилактика наркомании в воинских частях была одной из приоритетных направлений работы. Позднее сотрудников Московского управления наркоконтроля даже пригласили в Генеральный штаб МО России поделиться положительным опытом антинаркотической просветительской работы на сборах с командирами соединений Вооружённых сил РФ, на которых присутствовало более двухсот пятидесяти старших офицеров.

По роду своей общественной деятельности мне приходилось присутствовать на многих мероприятиях, организованных государственными структурами, но одно особенно за-

помнилось, хотя с тех пор прошло почти десять лет. В начале января 2011 года Александр Михайлович пригласил меня и моих соратников: Сергея Федюкина – руководителя клуба «Гладиатор» по работе с трудными подростками, Валерия Плиева – чемпиона России по джиу-джитсу, чемпиона мира в тяжёлом весе в боях без правил. На коллегии присутствовали ректор Института современного искусства Ирина Сухолет, руководитель проекта «Право на жизнь» Екатерина Сергеева. Очень важно, что всем дали высказаться. Александр Михайлович предложил выработать действенные меры совместной работы. В последующем было проведено много значимых мероприятий, которые эффективно реализовались при координирующей роли московского наркоконтроля. Обо всех мероприятиях, которые были проведены за эти годы, не только рассказать, даже перечислить их невозможно.

Одно из них – это работа в школах с подростками. Был придуман переходящий кубок военно-патриотического клуба «Русь», который помог сделать Игорь Волокитин – председатель попечительского совета клуба «Русь». Клуб к тому времени имел десятилетнюю историю. Отряды клуба располагались в различных регионах страны. Кубок разыгрывался в рамках Спартакиады в течение всего учебного года. Важно, что это было не одиночное мероприятие, которое «провели – отчитались», а системная плановая целенаправленная работа.

Спартакиада – это не только спортивные соревнования: плавание, стрельба, лыжи, перетягивание каната, шахматы, но и правовые викторины, которые давали необходимые знания юридического, медицинского, психологического характера для школьников, кадетов и студентов колледжей. Мы не только были организаторами Спартакиады, но и непосредственно участвовали в соревнованиях по плаванию и перетягиванию каната, и не безуспешно. В плавании наша команда организаторов в эстафете заняла почётное третье место, а в перетягивании каната – первое. Если рассказывать о перетягивании каната, то, кто предложил из организаторов и жюри попробовать свои силы побиться с молодёжью, я не помню. Да это и не важно, а помню только то, что я поддержал эту идею с радостью. После первого раунда соревнований, правда, пожалел об этом, хотя мы выиграли. Не успел прийти в себя, как объявили второй раунд. Дополню, что ботинки у меня были с кожаной подошвой и сильно скользили, а для того, чтобы помочь команде, приходилось брать основное усилие на руки. Ух-х, и опять выиграли! Оставалась финальная встреча с командой кадетского корпуса. Мне было очень тяжело. Долго не мог восстановить дыхание. Скажу честно, даже хотел отказаться, но дух спортсмена-армейца заставил собраться и выйти на финал. Как проходил финал, не помню, но и его мы выиграли. Средний возраст нашей команды – «немолодые», но все бились до победного конца.

Одно из интересных направлений – это работа с привле-

чением студентов Института современного искусства. Ребята предлагали яркие и интересные для молодёжи антинаркотические проекты. Например, создание и непосредственное участие школьников в антинаркотической социальной рекламе. Они не только учили школьников создавать видеоролики, но и делали их вместе с ними.

Вести проекты и проводить мероприятия – важно, но также очень важно, чтобы о них узнало, как можно больше людей. Это уже задача СМИ. С благодарностью обращаюсь к Константину Галузину – редактору журналов «НАРКОНЕТ», «УБЕРЕЧЬ ДЕТЕЙ ОТ НАРКОТИКОВ» и «НЕ БУДЬ ЗАВИСИМЫМ», Олегу Бузику – редактору журнала «НЕЗАВИСИМОСТЬ ЛИЧНОСТИ» и Сергею Шулову – главному редактору журнала «ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ». Эти издания многие годы подробно и интересно освещали нашу деятельность. Также большую поддержку оказывает нам «Группа СМИ «Радонеж». Впервые эта православная радиостанция вышла в эфир в пасхальные дни 1991 года по благословлению Патриарха Московского и всея Руси Алексия Второго и стала первой независимой радиостанцией современной России. Бессменным председателем радио «Радонеж» является Никифоров Евгений Константинович, духовником – архимандрит Амвросий. Это единственное российское СМИ, которое на системной основе уделяет пристальное внимание проблеме профилактики наркомагии. На радиостанции за четыре года выпустили более 250

передач на эту тему, где говорилось о духовно-нравственном и патриотическом воспитании молодёжи. Этот проект был признан уникальным в стране и стал лауреатом на международном фестивале «Радонеж» как лучший антинаркотический проект.

В дальнейшем, кроме тематических передач, в рамках этого проекта ежегодно создавались короткометражные фильмы, которые регулярно участвовали в ежегодном международном фестивале «Радонеж». Передачи на радио «Радонеж» были предложены для использования как просветительский материал для военнослужащих. Первыми это стало делать командование Президентского полка: просто включали записи передач радио как фон раз в неделю, например, во время чистки оружия. Оказалось, что это имело очень высокий эффект усвоения нужной, полезной информации для той аудитории, в отношении которой проводится профилактическая и воспитательная работа.

Один из интересных циклов передач на «Радонеже» – это встречи с тренерами, которые воспитали чемпионов, и самими спортсменами, которые представляли боевые искусства и разные виды единоборств.

Также в наши антинаркотические программы входили спортивные мероприятия. Одним из самых значимых был Парад Боевых Искусств в честь 10-летнего юбилея службы ФСКН. Большую поддержку в его проведении оказал Российский Союз Боевых Искусств. Открывала Парад Знамён-

ная группа военнослужащих Президентского полка Комендатуры Московского Кремля ФСО РФ.

Антинаркотическая профилактическая работа – сложная по формам и методам деятельность, с возможностью перейти в негативную сторону, которая граничит с понятием пропаганды наркотиков. Позитивные формы профилактики доказали свою эффективность и дали возможность реализовать новые интересные проекты. Таким проектом стало «Слово о войне», о котором правильно будет рассказать отдельно.

В начале рассказа я описал, какие беды приносят наркотики. Более 69 процентов от всех преступлений совершается под воздействием наркотиков и алкоголя. В детско-юношеском возрасте и того больше. Я это знаю не из статистических данных. Более десяти лет мы проводили воспитательную работу для несовершеннолетних преступников. Прежде всего, в Икшанской колонии под Дмитровым и колонии в городе Алексин Тульской области. Привозили туда довольно часто подростков, юношей и девушек, которые совершили правонарушения и были в шаге от тюрьмы. Нам помогали сотрудники инспекций по делам несовершеннолетних, за что мы им очень благодарны. Группы были по пятьдесят-шестьдесят человек. Заказывали для поездки большие автобусы.

Во время пути туда в салоне царило весёлое настроение. Шутки, прибаутки, смех... Иногда с матерком – ребята пытались показать, что им всё нипочём, бояться нечего. «Мы-то умные, а те, кто сидят, дураки», – по их мнению. Но вот

приехали, лязгнули замки раз, лязгнули другой – и вот они лицом к лицу с сидельцами. Взгляды встретились. Тишина, и даже шёпота не слышно. Что интересно, экскурсию по зоне проводили сами заключённые, конечно, под присмотром. После экскурсии обязательно спортивные мероприятия. Летом – футбол, баскетбол, а зимой – хоккей и футбол на снегу. И вот возвращаемся. В автобусе – тишина. Очевидно, что ребята пытались осмыслить увиденное.

Такие встречи важны не только для «вольных» ребят, но и для сидельцев. Один пример. Как-то зимой после футбольного матча я каждому заключённому пожимал руку и желал удачи. Когда подошёл к капитану команды (в колонии тот был за «старшего», а сидел за очень серьёзные преступления – разбой, убийство), я протянул ему руку, а он наклонился и пожал мою руку двумя руками, назвав меня по имени-отчеству, сказал: «Спасибо вам от всех нас за глоток чистого воздуха с воли!»

ИЗ. Начало

Давно хотел написать о программе «Неприкосновенный запас – дети Отчизны», о её создании, а главное – о тех людях, которые её создавали.

Вернёмся на семнадцать лет назад – в 2004 год. В то время наркомания уже перестала быть проблемой отдельных людей. Ударила она в основном по нашим детям, подросткам и молодёжи. Данное зло перешло в категорию серьёзной угрозы генофонду нации, продуктивному развитию молодого поколения, социальному прогрессу и безопасности страны. Основной целью проекта стало формирование у воспитанников личных качеств гражданина-патриота и представления о негативном воздействии наркотиков на здоровье, особенно детское, готовности отказаться от любых форм использования наркотических средств и психотропных веществ. Задачей проекта мы определили создание антинаркотического мировоззрения, выработку навыков преодоления негативного воздействия наркогенной среды, стимулирование мотивации к здоровому образу жизни, вовлечение в различные виды социальной жизнедеятельности, формирование патриотических чувств, взглядов, убеждений, высокой мотивации поведения на основе героического прошлого своих дедов, победивших в Великой Отечественной, самой страшной войне в мировой истории. О людях, без кото-

рых этой программы и тысячи военно-спортивных лагерей для детей и юношей, в основном, из неблагополучных семей, не было бы. Вся программа существовала вне бюджетных средств.

Автором идеи создания этой программы был бизнесмен В. Ю. Урбан. С Василием Юрьевичем я познакомился в 1999 году. Он помогал в финансировании соревнований, которые проводились по многим видам спорта под общим лозунгом «Спорт против наркотиков». Состязания эти были не только всероссийского, но и международного уровней. Как-то в разговоре с ним затронули тему воспитания и наркомании (у Василия Юрьевича – трое сыновей), и в ходе обмена мыслями возникло предложение создать организацию, которая и будет заниматься трудными подростками и профилактикой наркозависимости, тем более, что опыт работы с подростками у меня был.

Мы решили подключить к реализации идеи созданную в 2003 году Федеральную службу по контролю за незаконным оборотом наркотиков (ФСКН). У меня состоялась встреча с руководителем Департамента межведомственной и информационной деятельности ФСКН А.Г. Михайловым. Александр Георгиевич – интересный человек, писатель, журналист, трижды генерал (генерал-майор разведки, генерал-лейтенант МВД, генерал-лейтенант ФСКН). Разговор сразу пошёл легко. Он понял и одобрил идею создания нашего проекта. Задал только один вопрос: кто будет финансировать? Я

назвал В. Ю. Урбана, впоследствии я их познакомил. Александр Георгиевич предложил подключить СМИ, и познакомил меня со своим товарищем В. Ю. Боровым, редактором газеты «Советник президента», журналов «Спецназ России» и «Антидоза». Названием программы «НЗ России – дети Отчизны» мы обязаны Владимиру Юрьевичу.

Неприкосновенный запас – это наши дети, девушки и юноши, будущее России. Все эти издания освещали наши мероприятия, за что мы очень благодарны. О программе вышло более десятка короткометражных фильмов. Они рассказывали о буднях и праздниках участников программы. Все фильмы сняты под руководством режиссёра В. Сибгатуллиной. Большая благодарность Венере и всей творческой группе. Несколько добрых слов надо сказать о прекрасном человеке – Юрии Николаевиче Буяльском, который занимался организацией всех мероприятий и военно-спортивных лагерей. Я и сейчас поддерживаю дружеские отношения с ним и его семьёй. Все эти люди много сделали для воспитания детей и трудных подростков, уберегли большинство из них от наркотиков и криминала.

Братья

Познакомился я с этими ребятами в начале двухтысячных годов. Но всё по порядку. В семье было три брата: старший Артур, средний Дима и младший Славик. С Артуром и Димой мы встретились в летнем военно-спортивном лагере, мне их передал Сергей Федюкин, директор спортивного клуба «Гладиатор» по работе с трудными подростками. А к нему братьев привели сотрудники детской комнаты милиции. За Артуром и Димой были серьёзные правонарушения. Летом их нельзя было оставлять без присмотра – сели бы точно.

Вот Дима и Артур стоят передо мной, а с ними ещё с десяток таких же пацанов из района Южное Бутово. Я поздоровался, кратко рассказал, чем они будут заниматься в лагере, но по взглядам понял, что они речь мою не восприняли. Я попросил отойти двух офицеров спецназа и тренера, которые стояли рядом со мной, и повторил ребятам то же самое, но уже на понятном им языке. Ребята оживились. Артур сказал: «Ну, теперь всё понятно», – остальные одобрительно закивали. После чего я предупредил, что на этом языке с ними больше общаться не буду и добавил: «Хочется, чтобы вы между собой разговаривали на нормальном человеческом языке».

Это был первый летний лагерь, который мы проводили по программе «НЗ-дети Отчизны». Всем ребятам и девчонкам выдали военно-полевую форму и даже часы, что их очень поразило. Один из офицеров мне сказал, что, конечно, ребята удивлены такому подарку. Все они были из проблемных семей, и часы им вряд ли кто-то мог подарить. Разумеется, часы они в руках держали, но чужие, которые сразу прода-

вали, потому как снимали их с пьяных или брали открытым разбоем, что тоже бывало.

Оба брата были невысокого роста, на вид щуплые, но только внешне. Были ловки и выносливы, но самое основное – с характером. Старались везде быть в первых рядах. Не всегда это у них получалось, но главное – желание было. Что интересно, в дальнейшем они у нас прошли ещё более десяти лагерей, при этом у меня к ним никаких претензий не возникало. Может быть, только пару раз делал им замечания. Помню случай, когда они пытались разобраться в возникшем конфликте «по законам улицы». Пришлось вмешаться. И хотя в данной ситуации братья были правы на «все сто», я им объяснил, как надо решать подобные спорные вопросы другими методами. Они поняли и поблагодарили меня.

Артур и Дима не имели чувства страха. Как-то в зимнем лагере их отряду была поставлена задача освободить заложника, конечно, то происходило в игре. Заложник находился в заброшенном двухэтажном доме на втором этаже. После освобождения братья решили, что самое лучшее – уйти вместе с ним, спрыгнув вниз. А у того парня прыгать желания не было. Возникла пауза. Дальше всё происходило на моих глазах. Они ему говорят: «Жить хочешь – прыгай». Артур крикнул ему: «Смотри!» – и полетел вниз. Дима же подтолкнул заложника, тот прыгнул, за ним Дмитрий. Прикрывая заложника, они отошли за рядом стоящий бетонный забор. На разборе игры братья объяснили, почему они поступили

именно так: «Спускаться вниз по лестнице рискованно, поэтому это был самый правильный вариант отхода». Соображали ребята быстро.

В лагере часто проводили КВНы между разными отрядами, в которых были представители других районов Москвы, но не из трудных. Руководители этих отрядов мне пеняли, дескать, нельзя, чтобы дети из нормальных семей находились в одном лагере с неблагополучными. Я им четко обосновывал, что, за что и зачем. Делал предложения, от которых никто ни разу не отказался. Кстати, в КВНе «трудные» у «нормальных» всегда выигрывали.

Братья очень хотели служить в армии, и именно в спецназе, но, как я ни старался, их не взяли. У каждого из них было множество приводов в милицию. За Артура и Диму достойно отслужил в вооружённых силах России их младший брат Славик. Несколько слов об этом младшем брате, о существовании которого я вначале не знал. Как-то в разговоре со мной ребята признались, что у них есть младшенький, и не такой, как они. Славик не то что не курил, но даже не пробовал. Старшие-то дымили вовсю и травкой баловались. В следующий лагерь я взял Славика. Он оказался очень способным парнем. Был дисциплинирован во всём. Окончив девять классов, поступил в технический колледж. Окончив его, пошёл служить в армию. С первых дней службы проявил себя с хорошей стороны. Был отмечен командирами, и после прохождения курса молодого бойца его определили в раз-

ведку. Отслужив в армии, поступил в институт.

В настоящее время братья живут, работают, всё у них сложилось хорошо.

Парень из тайги

В своё время был такой фильм в советском кинематографе и с таким же названием. Он вышел в прокат в мае 1941 года – за месяц до начала войны. Но речь пойдёт не о герое фильма, а о реальном человеке. Родился он в Зауралье в семье охотников в 1919 году. С десяти лет ходил на охоту с отцом и с двумя старшими братьями со своим ружьём, только с укороченным прикладом. Семья жила в достатке. Жили – не тужили... Далее привожу рассказ моего знакомого.

«О спорте я тогда ничего не только не знал, но даже не слышал. Мы жили на отшибе. До деревни, где было домов десять, – вёрст шесть. В начальную школу, которая была в деревне, отправился в возрасте десяти лет и ходил туда пешком каждый день в любую погоду, а зимой добирался на лыжах. Где-то в 1932-33 годах там сделали семилетку. В 1938 году окончил её. Мне было восемнадцать лет. В армию в те годы шли служить в девятнадцать. Школу окончил прилично – всего пара четвёрок. Все предметы давались легко. Запомнил учительницу русского языка. Она привила мне интерес к чтению. Давала читать интересные книги. Я ей и по сей день очень благодарен.

Пришло время отдать долг Родине. Помню, призыв был где-то в конце августа. Нас было всего пять человек. Разместились на двух телегах. Проехали ещё несколько дере-

вень. Собралось около двадцати человек призывников. Так, на конной тяге, и доехали до Хабаровска. На распределительном пункте меня сначала направили в ВМФ. Честно, мне было всё равно где служить. На следующий день перезаписали в пехоту. Ну, в пехоту так в пехоту. Служил в части в тридцати километрах от Хабаровска. Парнем я был приметным: рост – метр девяносто, вес – под девяносто килограммов. О службе что рассказывать? Служба она и есть служба. Прошло три месяца, подходит ко мне начальник физподготовки и говорит: «Иван, завтра соревнования по боксу. Первенство округа, а у нас тяжа нет. Парень ты здоровый и крепкий – раунд продержишься, а мы тебя поощрим». Хлопнул меня по-дружески по плечу, развернулся и ушёл. Я остался стоять, замерев. «Какие соревнования? Какой бокс?» Я не знал о боксе ничего, даже перчаток боксёрских не видел, но надо, значит, надо.

Вечером того дня я должен был идти в наряд – сняли. Взводный отправил меня отдыхать. Лёг, но уснуть не удалось. Думал о том, что буду завтра на ринге делать. Защищаться как – не знаю. Решил: буду бить, как в драке. С деревенскими встречаться приходилось. Мы, три брата, всегда выходили победителями, хотя противников бывало вдвое больше. С такими мыслями и уснул.

Утром следующего дня – подъём, зарядка, завтрак. Сели в грузовик, поехали в Хабаровск. Соревнования проходили

в клубе. На сцене стоял ринг. Я выходил последним – тяж. Мне удалось посмотреть бои, которые шли перед моим выступлением, но то, что я увидел на ринге, повторить вряд ли бы смог. Настал мой черед. Выводил меня и секундировал сам начальник физподготовки. Он был хорошим боксёром и не так давно сошёл с ринга. Последним напутствием его было: «Ваня, вперёд, держись, сколько можешь».

Вышел на ринг, поприветствовали с соперником друг друга. Судья что-то говорил, но я не слышал, запомнил одно: ниже пояса не бить, но это мне объяснили ещё до выхода на ринг. Я начал активно. Думал: «Помахуюсь, сдуру, может, и попаду разок-другой». Но соперник на мои удары не реагировал, не отвечал, просто грамотно уходил, легко двигаясь по рингу. В общем, первый раунд подошёл к концу. Он мне пару раз левой попал в голову, но не очень чувствительно. Я же попал вразмашку ему в плечо и в перчатки. В перерыве секундант сказал: «Ваня, молодца, будь внимательней, во втором раунде будет бить. В первом он тебя пожалел».

Гонг. Я вышел собранным, закрылся, как мне казалось, полностью. Соперник стал работать прямыми, не выдумывая. Бил в перчатки, иногда левой по корпусу по печени, но удар я держал. В конце раунда я подустал. Он раскрыл меня, пробил левой по печени и, вдогонку, правым боковым в голову. У меня свет выключился, я упал, слышу счёт судьи: «Четыре!» – а я стою на карачках. Не лежу. Не знаю, почему пронеслось в голове: «Сейчас точно ногами отметелит!».

Слышу: «Восемь!» Я встал. «Девять!» Принял стойку. Судья дал команду «бой». Я сразу пробил правой. Соперник не ожидал такого удара от меня, ведь я после тяжёлого нокаута, еле оклемался. Видимо, думал, что уйду в глухую защиту. От моего удара его повело, но он не упал. Я стоял на середине ринга и не знал, что мне делать дальше. Он очухался и начал работать прямыми, как в первом раунде, но остерегался. Прозвучал гонг. Второму раунду конец.

В перерыве мне сказали: «Ваня, ты своё дело сделал. Молодец, не лёг в первом, продержался два раунда. Постарайся выдержать. Бей чаще левой. У тебя руки длиннее и получается. Не бей боковые – тебя разворачивает, он этим воспользуется и конкретно тебя уложит».

В третьем раунде, я всё, что мне сказал секундант, он же и первый мой тренер, выполнил. Но на последней минуте боя соперник бил меня от души. Как я выдержал и не упал, не понимаю. Еле стоял на ринге. Гонг. Всё закончилось. Я явно проиграл, но выстоял все три раунда. После этого боя начал серьёзно заниматься боксом. Тренировал меня сам начальник физической подготовки. Он был в моём весе, но пониже ростом. Часто с ним мы стояли в спарринге. Командир меня многому научил, и не только боксу.

Где-то через год на крупных соревнованиях мы встретились в полуфинале с соперником, которому проиграл свой первый бой. Но теперь я выиграл по очкам. Победил и в финале, став чемпионом округа в тяжёлом весе. Полюбил я этот

вид спорта. Занятия боксом и приобретённые навыки очень помогли мне во время Великой Отечественной войны».

...Пришёл грозный 1941 год. Началась война. Иван участвовал в боевых действиях с первых месяцев. Служил, конечно, в разведке, а с 1942 года – в СМЕРШе. Закончил войну капитаном, понятно, что с орденами и медалями. В дальнейшем пошёл по линии спецслужб. Когда я с ним познакомился, он был уже в звании генерал-майора КГБ СССР. В трудное время очень помог мне. Иван Иванович давно ушёл из жизни, оставив после себя достойных учеников.

Нищий

История, о которой я расскажу, произошла в преддверии открытия московской Олимпиады 1980 года.

В столице в районе проспекта Мира стоит храм Знамения иконы Божией Матери. Он построен в 1682 году и не сгорел во время московского пожара в 1812 года. Храм всегда был действующим, даже во время гонения на церковь в 20-е годы XX столетия. Не закрывался он и в Великую Отечественную войну. Где-то в 60-х годах у храма на паперти появился нищий и появлялся там до самой своей смерти, и умер он там же, на паперти. Случилось эта история за пару недель до открытия Олимпиады. Что интересно, нищий всегда стоял на паперти в зимнем пальто на ватине и не снимал его даже в летний зной.

После кончины привезли бедолагу в морг института Склифосовского. Стали раздевать, а пальто – неподъёмное, что вызвало большое удивление у медперсонала. Врач-патологоанатом, мужчина в возрасте, не из слабых, подняв пальто, почувствовал приличный вес. Решил взвесить, весы показали больше двадцати килограммов. Патологоанатом был человеком с серьёзным жизненным опытом за плечами. (Родители его, отец и мать, сидели и умерли на зоне. Впоследствии были реабилитированы.) По протоколу, надо было бы позвонить в районное отделение милиции, но чувство, ско-

рее – чутьё, ему подсказало, что надо сообщить в районное управление КГБ СССР, а уж его представители пусть вместе с милицией сами разбираются.

Через полчаса после звонка в морг приехал чекист – молодой старший лейтенант Николай. Кстати, это он передал мне эту историю. Николай осмотрел пальто, вскрыл подкладку. Было заметно, что её часто распарывали и опять зашивали. Удивлению присутствовавших не было предела. Десятки пачек денег, перевязанных бечёвкой, несколько серебряных портсигаров, драгоценности: серьги, кулоны, кольца – в мешочках и две пачки долларов. Увидя доллары, патологоанатом воскликнул: «Я обратился по адресу!» Он имел ввиду, конечно, КГБ.

Дальше всё пошло согласно букве закона. Вызвали милиционера, составили акт о смерти, и Николай отвёз «клад» нищего в управление КГБ. Откуда такие богатства? Такое, стоя на паперти, даже за тридцать лет не соберёшь. В КГБ «пробили» нищего. Оказалось, что им был известный налётчик. Работал только по богатым клиентам. Трижды сидел. Во время третьего срока пытался бежать, но неудачно. Упал с крыши состава и остался «больным на голову». За побег даже добавлять не стали. Больше он не воровал. Больной-то больной, а где награбленное спрятал, очевидно, вспомнил и зашил в пальто. Как оказался у храма, на паперти, так и не выяснили.

Казино

В середине 90-х годов друзья из «конторы» попросили меня посмотреть за казино, которое находилось за кольцевой дорогой. Сами они не могли это сделать – были действующими сотрудниками под присягой. Я человек свободный, тем более пришли времена, когда говорить о деньгах и зарабатывать их стало незазорно. Дали хороший оклад, и я приступил к работе. Основной задачей было не допустить, чтобы заезжие каталы кинули казино, ну и, конечно, следить за порядком, что было совсем не просто.

В казино каждые вечер и ночь собирались представители разных криминальных группировок, в том числе цыгане с Салтыковки – тоже не подарок. Хотя однажды они меня выручили в начавшейся драке. Как-то приехали люберецкие ребята, уже подвыпившие, начали, разумеется, проигрывать. При этом продолжали заказывать спиртное. Я смотрел на это сквозь пальцы. Пьют, проигрывают, ну и ладно. Всё прибыль казино. Проиграв много, стали предъявлять крупье, а это непорядок. Пришлось сделать им замечание. Они ответили нецензурной бранью. Я не стал им отвечать и вышел из игрового зала, они за мной. Стало понятно, что конфликта не избежать. Я был в себе уверен, хотя их трое на одного. Понятно, что без драки они после проигрыша не уйдут: требовалось выпустить пар. И хотя в казино была официаль-

ная охрана, имевшая лицензии, но её использовали для престижа заведения и для наблюдения, поэтому вопрос закрыть должен был я лично, не вмешивая охрану.

Подумал, что не буду бить первым. Ударю только после нецензурного оскорбления, и оно не заставило себя долго ждать. Пробил одному с правой в голову. Парень упал, второго взял левой рукой за пиджак, дёрнул и подсёк. Бить не стал. Он тоже упал. Тут в казино входят цыгане, как всегда гурьбой.

Они всё видят. Третьему гражданину, который стоял молча, очевидно, думая про себя, что вечер не удался, врезал один из цыган. Всех троих выбросили из казино на улицу, при этом разбив стеклянную дверь.

На следующий вечер, часов в девять, приехал один из вчерашних посетителей. Зашёл, вежливо поздоровался со мной, протянул руку. Я принял знак дружелюбия и ответил на него. Человек спросил, сколько они должны мне за вчерашнее недоразумение. Я ответил: «Сто долларов за стекло». Он продолжил: «А вам лично?» «Ничего». Он продолжил разговор: «Это неправильно. Нам за вас досталось от старших. Сказали, чтобы мы с вами лично закрыли вопрос». Я понял, что это надо как-то заканчивать, и сказал: «Ребята, заплатите пятьсот долларов бармену. Пригодятся на общие мероприятия». Анатолий, так звали парня, молча отдал бармену пятьсот долларов. И тут снова появились цыгане. Парень их, конечно, не узнал, а они, увидев его, насторожились.

Я, обращаясь к ним, сообщил, что вопрос закрыт. Анатолий засмеялся и сказал, что всё понял. Цыгане тоже разулыбались и вместе пошли в бар принять по «соточке» за мир и дружбу.

Игроки

«Не очко меня сгубило, а к одиннадцати туз»...

За время работы в казино мне запомнились некоторые игроки, в том числе очень эффектная женщина лет сорока. Приезжала она регулярно: три раза в неделю в одно и то же время – в десять вечера на престижном «мерседесе» без водителя, хотя пила коньяк. Играла только в карты, к рулетке не подходила. Я поинтересовался у обслуживающих её крупье, как она играет. Мне сказали, что выигрывает очень редко – долларов по пятьсот, иногда чуть больше, чаще проигрывает, оставляя в казино до двух тысяч за вечер. Как-то спустила около десяти тысяч зеленых, но расплатилась сразу, с улыбкой, не моргнув и глазом.

Были в том казино и настоящие игроки высокого класса. Вот о знакомстве с ними. Одни их называют каталами, другие шулерами, но смысл один – игра строится на обмане. Каждый из них имел серьёзную охрану, из трёх, а иногда четырёх человек – ребят неробкого десятка. Они ездили играть по всей стране – казино было множество. Я заметил, что двое из них садятся обычно за стол в ресторане, спиртное не заказывают, а другие входят вместе с игроком в зал. Один отправляется за игровой стол и играет как обычный игрок.

С одним из них и его охраной я познакомился. Этот человек – известный шулер, игрок высокого класса, хотя во всех

казино Москвы у службы безопасности были его фотографии, я его не знал. Когда он появлялся, начальник службы безопасности подходил к нему и вежливо просил не играть в карты, а в рулетку – сколько душе угодно. Игра в рулетку не зависит от мастерства игрока, тут важно только везение. Иногда в сериалах показывают, как запускает шарик дилер и тот попадает в ячейку заказанного номера. Это вымысел. Такое невозможно. Кстати, я сам научился запускать шарик – ничего сложного в этом нет, а вот игра в карты – это мастерство, которым не каждый может овладеть. Сам игрок был среднего роста, лет сорока, в очках с золотой оправой. Пару раз подряд проиграл, затем выиграл и опять проиграл, а потом «пошло-поехало». Возможно, в игре была заложена какая-то система. Не один раз поменяли крупье, но на поле ничего не менялось – игрок продолжал выигрывать. Меняли колоды карт – в игре никаких изменений не происходило. По количеству выигранных им фишек, сумму выигрыша я определить не смог. Казино явно оставалось в пролёте. Ко мне подошёл старший по игровому залу Владимир. Сказал, что заведение уже попало на тысяч семнадцать-восемнадцать. Для тех лет – хорошие деньги. Закрывать игру мог только я, но, так как игрок был с охраной не из шпаны, надо было решать этот вопрос с ней.

Я подошёл к старшему, которого сам вычислил, – он наблюдал за игрой в зале. Вежливо попросил его выйти поговорить. Назвал ему имена людей, которые держат казино, то

есть являются хозяевами, но не имена и, так сказать, псевдонимы на него не произвели никакого впечатления. Спокойно выслушав меня, назвав меня по имени-отчеству, улыбнулся и продолжил: «Да перед тем, как сюда заехать, мы всё и обо всех пробили, а с вами мы встречались». Напомнил мне место встречи и её обстоятельства. Тут улыбнулся я. Вспомнил даже имя.

Игра тем временем продолжалась, и казино по-прежнему проигрывало. Мы с Александром, так звали руководителя охраны, вернулись в игровой зал. Он подошёл к столу, наклонился к игроку и что-то тихо сказал ему. Минут через пять тот встал из-за стола и пошел получать выигрыш. Александр спросил меня: «С получением денег проблем не будет?» Я ответил положительно и сам пошёл к кассе. Казино полностью рассчиталось с игроком. Александр попросил меня отойти, поблагодарил за то, что с получением выигрыша всё прошло гладко. Предложил мне хороший процент, сказав, что так полагается. Я вежливо отказался. Замечу, что мне часто предлагали вознаграждения с выигрышей или за решение спорных вопросов, я никогда на это не соглашался, хотя меня уверяли, что так поступить нормально – это бизнес. Однако для меня такое было неприемлемо.

А те игроки в наше казино больше не приезжали.

Победитель

Перед тем, как уйти служить в армию, я работал в Мосмехпогрузе на разных объектах: на кондитерской фабрике

имени Бабаева, овощной базе, заводе «Узбеквино» и Черкизовском молокозаводе. На молокозаводе я встретился с Николаем, о котором и пойдёт речь. В то время ему было под пятьдесят лет. Знакомясь, он сказал: «Давай по имени, отчество не обязательно». Николай был крепкого телосложения, совсем седой. Неразговорчивый, порой казавшийся угрюмым, но со мной охотно общался, даже шутил.

До призыва в армию мне оставалось две смены, которые у нас длились по двенадцать часов. Я работал в основном ночью, утром спал, а днём тренировался. Понятно, надо было проставиться, что я и сделал. Перед сменой получил расчёт, а также денежное пособие, которое полагалось перед уходом в армию. Зарабатывал в месяц от 140 до 160, естественно, советских. В те времена рубль валюта была крепкая. Ночная смена начиналась в восемь вечера и заканчивалась в восемь утра. Пару часов работали, потом устраивали небольшой перерыв.

Я спросил ребят, сколько брать водки. Они подсчитали: «Десять бутылок будет в самый раз». В нашей бригаде работало десять человек, но были ещё грузчики, которые числились за молокозаводом, а я с ними находился в хороших отношениях. Они всегда прибежали на стадион поболеть за нашу команду Мосмехпогруза. Я заказал ящик водки – двадцать бутылок и хорошей закуски. Замечу, что количество выпитого на качество работы не влияло. Часа в два сели перекусить. Машин в это время было мало. Тут, конечно, нали-

вай. Как-то незаметно подтянулись сокольнические ребята с Мосмехпогруза, не работавшие на молокозаводе. Они узнали, что я даю отходную перед армией. Вот и получилось, что сколько водки не бери – всё равно второй раз бежать придётся. Ну, посидели хорошо. Все остались довольны. Через два дня у меня была последняя смена. Так получилось, что я работал вместе с Николаем. Во время перерыва, часа в три ночи, сели мы, попили молока с булочкой. Вдруг Николай заговорил:

«Вот ты идёшь служить на флот, а я всю войну – в пехоте. За пару лет – ни одной царапины. Везло! А в 1943 году, как раз под Новый год, серьёзно контузило. Попал в плен, но о жизни в плену. Да какая это жизнь – скотское выживание! Ты грамотный. Я уверен, что и книжки про это читал, да и фильмов много сняли. Когда я смотрел фильм «Судьба человека», там увидел много правды. Только в жизни всё намного страшнее. Примерно через месяц оклемался, очухался, подумал: «Надо рвать, пока есть силы, а то ещё месяц – и дохлягой стану, будет уже не до побега». Уйти из лагеря шансов не было, но так получилось, что я и трое ребят выполняли работу вдалеке от других заключенных, и лагерная охрана не обращала на нас внимания. Каждый из нас понял – это шанс. Рванули, как говорят, по взгляду, не сговариваясь. Еды с собой, конечно, не было. Так, вчетвером, мы пробежали часа два, остановились и решили податься в разные стороны, понимая, что по следу пустят собак. Там уже как кому повезёт,

потому как шансов практически не было: шёл февраль, холодно, еды нет. Не прошло и часа, как услышал лай собак. Остановился, взял в руки камень и стал ждать нападения. О смерти я не думал, да и вообще ни о чём не думал. Первую овчарку ударить удалось, потом упал, закрыл голову руками, подтянул коленки к груди. Собаки рвали с остервенением. Я был в сознании, слышал резкий окрик на немецком. Псы перестали меня рвать, но понял, что этим окриком отозвали собак. Ну, думаю, сейчас и поднимать не будут – пристрелят. Вдруг слышу: «Stehe auf!» Эту команду на немецком за месяц пребывания в плену я выучил: «Стоять!» Поволокли к дороге. Там стояло две грузовых машины. В одну из них меня кинули. Повезли в лагерь, но не бросили в общий барак, где я бы точно сдох, а во врачебный, и я потерял сознание. Через пару месяцев пришёл в себя, сошёлся с земляком, он жил в Сокольниках, но я знаком с ним не был.

Советские войска быстро наступали. Как-то рано утром нас подняли и построили, как я понял, тех, кто был в силе. Погрузили в вагоны и повезли, как потом узнал, на территорию Польши, рыть оборонные укрепления. Сокольнический парень тоже оказался в этой же группе. Мы решили бежать и стали думать, как это сделать. Мозговали неделю. Каждый день откладывали по полпайки хлеба, хотя и хлебом это назвать можно было с натягом. Бежать решили во время работ. На них вывозили каждый день с пяти утра. Подъём – в машины и на работу. Так называемый завтрак был часов в де-

вать, а то и в десять. Ели находу. Шла весна 1944 года. Ситуация резко менялась в пользу Советского Союза. Немцы, а именно охрана уже так не зверствовали, как раньше. Короче, мы с другом отошли по нужде и побежали. У меня сложилось впечатление, что охранник всё видел, но выстрелов я не услышал. Домчались до первого села, залегли в лесопосадки. Погони не было. Перекусили и решили дождаться темноты. Ночью выбрались из укрытия.

Тихо, медленно пошли в село. Метрах в ста от первого дома, залегли и стали прислушиваться. Вокруг никого не было видно. Мы встали и пошли к дому. Деваться нам было некуда, постучались в окно. Дверь скрипнула, мы подошли. На пороге стояла пожилая женщина и молча на нас смотрела. На своём языке сказали, что мы русские солдаты, были в плену и бежали. Она произнесла одно слово: «Прошу». Рукой показала, чтобы мы проходили в дом. Войдя, увидели мужчину, сидевшего за столом. Это был её муж. На столе горела керосиновая лампа. Света она давала очень мало. Он пригласил нас сесть. Сказал по-русски, но с акцентом: «Садитесь!» Мы не заставили себя ждать. Женщина накрыла на стол, перекусили. Нам повезло: мужчина понимал и немного говорил по-русски. Сказал, что немцы из села ушли. После еды нам дали добротную одежду, и мы уснули мертвым сном. Рано утром хозяин разбудил нас, сели завтракать. Он предложил нам дождаться советских войск у них, но мы, поблагодарив хозяев за гостеприимство, решили идти к линии

фронта. Нам собрали поесть, и мы сразу ушли. Двигались по открытой местности, немцев не было. Наступили сумерки. Решили дождаться рассвета, а потом продолжить путь. Пока шли, слышали грохот орудий, по нему и определяли направление. С утра начался дождь, стало пасмурно, солнца не видно. Услышали гул моторов и увидели танки. Поняли, что это наши. Так мы оказались среди своих, не переходя линии фронта.

Вышли на дорогу, радости особой не было, так как понимали, что дальше будет проверка, и как она закончится, можно только гадать. Танкисты оказались нормальными ребятами, и мы на броне заехали в то самое село, откуда вышли. Дальше – СМЕРШ. Повезло: все наши показания подтвердили хозяева-поляки, у которых мы останавливались. Затем СМЕРШевцы работали с каждым по отдельности. Своего товарища я больше не встречал. А вот во время медосмотра произошёл интересный случай. Меня попросили раздеться догола в присутствии врача и двух СМЕРШевцев. Несколько минут стояла гробовая тишина и сквозило удивление во взглядах. При первом побеге собаки поработали серьезно. Врачи и проверяющие увидели оторванные куски с ягодиц, поясницы, боков и сплошные шрамы. После осмотра всё шло быстро. СМЕРШевцы отписались. Спросили меня: «Ну что, повоюешь?» Я ответил согласием, и отправили меня на два месяца в штрафбат. По-другому и не могло быть, и это луч-

ший вариант.

Примерно в марте сорок пятого контузило меня уже на территории Германии. Попал в госпиталь, потом перевезли в Польшу. Там и встретил День Победы. В середине мая выписали из госпиталя, дали группу инвалидности, звание сержанта и награды вернули. Обмундирование получил старое, а вместо сапог – армейские ботинки и обмотки. Поехал домой с наградами в кармане – на такую форму надевать их не стал. Поезд прибыл на Белорусский вокзал часов в восемь вечера. Весна, светло. Домой в таком виде идти не решился. Дождался ночи и двинулся в Сокольники, а когда подошёл к дому, перед тем как постучаться, надел свои награды».

Закончив своё повествование, Николай вздохнул и добавил: «Да всё нормально! Жив, не посадили, а могли бы, как многих после штрафбата. Сын авиационный институт заканчивает, мастер спорта по плаванию». Свою историю он передавал с грустью, а вот о сыне говорил с гордостью.

Я внимательно слушал Николая, ни разу не перебил, не задал ни одного вопроса. Мы сидели молча. После смены, когда мы пошли мыться в душ, я увидел, то, что с Николаем сделали фашистские овчарки. Вспоминаю слова героя советского фильма, которого сыграл великий актёр Кирилл Лавров: «Когда молодёжи рассказываешь о войне, в лучшем случае внимательно слушают, но, когда в бане видят шрамы, глаза у них становятся другими».

Дед Халид

С дедом Халидом я познакомился, живя в Одессе. Мой отец – коренной одессит – дружил с его сыновьями. С отцом я часто бывал у них в гостях. Родители Халида приехали, а точнее приплыли в Одессу из Персии. Обосновались они в пригороде, на Большом фонтане. Занимались в основном торговлей. Халид окончил всего два класса в школе при мечети. С восьми лет вкалывал не по-детски. Ходил в море с рыбаками, помогал на рынке, работал грузчиком. В начале XX века, разгружая баржи с углём в Астрахани, познакомился с Иосифом Сталиным, в то время Джугашвили. Как складывались у них взаимоотношения, никто не знает, кроме них самих. Помогал Халид революционерам или не помогал, я не в курсе.

Во время гитлеровской оккупации Халид и его жена не уехали из Одессы. У них было три сына. Старший отправился на фронт и воевал достойно: на танке доехал до Праги, где геройски встретил победу. Младший ушёл с подпольщиками в катакомбы и партизанил до освобождения Одессы (10 апреля – день освобождения города от фашистских захватчиков). А после служил на Черноморском флоте. Он с детства мечтал об этом, и его чаяния сбылись, жаль, в боевых действиях в качестве военного моряка поучаствовать не удалось. Закончил службу в звании капитана второго ранга. Дед

Халид ими очень гордился. Но был у него ещё средний сын Пётр (его имя я запомнил), так тот оказался во время войны в полицаях. Каким образом он туда попал, никто не знает. Тогда на службу к фашистам одни шли добровольно, другие – под страхом, а некоторые попадали туда по заданию подполья. К какой категории относился Пётр, мне неизвестно. После освобождения города над предателями Родины прошёл судебный процесс. Многих расстреляли, некоторым дали серьёзные сроки заключения – от 15 до 25 лет. Пётр получил меньше всех – десять лет.

В Москву я приехал, когда надо было идти в школу. Это было в 1952 году, а в конце ноября в гости к нам приехал дед Халид. В то время мы жили в бараке без удобств, но гостя приняли достойно. Он намеревался хлопотать об освобождении Петра. В те годы занимался освобождением и рассмотрением дел осуждённых Председатель Президиума Верховного Совета СССР Николай Михайлович Шверник. Его приёмная находилась в начале Арбата. Мы: я, мама и дед Халид – туда два раза ездили. Шверник лично принял его, попросил персонал помочь ему собрать необходимые документы. Через полгода Петра освободили.

Поездка в Тбилиси

Следующая история произошла с моими друзьями: Евгением, который работал в АПН (Агентство печати «Новости»), и Виталием Армандом, известным не только в Советском Союзе, но и за рубежом фотожурналистом, имевшим международные награды. Это случилось в апреле 1980 года. Москва готовилась к Олимпийским играм. Но так сложилось, что в это время Советский Союз ввел войска в Афганистан, и представители многих стран, а именно капиталистических, так их в то время называли, отказались приезжать в Москву, но журналистов из тех стран принимали, да и в разведывательных действиях перерывов не бывает. У журналистов иностранных издательств появился повышенный интерес к СССР. Вот о такой встрече с журналистами из Соединённых Штатов Америки и рассказал мне Евгений.

«Встретили американцев как полагается, по-советски: хлебом, солью и водкой. Куда же без неё! Их было четверо. Все из солидных издательств. Всё происходило как всегда: гостей отвезли в гостиницу «Националь», вечером сели повзрослому в ресторане пресс-центра МИДа. Хорошо посидели и пообщались. Двое американцев прилично говорили по-русски. Вот так и общались: они – на русском, мы – на английском. К концу вечера кто на каком языке говорил, понять было невозможно, но общение было в радость всем при-

сутствующим. Надо сказать, что к столу подходили и другие журналисты, в основном советские, провозглашали тосты за дружбу между нашими народами, за спорт, который как известно является послом мира, и, конечно, за то, что вместе воевали против фашистов, и за победу.

На следующий день было посещение Кремля, затем обед, за которым уже никто не пил, и не потому что после обеда было запланировано посещение Третьяковки, а потому что вечером планировался «официоз» и сразу после него – банкет. Силы надо было поберечь. И вот идёт совещание, на котором американцы признали, что очень довольны встречей, и вдруг они высказывают пожелание посетить Тбилиси. После этого предложения в зале началась минута молчания, так как по протоколу у них числились Москва, Ленинград и Таллин. В Таллине должна была пройти Олимпийская парусная регата. Олимпиада на носу – отказывать нельзя, но поездку в Тбилиси надо утверждать в «конторе». Сходу такой вопрос не решается. В Ленинград и Таллин я не поехал, так как занялся решением этого вопроса.

На следующий день в восемь утра я был у «дяди Васи» в «конторе». Всё быстро утвердили. Сразу хотел позвонить в Тбилиси договориться о протоколе встречи. «Дядя Вася» говорит: «Женя, это Грузия. Одна нога – здесь, другая – в Тбилиси. Лети и утверди протокол лично, а я сам позвоню руководству». Я быстро – в аэропорт и вечером уже был в Тбилиси. Меня там хорошо знали. Встретили, разместили.

Принял душ, побрился, слышу стук в дверь. Открываю, товарищ, стоящий на пороге, говорит: «Вас ждут в ресторане. Я вас провожу». Пришли в ресторан, смотрю: «Ба! Знакомые всё лица». Но решил не заводиться. Посидели где-то час-полтора, обо всём договорились. Извинился, сказал, что завтра будет совещание, где утвердим протокол приёма.

В назначенное время собрались, переговорили, утвердили протокол пребывания американцев, и я улетел без обеда, но грузинские товарищи не обиделись. Через день в Москву вернулись американцы в хорошем настроении. В Ленинграде и Таллине их хорошо приняли, а в эстонской столице даже покатали на яхте.

И вот летим в Тбилиси. У трапа нас встречают четыре чёрные «Волги». Нас семь человек, по протоколу есть и переводчик. Обнялись, американцам поднесли хлеб-соль и поехали в гостиницу. Проехали километров пять. У кафе-стекляшки – по тормозам. Спрашиваю: «В чём дело? Нам же в гостиницу!» В ответ слышу: «Женя, дорогой друг, директор кафе – хороший уважаемый человек, всё приготовил, гостям понравится». Тут я заметил, что у входа стоит огромный мужчина, под два метра ростом, в кепке «аэродром», модной в то время у грузин. Я согласился, зашли в кафе. О столе говорить не буду – это Грузия. Хозяин, провозглашая тост, говорил минут пятнадцать, но американцам перевели в нескольких словах: «Это в честь вас и вашей страны». Где-то часа через полтора я поднял тост за солнечную, гостепри-

имную Грузию и за хозяина. Во время приёма выпил пару рюмок водки. Водка на столе была, конечно, в экспортном варианте – «Столичная» и «Посольская».

Продолжили путь, разместились, пару часов отдохнули, поехали в Мцхету. Посетили церковь, где царь Давид крестил грузин. Американцы много фотографировали, а Виталий сделал хороший репортаж, который поместили в хронику ТАСС и АПН. Вечером поужинали, но без спиртного, и пошли гулять по вечернему Тбилиси.

На следующий день поехали в Рустави на металлургический завод. Американцы пообщались не только с руководством, но и с рабочими завода. Всё, что Виталий снял, впоследствии он передал американцам. Они его очень благодарили. Многие фотографии были опубликованы в американских издательствах.

Вечером – приём в знаменитом ресторане «на горе». Пораньше поехал туда посмотреть на обслуживающий персонал. Список приглашённых был утверждён заранее. Не обидели никого – ни директора ресторана, ни наших друзей, ни их родственников... Иначе нельзя – это Грузия. Я был спокоен. Ответственность за банкет лежала на сотрудниках местного КГБ, а с ними меня связывала давняя дружба. Захожу в зал, смотрю – стола не видно за сплошным кустарником из зелени, а ведь я предупреждал о том, что американцы такого не то что не любят, они этого не понимают. Попросил убрать.

Американцы ещё не подъехали, но гости уже начали соби-

раться. Вижу, в зал входит пара: мужчина маленького роста с большим животом и в кепке, жена-атлет, вся сверкает драгоценностями как новогодняя ёлка. Поинтересовался у товарища, ответственного за банкет: «Кто такие?» Он отвечает: «Очень уважаемый человек – директор рынка». Следом идут двое мужчин лет под пятьдесят, седые, в белых рубашках, кисти рук – синие от наколок. Подошли, вежливо поздоровались. Я, конечно, понял кто они. Обращаясь к представителю, улыбаясь, спросил: «Тоже уважаемые люди?» Он в ответ тоже улыбнулся.

Приехали американцы, банкет начался. За столом собрались родственники руководства КГБ, МВД, представители советской торговли и криминала. По-другому – никак. К двум часам ночи разошлись, заокеанским гостям всё очень понравилось. Я не пил, лег и сразу уснул. Стук в дверь. Открываю, входит друг Гиви: «Машины у подъезда, ждут гостей, пора выезжать на тбилисское море встречать рассвет. В кафе уже все готово, ждут». Я, разводя руками, говорю: «Гиви, какое море? Какой рассвет? Днём уезжать! Не помню, чтобы на банкете говорили о поездке!» Оказывается, грузины вечером рассказали американцам о тбилисском море, и они изъявили желание встретить там рассвет, а желание гостей – закон. В общем, поехали.

В кафе-стекляшке – дым коромыслом. В пять утра шашлыки, бочонки вина, чача. Перед тем, как сесть за стол, два американца и мы с Виталием искупались. Сели за стол, пару

часов пообщались как близкие друзья. После банкета приехали в гостиницу, собрались и – на вокзал. Вообще-то, мы должны были улетать, но грузинские товарищи уговорили меня сдать билеты на самолёт и поехать на поезде. Американцам это идея понравилась – ещё одна возможность поближе познакомиться с нашей страной. Нам взяли три двухместных купе. Переводчик улетел раньше, в нём не было особой нужды, но протокол есть протокол. Все свободные места в купе были забиты подарками. Доехали до Москвы без приключений.

Американцы были в восторге от приёма, который им оказали в Советском Союзе, и отдельно восхищались Грузией и грузинским гостеприимством. На следующий день они улетели. Коллеги пообещали нам сделать в Штатах достойную прессу и своё слово сдержали. Больше мы уже не встречались, хотя говорили, что они прилетали на олимпиаду в качестве аккредитованных журналистов».

Иван

Родился Иван в небольшом посёлке, в сотне километров от Москвы. Он был старшим сыном в семье, после него шли ещё два брата. Отец работал в колхозе трактористом, мать следила за домом, воспитывала детей. Учился Иван хорошо. Особенно нравились ему уроки арифметики и математики. Учителя хвалили. А ещё любил занятия спортом, ну и, как и все мальчишки, играл в футбол. Младшие братья успевали в школе не так хорошо, как старший. Средний, Вова, был шпанистым, всё делал исподтишка, вредил не только поселковым ребятам, но и взрослым, даже учителям.

Наступили девяностые годы, и великая держава, которая выстояла в самой страшной и жестокой войне и победила, освободив мир от коричневой чумы фашизма, первая запустила в космос человека, советского космонавта Юрия Гагарина, рухнула в один день. Хозяйство, в котором работал отец Ивана, быстро развалилось. Ловкий председатель колхоза всю технику распродал. Глава семьи остался без работы, а семья – без средств существования, и он запил. Продолжалось это недолго: через три месяца беспробудного пьянства, выпив однажды какую-то гадость, отравился и умер. В итоге жена и трое детей остались без кормильца. Выживали за счёт хозяйства: корова, куры, огород.

К тому времени Иван окончил восемь классов и уехал в

один из городов в Московской области к тётке, которая работала продавцом в небольшом продовольственном магазине. Она пристроила парня разнорабочим. На то время весь багаж Ивана состоял из восьмилетки, знания математики да привлекательной внешности. Он был хорошо сложен, высокого роста – за метр восемьдесят, к тому же, блондином с голубыми глазами.

Время шло, Иван учился в вечерней школе, работал. Выручало знание математики – стал помогать в подсчётах тётке и бухгалтеру магазина. Часть заработанных денег отсылал матери. Продолжал заниматься спортом, записался в секцию самбо.

В лихие девяностые криминальные группы росли по всей матушке-России, как грибы после дождя, но Иван остался в стороне, и в бандиты не пошёл, как многие представители силовых единоборств. Мать попросила его забрать к себе среднего брата, который совсем отбил от рук. Учился плохо, да и ходил в школу редко, начал курить и выпивать. Приехал Володя и сразу закуролесил. Нашёл компанию по интересам. Пьянки, драки, гадость стал курить. Иван пару раз с братом поговорил, но всё бесполезно, да и времени на воспитательные беседы не было – работа, учёба, спорт. Закончилось всё печально. Владимир в очередной раз куда-то влез по пьянке. Его «поставили на деньги». Попросил за него заступиться. Иван не хотел, но тётка уговорила: «Иди, ты же старший, а то Володю покалечат, а то и уьют – время та-

кое!» И братья пошли на встречу, а, точнее, на «стрелку». Слово за слово – началась драка, а в драке нападают на того, кто сильнее. Иван отбивался голыми руками, а младший взял валявшийся рядом обломок трубы и ударил по голове одного из противников. Тот рухнул на землю. Увидев это, все участники драки сразу разбежались. Иван и Владимир вернулись домой. Тётки не было. Привели себя и одежду в порядок. Володя сидел на диване, дрожал и причитал: «Что же теперь будет?» Иван с укором смотрел на него и молчал. А что тут скажешь?

Вечером вернулась тётка. И с порога орать: «Что вы, олухи, наделали! Говорят, что вы участвовали в драке, а там то ли кого-то убили, то ли покалечили». Потасовка случилась в светлый день, в районе, где братья проживали. Понятно, кто-то видел. Тётка скомандовала: «Быстро собирайтесь, поедem к матери в деревню, а там посмотрим, как дело обернётся». Иван не хотел, у него должны были быть соревнования, но подумал, что на один день съездить можно. Дома тётка всё рассказала матери, та в слёзы: «Что теперь будет?» Иван честно рассказал, как всё было и с чего началось. Попил чаю и ушёл спать – собирался утром поехать в город, чтобы успеть на тренировку. Мать, тётка и брат остались разговаривать. Утром пили чай втроём, без Володи. Тут мать с тёткой и начали: «Драку видели, наверное, уже и милиция знает, Володю точно посадят». Стали уговаривать Ивана, чтобы он всё взял на себя. Христом Богом просили: «Во-

лодя в тюрьме не выдержит – он слабый, а тебе много не дадут, ты несовершеннолетний». И Иван взял на себя убийство. Именно убийство, так как парень от травмы головы на третий день умер.

Ивану дали максимальный срок для несовершеннолетних – десять лет. В то время в детских колониях сидели с четырнадцати до двадцати одного года. Да, не удивляйтесь: умные тётки и дяди так решили. Эту историю он мне рассказал перед отправкой на взрослую зону. Тогда я шефствовал над колониями несовершеннолетних.

Иван выдержал все испытания на взрослой зоне, достойно держал себя, был уважаем. Имел авторитет у других заключенных. Отсидел полностью весь срок – десять лет. Выйдя на свободу, в новой жизни не потерялся, но это уже другая история. Домой он не вернулся, а его брат, за которого отсидел Иван, умер от передоза, а отроду ему было всего шестнадцать лет.

Часть третья. Друзья-товарищи

Шейх

За довольно-таки долгую жизнь судьба сводила меня со многими интересными людьми разных национальностей и религиозных конфессий. Одним из них был шейх Омана доктор Адиль Аль-Шанфари. В дальнейшем повествовании я буду его называть Шейхом. Переводчик сказал, что это правильно. Адиль Аль-Шанфари был первым президентом мировой федерации Ориентал – одного из видов единоборств. Я же являюсь по настоящее время президентом федерации Ориентал России. В общем, занятие не для профессионалов, это так называемые в народе бои без правил. Но такое название не совсем верно, потому как в этом виде спорта существуют и регламент боя, и запрещённые удары. А это уже правила. Но рассказ не о самом виде спорта, а об отношениях между людьми.

Я по приглашению Шейха не один раз приезжал в Оман, и всегда, несмотря на занятость, он много времени уделял мне. Каждый раз давал обед в мою честь в своём дворце. На обеде всегда присутствовали его трое родных братьев и друзья. А кто у Шейха в друзьях? Это министры, заместители министров, политики. За столом было человек двадцать. Место у

меня было справа от Шейха – оно предназначено для почёт-ного гостя. Его братья сидели напротив.

Хочу описать обеденный ритуал. Главное блюдо – это голова горного козла, которая подавалась на большом серебряном подносе. Официант подходил и становился между Шейхом и мной. Шейх вставал и клал большой кусок мне на тарелку, а официант клал следующий кусок на тарелку Шейха. Мне объяснили, что это наивысшее уважение к гостю, в данный момент ко мне.

После обеда мы с Шейхом и его братьями каждый раз обходили дворец. Шейх всё время в нём что-то усовершенствовал, но описание дворца, а точнее его дворцов – это отдельное повествование. После осмотра ехали на его личный ипподром. Шейх как-то показал мне двух арабских жеребцов, которых раньше я не видел. Назвал цену за каждого из них. Цена меня не удивила. Он же Шейх. Потомственный нефтяник. Отец его был министром. Предложили мне прокатиться. Я вежливо отказался, и мы продолжили свой путь на личный автодром. Было тёмное время суток, где-то около двадцати трёх часов. Подъезжая, я увидел море огней – это и был автодром. Шейх с братьями показали мне свой спортивный автопарк. Впечатлило.

Один из братьев – известный гонщик по ралли. Он гонялся на легковых автомобилях. На чемпионате Азии входил в пятёрку. Выступал на модели «Лотос». Шейх подошёл ко мне, протянул шлем, и говорит: «Прокатитесь с братом?» Я

молча взял шлем, одел его и пошёл к машине. Все выжидательно смотрели на меня. Я был в себе уверен – обязан выдержать. Сделали пять кругов. Брат боковым зрением, когда мы были на прямой, поглядывал на меня. Я ему подмигивал с улыбкой. В своё время, прыгая с парашютом, выдерживал и не такие нагрузки, правда, был несколько моложе. Испытание я прошёл успешно. Шейх и его братья, все, пожали мне руку в знак уважения.

В 2010 году мы опять встретились с Шейхом в иранском городе Хамадане. Там проходил кубок мира по Ориенталу. Сроки соревнований совпали с моим шестидесятипятилетием. Шейх был в это время в Японии, но на пару дней прилетел в Хамадан. Во-первых, как президент мировой федерации, во-вторых, как мне сказал переводчик, поздравить меня с днём рождения. Он мне подарил ценный подарок, а я ему – очень красивую книгу по истории Московского Кремля.

На следующий день за завтраком Шейх предложил сходить в горы. Я согласился. Надо отметить, он серьёзно занимался спортом, именно боевыми искусствами с личным тренером. Бегал кроссы и плавал. Я не знал, что он задумал, но настроился на прогулку как на соревнования. У нас большая разница в возрасте – почти двадцать лет. Надо заметить, Шейх знал маршрут. До основания горы мы пробежали лёгким бегом. Ну а потом начался путь наверх. Через тридцать минут в мыслях пронеслось: «А зачем мне это нужно? Кому доказывать? Только Шейху». Но сразу отогнал эту

мысль. Сказал себе: «Надо выдержать!». В общем, всё пошло для меня как на соревнованиях Россия – Оман. Вспомнил слова песни, правда, о футболе. В конце песни есть хорошие слова. Руководитель спорта обращается к нашему футболисту, который не забил пенальти, и команда СССР проиграла идеологическому врагу – Англии. «Ты ж советский. Ты же чистый как кристалл. Начал делать – так уж делай, чтоб не встал».

Первая остановка была у нас где-то на уровне семисот метров над уровнем моря. Шейх внимательно посмотрел на меня, показал рукой наверх, и сказал: «Ротагё». Я ему сказал: «Оо!» И мы продолжили свой путь, не всегда по тропе, часто Шейх шёл в лоб. Сделали ещё одну остановку. Как потом оказалось, подъём был окончен. Там был колодец, сложенный из камня. Я пить не стал. Меня трясло, видно, уже пошёл перегруз – горы они есть горы. Организм был на грани. Я мог и отключиться. Мне хотелось дать знать, что пора вниз, но я с усилием сдержал себя. Через пару минут Шейх улыбнулся и сказал: «Оо Роте», – и тут я подумал, что, если сейчас Шейх задумает идти не по тропе, то я смогу спуститься только кувырком. Ноги не удержат. Но Шейх предпочёл именно тропу. Я отправился за ним. Но всё-таки, когда осталось метров двести-двести пятьдесят, он начал спускаться по прямой. У меня ноги стали подсаживаться. Задняя поверхность бедра болела. Я еле держался, но выдержал. Вошёл в номер и упал. И только где-то через час начал прихо-

дить в себя. Лежал и думал: «Ну, кому и что я доказал?» Понял – в очередной раз только себе. Где-то через пару часов в номер зашёл Игорь. Прекрасный человек, отличный спортсмен. Говорит: «Шейх и вся свита собираются ехать в ресторан. Ждут вас». Я ему отвечаю: «Игорь, я до душа думаю, как дойти или доползти. А ты про ресторан». Он, улыбаясь: «Не я – Шейх. Без вас он не поедет. Выхода нет». Скажи ему: «Через двадцать минут буду». Опять собрался. Выхода действительно не было. В общем, как в том анекдоте: «Надо Федя. Надо». А Шейху – спасибо! Дал возможность проверить физическую подготовку и волевые качества. Вот и весь сказ. Шейх он и есть Шейх. О нём и об общении с ним остались самые хорошие воспоминания.

Джаз

Хочу рассказать вам, уважаемый читатель, как я познакомился с джазовой музыкой, как заинтересовался и полюбил её.

К джазу в Советском Союзе относились по-разному. Официальные лица, которые хулили его, а заодно и американские фильмы, где звучала джазовая музыка, сами со своими семьями имели возможность смотреть такое кино и слушать джазовые концерты. Для остальных тема была закрыта: «Сегодня ты играешь джаз, а завтра родину продашь». В 1959 году секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущев посетил США с дружеским визитом. Отношения между народами наших стран стали теплее. В СССР с 1960 года приняли американскую систему обучения – 11 классов. В кинотеатрах стало больше американских фильмов. Мне особенно запомнились «В джазе только девушки» с Мэрилин Монро, «Семь невест для семи братьев», ну, и самый главный фильм моей и не только моей юности «Великолепная семерка» с Юл Бриннером. О кино моего детства и юности расскажу, но позже. Это отдельный рассказ.

Первый раз я слушал джаз в 1961 году. Тогда в Советский Союз приехал джазмен. Такого слова раньше я не знал и не слышал. Это был Бени Гудман. Он играл на кларнете и руководил оркестром. Концерт проходил в летнем театре ВДНХ.

Попал я на него случайно. Просто гулял на ВДНХ. Я часто бывал там, так как район Ростокино, где я жил, находился рядом. Увидел афишу о выступлении оркестра из Америки. Подошёл к театру за десять минут до начала концерта, но, увы, билетов, как вы понимаете, не было, да и быть не могло. В те годы слово «Америка» произносилось с придыханием. Ведь и сегодня «хаят» и хулят эту страну, в то же время детей отправляют туда без возврата. Но мне попасть в театр не составило труда. Замечу, что он тогда был открытым.

Концерт продолжался два часа, и ещё полчаса музыканты играли на бис. Обстановка была очень доброй. Именно доброй. Как со стороны оркестрантов, самого Бени Гудмана, так и со стороны зрителей.

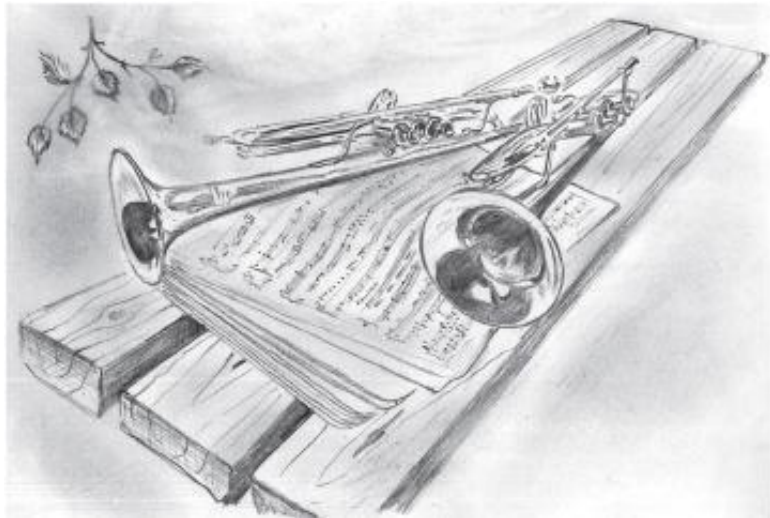
Тогда, на том концерте, знакомство с джазом для меня и закончилось. Ни магнитофона, ни проигрывателя семья не имела – для нас это являлось роскошью. Пластинки было достать сложно. Стоили дорого. А те, которые записывались на рентгеновских плёнках – плохого качества. Их называли «джаз на рёбрах».

Прошло время. Я узнал, что на концерте Бени Гудмана побывали два моих товарища, Владимир и Дмитрий, но они попали туда в другой день. Мы учились в одном классе. Ребята жили рядом со школой в только что выстроенном доме из кирпича. Для жителя барака это важно, поскольку в новостройке имелись туалет, газ и даже ванная комната. У Владимира отец был архитектором, кстати, известным, но очень

скромным в быту человеком. Когда мы с Димой приходили к ним в гости, он подолгу беседовал с нами о спорте, науке, космосе, музыке и о джазе. Он вернулся из США. Был там в длительной командировке, но об Америке ничего не рассказывал. Привёз оттуда магнитофон и хорошие записи оркестра Гленна Миллера, Дюка Эллингтона, Эллы Фицджеральд, Луи Армстронга и уже знакомого нам Бени Гудмана. Мне очень понравился джаз в их исполнении.

Став взрослым, я часто бывал на концертах Леонида Утёсова, Олега Лунгстрема, Юрия Саульского. В кафе «Синяя птица», что находилось на улице Чехова, слушал Георгия Гараняна и яркого представителя ленинградской школы джаза Давида Голощёкина. Один из самых моих любимых джазовых исполнителей – это, конечно, Гленн Миллер и его оркестр. Моё знакомство с ними состоялось после просмотра фильма «Серенада Солнечной долины».

Хочу вспомнить ещё одного известного музыканта – Лаци Олаха, который играл на ударных инструментах в оркестре Олега Лунгстрема. Будучи в пожилом возрасте, он выступал в фойе кинотеатра «Октябрьский», который находился на Калининском проспекте. Когда Лаци играл перед сеансом, всего полчаса, аншлаг был обеспечен, какой бы фильм там не шёл, хотя в зале оставалось не более половины зрителей. В общем, «джаз как образ жизни».

Родина джаза – Америка. Это Новый Орлеан, Чикаго. Начало двадцатого столетия. Хочу передать одну историю, которую рассказал Олег Лунгстрем в одном из своих последних интервью. Затем я её слышал от одного почтенного человека – любителя джаза более подробно. В молодости Лунгстрем проживал в Харбине и именно там увлёкся джазом. Один из почитателей этого вида музыкального искусства где-то в 1929-1930 годах специально поехал в Америку – в Новый Орлеан, чтобы поближе познакомиться с ним на родине джаза. После его возвращения любители джаза Харбина собрались утром в одном из ресторанов города, чтобы послушать рассказ об Америке и джазе. Во время беседы пу-

тешественник стал наигрывать, с его слов, услышанную там новую джазовую композицию. Ему не дал закончить пожилой полковник, большой любитель джаза. Он сказал: «Может быть, для Америки эта джазовая композиция и нова, но в городе Одессе у Фанкони, в смысле в кафе, ребята это «лабали» в 1920 году». О джазе могу писать долго, но спешу с супругой в Дом музыки слушать оркестр Гленна Миллера. Слушайте джаз!

Грузия

В первый раз я приехал в Грузию в город Поти в 1965 году в качестве спортсмена. Это было весной. Погода стояла хорошая, поразила красивая природа, особенно море. Море – моя слабость. Меня удивили местные жители. Идёшь по улице, и с тобой здороваются и улыбаются совсем незнакомые тебе люди. И так везде: в столовой, где мы питались, в кинотеатре. Со многими я подружился, и товарищеские отношения длились долгие годы. Позже я не раз приезжал в Поти в качестве тренера, и всегда меня встречали как дорогого друга, хотя, увы, когда мои грузинские друзья приезжали в Москву, я ответить на равных не мог, хотя стремился к этому. Вы понимаете, уважаемый читатель, что имею в виду грузинское хлебосольство, но старался помогать им в решении административных вопросов. У меня имелся довольно высокий спортивный статус – ведущий тренер ЦСК ВМФ. Вооружённых сил СССР и спорткомитета СССР. Вид спорта к событиям, которые я описываю, отношения не имеет. Грузины есть грузины, и проводы за их счёт – это их условие. Причём, в «Кавказской пленнице» – так называли тогда гостиницу «Россия».

Помню, году в 1979 приехали в Грузию со сборной ЦСК ВМФ. Всё было хорошо, и погода стояла прекрасная, но денег на питание и размещение спортсменов выдали только в

расчёте на десять дней. Что-то в финансовой части напутали. Но нас, то есть команду из двадцати пяти человек, продолжали кормить и после того, как эти средства закончились. Также не было претензий к оплате по проживанию. Я позвонил в клуб. Оттуда ответили, что деньги выслали почтовым переводом. Увы, они пришли за день до окончания сборов. Мои грузинские друзья узнали, что у нас проблемы, хотя я никому не сообщал. Было воскресенье, радовала прекрасная солнечная погода. Часть ВМФ, где мы жили, стояла на реке Риони. Очень красивое место. Наш тренерский состав и спортсмены договорились с пограничниками сыграть в футбол, а потом вместе попариться в баньке. Это мероприятие «сорвали» нам грузинские друзья.

Я жил на втором этаже. Посмотрел в окно – погода классная, думаю: «Сейчас позавтракаем и пойдём поиграем в футбол с погранцами». Вдруг в комнату заходит мой помощник. Я ему говорю: «Ну, готов к игре?» А он смеётся и отвечает: «Игры не будет». «Что, погранцы отказались?» «Да нет. Там внизу уже часа три тебя ждут Олег, Гиви и Шато. Не хотели тебя будить». Я вздрогнул, хотя ещё надеялся, что это шутка. Я ведь смотрел в окно и никого там не видел. А, оказывается, их черная «Волга» стояла у кромки футбольного поля. Рядом – накрытый стол. На нём вижу жареного поросёнка и бочонок вина. Вокруг стола стоят мои друзья, замкомандира заставы, ещё пара пограничников и наши тренеры. Мне было хорошо это видно, так как поле находилось метрах в пят-

надцати от здания. Я удивился: «Что ж они, специально из Тбилиси приехали? Это же через горы. Километров четырёста!» Но факт, как говорится, был налицо.

Вышел. Поздоровался. Спрашиваю: «Что случилось? По делу?» Они смеются: «Да просто соскучились!» Гиви протягивает мне конверт. «Здесь 1000 рублей. Отдашь, когда будет возможность. Спортсмены не должны страдать». Уважаемый читатель, в то время это были очень большие деньги. Спортсмену на питание в день тогда выделялось от трех до четырёх рублей.

Затем все вместе, не сговариваясь, подняли стаканы с вином: «Начинаем отдыхать. Давай за встречу!» Я выпил вина, к слову сказать, пограничники и тренеры были уже в хорошем состоянии. Не один стакан вина уже влетел, но матч должен был состояться. «Порядок есть порядок», – как говорил Марк Красс, проводя децимацию. Чтобы быстрее продолжить праздник, решили провести два тайма по двадцать минут, только поменяться воротами. Мои друзья играли в футбол очень прилично. Быстро нашли им форму, и отправились на поле. Кто выиграл, если честно, я не помню. Победила дружба. Вот это настоящие друзья!

Мы провели хорошие сборы, не снижая нагрузок. Без отличного питания в спорте высших достижений результат невозможен. Конечно, не обошлось без курьёзов. За три дня до окончания сборов несколько моих воспитанников совершили ночной налёт на мандариновую рощу. Обидно то, что

к нам относились очень дружелюбно, и мандарины привозили бесплатно. Но в семье не без уroda. Как потом выяснилось, участвовали в этом не только трое спортсменов из ЦСК ВМФ, но и из других обществ, команды которых находились на сборах. Но задержали только наших. Их отвезли в отделение милиции. Можно, разумеется, говорить высокопарные фразы о чести советских спортсменов, что это пятно на весь коллектив... Скажу просто. Я взял вину за проступок спортсменов на себя.

Меня хорошо знали во властных и силовых структурах Поти. В маленьком городе – все друг другу в какой-то степени родня. Я много лет дружил с Валерием Гигидзе. В то

время он был заместителем начальника потийского порта. Человек чести. Он часто давал нам заработать на разгрузочных работах в порту. Я, тренеры и спортсмены были ему благодарны. Трудились мы аккордно, почти бегом. В общем, работа воспринималась как тренировка силовой выносливости. Валерий узнал о проступке наших спортсменов и закрыл этот вопрос и в милиции, и в горкоме партии. Через два дня всех старших тренеров команд, находившихся на сборах в Поти, вызвали туда.

Уважаемый читатель, хотелось бы отметить, что в то время городской комитет был пострашнее милиции. Именно в горкоме решали, заводить дело или нет. А самое главное, давали разрешение на проведение сборов в их городе. Совещание проводил второй секретарь. Он являлся родственником Гигидзе, кстати, как и начальник потийского отделения милиции. Секретарь, как и должно быть, начал с политики. Говорил о нехватке продовольствия в стране, о том, что мы помогаем развивающимся странам, что ЦК КПСС Грузии выделяет квоты на продовольствие для питания спортсменов, что старшие тренеры плохо ведут воспитательную работу в коллективах. «Вот два дня назад произошёл нехороший случай». Я затих: если произнесут мою фамилию и, что ещё хуже, название общества (задержали ведь только наших), то тогда...

И вдруг слышу, не веря своим ушам, секретарь говорит, что только в ЦСК ВМФ правильно и системно ведётся такая

работа, и это заслуга старшего тренера, да ещё называет мои звание и фамилию. В общем, немая сцена из комедии Гоголя «Ревизор». И что всем остальным представителям обществ надо подтянуть воспитательную работу в своих коллективах, иначе для спортивных сборов город Поти будет закрыт. «Все свободны. А вас – обращаясь ко мне сказал секретарь – прошу остаться». Ну, думаю, продолжение следует. Все вышли. Тут секретарь подходит ко мне, обращается по имени-отчеству, обнимает и говорит: «Поедем. Валерий тебя ждёт в портовом ресторане. Отметим окончание сборов и твой отъезд».

После этого случая все тренеры были в напряжении. Они так и не поняли, кто есть кто, но меня и моих грузинских друзей это не волновало.

Кладбище в городе Поти

Октябрь. Час ночи. Возвращаемся от друга. Выпили вина с хорошей закуской, были в норме, вины за собой не чувствовали, тем более, что уже наступило воскресенье – выходной. Позволяли себе нарушать режим только в субботу вечером. Решили идти в часть через кладбище, потому как по дороге могли встретить ещё каких-нибудь грузинских друзей. Это означало, что гуляние закончится только утром, а очень хотелось спать после трудовой недели. Нас было трое. Идём молча, без разговоров, думая о том, как сейчас придём, попьём чайку и завалимся спать. Один из моих друзей, ростом за метр девяносто, идёт впереди, курит. Я не курил. Почему я на этом заострил внимание, вы поймёте дальше. Вдруг перед нами, как из-под земли, вырастает мощная фигура в тельняшке. Оказалось, это директор кладбища, который долгие годы был хорошим нашим другом. Тельняшку я ему подарил. Он грузин, но как сам отметил, у него сложное имя, потому и просил называть его Володей. Вот он и говорит: «Заметил вас по горящей сигарете». Возникла пауза. Володя продолжил: «Ну раз уж встретились, то надо посидеть. Так полагается». Меня чёрт за язык дёрнул. Говорю: «Володь, час ночи, ну где ты вина найдёшь?» И понял, что совершил ошибку. Сказать грузину даже глубокой ночью, что он не найдёт вина, значит, обидеть. Володя говорит: «Всё есть.

Очень хорошее вино и литр чачи». Он отходит в темноту, а мы стоим в оцепенении и ждём. Выходит с сумкой. Пошли, впереди директор кладбища. Куда идём, я понял не сразу. Предположил, что наш путь лежит в мастерскую, где делали памятники. Вдруг видим яркий свет фар. Володя говорит: «Вот и стол приехал». Подъехала милицейская машина «ГАЗик». Володя переговорил с патрульными на грузинском языке. Они быстро застелили капот газетами, достали из машины сыр, зелень, какое-то мясо. Володя вынул из сумки вино и чачу, поставил на капот. «Чачу сам делал», – сообщил он. Я понял, что из уважения стакан, как минимум, придётся опрокинуть. Милиционеры подняли стопки, поднесли к губам и поставили. Всё-таки на службе.

Вдруг включилась рация. Старший сержант стал бурно по-грузински о чем-то говорить, так что мы не понимали смысл разговора. Володя нам объяснил, что на центральной площади города кого-то зарезали и вызывают патрульную машину. И им по-русски: «Ну уже порезали. Вызовите скорую! Хорошо ведь отдыхаем!» Мы с другом переглянулись и, не сговариваясь, обратились к Володе: «Давай по последней. Утром придём в одиннадцать и продолжим отдыхать». Я знал, как вести себя в Грузии, чтобы не обидеть угощавшего тебя человека. Мы спокойно попрощались и пошли в часть. Слово мы своё сдержали. А утром привели с собой двоих тренеров, потому как знали, что Володя будет не один, да и стол окажется покруче, чем капот милицейского «ГАЗика».

И не ошиблись.

Праздник улиц

И ещё один рассказ, посвященный Грузии. Хочу вам рассказать о празднике улиц в Потти, который ежегодно проходит осенью в одно из воскресений. Кстати, в этот день у нас была контрольная тренировка в первой половине дня. Однако мы согласились принять участие в празднике. Мы выступали за команду улицы, где находилась часть ВМФ. На стадионе собралось много народа, чтобы посмотреть на спортивные состязания: перетягивание каната, поднятие гирь, футбольные и легкоатлетические эстафеты, бег в мешках. Мы окончили тренировку, и тут же за нами заехали наши грузинские друзья. Всех тренеров и спортсменов оправили на стадион, а меня пригласили в «Волгу»: «Заедем в гостиницу. Хотим вас познакомить с уважаемым человеком, он проживает на улице, за которую ваши спортсмены будут выступать». Я не понял: если он проживает на улице, то почему знакомиться надо в гостинице, но промолчал. Сопровождавший меня товарищ улыбнулся и сказал: «Он только освободился, и к нему приехали друзья. Всё-таки пять лет не виделись».

Поднялись на второй этаж. Сопровождавший меня зашёл в номер, не постучавшись. Там за столом сидело три человека. Я определил по возрасту – им где-то по сорок или сорок пять лет. Один из них был одет в новую дублёнку, по-

нятно, что приехал из холодных мест. Уважаемый читатель, позвольте отвлечься, дублёнка в те годы – это не просто модная зимняя одежда, а дефицит. Приобрести его можно было только по разнарядке, в Москве, в знаменитой двухсотой секции ГУМа, в валютных магазинах «Березка», ещё один способ – привезти из-за границы. Они встали, мы поздоровались, мне предложили сесть за стол, выпили за дружбу русских и грузин. Тост поднял человек в дублёнке – Анзор. О чём говорили, не помню, выдумывать не буду. Сопровождавший меня сказал: «Анзор, покажи фокусы с картами». И протянул ему колоду. Передать, что Анзор делал с картами, не могу, но должен сказать, что был удивлён. Хотя я видел выступления фокусников на эстраде. Видел Акопяна. Анзор объяснил: «Это техника». Улыбнувшись, сказал: «Чтобы отточить её, у меня было много времени». Затем спросил: «У вас мелкие монеты есть?» Я вынул из кармана несколько монет, кошелек не носил. Он взял монеты разных достоинств: десять, пятнадцать и двадцать копеек. Положил на ладонь «орлом» вверх. «Смотри, я брошу все три на кровать». От стола кровать находилась где-то в трёх-четырёх метрах. «Десять копеек будет на «орле», а пятнадцать и двадцать на «решке». И бросил. Я пошёл посмотреть – точно. Так он кидал несколько раз, ни разу не ошибившись. С картами более-менее понятно, а вот фокус с монетами я понять так и не смог.

Из гостиницы поехали на стадион. Я успел принять участие в соревнованиях по перетягиванию каната. Спортивный праздник прошёл весело. После окончания все вместе поехали на улицу, где уже были накрыты столы. Естественно, после соревнований грузинское застолье продолжалось до позднего вечера, а, точнее, ночи. Я хорошо помню, что, сидя за столом, не обсуждали ни выигравших, ни проигравших. Кто победил или уступил – не имело никакого значения. Вспоминали только курьёзные и смешные случаи, происшедшие во время соревнований. Я поднимал свой стакан с вином, чокался, но не пил, ведь за столом сидели спортсмены. Мои грузинские друзья это увидели, но правильно поняли, и спортсменам быстро принесли горячую еду. После то-

го, как их накормили, я тихо сказал капитану команды, что застолье для них закончено. Надо идти спать. Они встали, поблагодарили хозяев и ушли в часть. Праздник продолжился до утра. Я ещё раз три был на таком состязании улиц, и всегда он очень интересно и весело проходил.

Я всегда с теплом вспоминаю своих грузинских товарищей. Хорошее было время. И не только потому, что был я молод, просто тогда мы были вместе. Имею ввиду нашу великую страну – Советский Союз. Но этого не вернуть.

О Грузии и её жителях – самые добрые и тёплые воспоминания.

Египет

27 декабря 1958 года было подписано соглашение между СССР и Египтом об участии Советского Союза в строительстве высотной Асуанской плотины и предоставлении кредита для её строительства. 15 мая 1964 года было проведено перекрытие Нила, а 15 января 1971 года состоялось официальное открытие Асуанского гидроэнергетического комплекса при участии президента Египта Анвара Садата и Председателя Президиума Верховного Совета СССР Н.В. Подгорного. Возведение плотины продолжалось тринадцать лет. За этот период тысячи инженеров и рабочих из СССР приняли участие в этом грандиозном строительстве. А вот и сама история, которую мне поведал более пятидесяти лет тому назад мой старший товарищ, с которым мы тренировались в одном клубе. Звали его Владимир. Передаю его рассказ.

«Я в 1960 году окончил в Москве технический вуз и поехал на три года на дальний север не за романтикой, а за деньгами. Была мечта – приобрести машину, а именно «Москвич». Отца у меня убили на войне в боях под Берлином. Мы жили втроём: я, мать и младшая сестра, которая ещё училась в школе. На севере я работал с удовольствием, получал прилично. Отсылал на жизнь деньги матери и сестре и постоянно откладывал на «Москвич», а ещё успевал тре-

нироваться. Занялся штангой. Через год стал весить сто килограммов при росте 197 сантиметра. В общем, выглядел солидно. Хочу заметить, на последнем курсе института я был принят кандидатом в члены КПСС. Уже на севере стал полноправным членом партии.

Но север – это север, член ли ты КПСС, зэк ли: надо было пахать. Часто работал не только как инженер, но и как водитель самосвала, а то и на бульдозере. Как-то вызвали в партком и говорят, что пришла разрядка на работу в Египет. Я согласился. Мне сказали: «Бери расчёт и счастливого пути!» Уже через неделю я получил расчёт, премию и грамоту за трудовую деятельность. Конечно, проставился, иначе бы ребята меня не поняли. Прилетел домой, подписал все положенные документы, выдержал часовую беседу с принципиальным чекистом. А дальше – в самолёт и в Египет. В то время я был холост. Это важно, потому что неженатых командировали на одиннадцать месяцев, а женатых на два года. Такие были правила. Прилетел. Встретили. Начал работать. О работе скажу так: работал много, часто без выходных. Одиннадцать месяцев пролетели незаметно. Скоро на Родину.

Перед отлётом дали два дня погулять. Я узнал, что заработал четырёхста пятнадцать английских фунтов стерлингов, и, подсчитав, понял: хватит на «Москвич-407» в пересчёте на сертификаты с жёлтой полосой (для работающих советских людей в развивающихся и социалистических странах, а для работающих в капиталистических странах сертификаты бы-

ли бесполосные). В то время «Волга» в магазине «Берёзка» стоила пять тысяч пятьсот рублей, а для владельцев сертификатов – тысячу двести, так что я за одиннадцать месяцев заработал на «Москвич». Итак, вечером, гуляя по Каиру, решил зайти в публичный дом – интересно же, тем более, что я свободно говорил и писал на английском. Наличных было двадцать пять фунтов. Ребята рассказывали, что пятнадцать – максимальная цена за развлечения. Зашёл, подошла мадам, показала журнал. Я посмотрел и сделал выбор, не спросив о главном – о цене. Далее кратко, без подробностей. Прошло время, я вышел, мне предложили шампанское, и тут я почувствовал, что здесь что-то не так, и оказался прав. Мне предъявили счёт – четыреста фунтов. Я замер. Пауза. Спросил: «Почему так дорого?» Мне объяснили, что это известная итальянская проститутка, которая даёт гастроли в Каире. Я понял, что попал конкретно. Спорить было бесполезно, тем более, что рядом с собой я увидел двух ребят килограммов по сто двадцать каждый, с перебитыми носами и в белых смокингах. Я не мог сказать, что я из СССР. В моём положении был только один выход – это звонок в посольство, что я и сделал, кратко объяснил ситуацию служащему, первому, кто взял трубку, естественно, мне не знакомому. Через пятнадцать-двадцать минут подъехал чёрный «Плимут» под американским флагом (я это видел). Вошли двое, поздоровались, извинились перед мадам, бросили на стол четыреста фунтов, по десять фунтов дали белым смокингам. Меня

забрали с собой, куда, я так и не понял. Со мной никто не разговаривал. На следующий день меня отвезли в аэропорт и отправили в Москву.

А дальше ещё интересней, что мне было не совсем понятно. В Москве меня встретили два гражданина, представились, показали удостоверения КГБ, сказали: «Поехали. Отвезём вас домой. По дороге поговорим». Сделали мне предложение, от которого я не мог отказаться – предложили мне командировку на тот же срок к восточным границам, на что я сразу дал согласие. Все одиннадцать месяцев я провёл в одиночестве. Каждые две недели мне на вертолёте сбрасывали продукты. Я прослушивал разговоры американских лёт-

чиков. Что интересно, несмотря на то, что я был членом партии, мне не сделали ни замечания, ни выговора. Итальянка, конечно, классная женщина – до сих пор дух захватывает, но «Москвич» жалко».

Чили

В России широким и уверенным шагом шли девяностые. В 1992 году мне предложили возглавить команду велосипедистов-шоссейников на соревнованиях в Чили, конечно, не в качестве спортсмена, а руководителя делегации. Я согласился.

Компания спортсменов подобралась звёздная. Два олимпийских чемпиона – Сергей Сухорученков и Анатолий Яркин, а также другие именитые гонщики. Тренером команды был Иван Мищенко, признанный в 1981 году лучшим гонщиком среди любителей и в этом же году выигравший в команде велогонку мира. Я до поездки был знаком только с Иваном. Хороший, добрый и очень скромный человек. С остальными познакомился в аэропорту Шереметьево. Сухорученков и Яркин были на соревнованиях в Италии. Ехали оттуда на машине и едва не опоздали на рейс.

Хочу заметить, времена для спортсменов были тяжелыми. Например, Толик Яркин, напомним, олимпийский чемпион, работал сторожем на стадионе, а стал крутить, потому как надо было кормить семью. Так сказать, государство кинуло своих героев спорта. В общем, остаётся только повторить крылатую фразу, нередко звучавшую из уст великого комбинатора: «Спасение утопающих – дело рук самих утопающих».

Несмотря на то, что командировка в Чили была официальной, денег Госкомспорт не выделил ни копейки, благо, чиновники сказали, что призовые «будут вашими».

Перелёт оказался долгим. Мы летели через Ирландию с промежуточной посадкой в аэропорту города Шенонна. Это место было прославлено Борисом Ельциным, который оказался там в 1994 году таким пьяным, что не вышел из самолёта, хотя его более часа ждало руководство Ирландии. А так – полёт как полёт.

Запомнилось красивое зрелище над Андами. Я сидел у иллюминатора и был очарован им. Выходило солнце, но самого светила не было видно, от него только необычайный свет шёл. Это надо видеть – передать словами невозможно.

Встретили нас в Сантьяго представители чилийской федерации велоспорта – Роберто Марти и Лялё – так он представился. Во времена правления Пиночета этот человек служил в личной охране диктатора. Пиночета уже не было у власти, а Лялё являлся в Чили уважаемым человеком, сказать проще, в авторитете. Это я понял, общаясь с ним и проехав на его джипе по побережью не как турист, а вместе с велогонкой.

Разместили нас в центре Сантьяго в отеле «Тупайе». Хорошие номера, тренажёрный зал, большой бассейн, ну и, конечно, обслуживание. Один пример: ночью не мог уснуть, сказывалась разница во времени. Пошёл в два часа ночи в бассейн. Только нырнул – зажёгся свет, включилась музыка и появился официант. К нам, русским, относились как к близ-

ким друзьям, и это везде, где мы проживали.

Хочу рассказать о людях, которые следят в стране за порядком, о полицейских. В то время в Чили не было посольства России, а только представительство. Я как руководитель команды поехал в представительство познакомиться. Принял меня его глава. Так получилось, что у нас оказались общие знакомые. Он мне рассказал о полиции и полицейских. Большинство служителей порядка – индейцы. Они честные, смелые, у них большие семьи, а в полиции хорошо платят. Дипломат предупредил меня, что, если буду за рулём, надо соблюдать правила движения. Если остановят, то, не дай Бог, попытаться дать взятку – они считают это за оскорбление личности. Действия полицейских в данной ситуации непредсказуемы. И добавил, что здесь у них принято стрелять не в воздух, а сразу на поражение.

Привожу пример: мы постоянно с переводчиком на джипе Лялё выезжали на тренировки. Иван Мищенко опраивлялся на велосипеде вместе с командой, но проезжал, конечно, меньше. Тренировались за городом, но до трассы от отеля команда двигалась на велосипедах. Я был удивлён тем, как приветствовали чилийцы наших спортсменов. Кричали: «Руссо, руссо!» Сигналили, предлагали держаться за авто, жестами показывая, чтобы поберегли силы. Самой большой популярностью пользовался Сергей Сухорученков. С него срывали кепки, отрывали на сувениры карманы велорубашки. Сергей удивлялся: «Двенадцать лет прошло после мос-

ковской олимпиады – и такое внимание. В Ленинграде, даже в моём районе, когда я выезжаю на тренировку, пытаются на машинах подрезать. Какое там внимание!»

Но вернёмся к чилийским полицейским. Как-то во время тренировки мы втрём: я, Лялё и переводчик – решили оставить джип и прогуляться вдоль шоссе. Отошли от машины на полкилометра. Я заволновался: в автомобиле остались паспорта всех членов команды и мой личный. Начал озвучивать своё беспокойство Лялё, и в этот момент рядом останавливается патрульная машина. Поздоровались. У меня по пребыванию в Чили сложилось мнение, что Лялё и его джип знали не только полицейские Сантьяго, но и всего Чили. Лялё рассказал о моих опасениях полицейским. Они улыбнулись. Переводчик мне перевёл ответ старшего: «А автомат зачем? От пули-то не убежишь!»

Ещё хочу привести один пример. За два дня до вылета в Чили я поехал в ЦСКА на Ленинградский проспект встретиться с друзьями-хоккеистами. Часа в три дня с Евгением Паладьевым на его машине мы поехали в Химки, но у метро Аэропорт увидели толпу человек в сто. Я вышел посмотреть и понял: очередная бандитская стрелка. Об этой истории я рассказал Лялё и его друзьям-полицейским. После того, как им это перевел переводчик, на их лицах я увидел удивление, а Лялё говорит: «А что, у вашей полиции оружия нет или патронов не хватает?» Полицейские оживились, и уже все вместе объяснили мне и переводчику, как надо было поступить.

«Уложить для начала человек двадцать, затем взять по паре бандитов из спорящих сторон – больше не надо. Они через час всё расскажут». В общем, у чилийских полицейских всё просто.

Как-то мы остановились на отдых в городе Винья-дель-Мар, который стоит на берегу океана. Город известен тем, что там ежегодно проводятся фестивали оперных певцов. Во время обеда в гостинице я обратил внимание на чёрно-белую фотографию, висевшую на стене. На ней была запечатлена подводная лодка без опознавательных знаков на рубке. Я подумал, что немецкая. Обед заканчивался, когда к нам подошёл пожилой импозантный мужчина – хозяин гостиницы. Спросил, какие у нас будут пожелания, говорил он на испанском. Мы обедали с переводчиком. Поблагодарили его и сказали, что всем довольны. Я спросил про фотографию. Он ответил, что это его лодка. Пришлось вспоминать немецкий. В те годы я ещё мог объясниться, чтобы быть понятым, сейчас уже забыл – нет практики. Начали общаться, он принёс фотоальбом, рассказал о своей семье. Он был заместителем командира лодки, вспомнил, что в конце 1945 года они зашли в Аргентину, потом в Чили. Здесь осел, женился. Двое детей живут в США, супруга умерла. Я не стал спрашивать, почему они заходили в Аргентину и почему на рубке нет опознавательных знаков. Он поинтересовался, нет ли у меня негатива в отношении него – всё-таки мы противники. Я ответил отрицательно. Война давно закончилась. Он кивнул и

добавил, что не служил в гестапо или СС. Пожали руки. Я сказал: «Надеюсь, что наши две страны не будут воевать никогда». Он улыбнулся, подозвал метрдотеля, сказал ему что-то по-испански, а мне по-немецки, улыбнувшись, что спиртное для меня и моих друзей – бесплатно.

О самой велогонке рассказывать не буду – я не спортивный обозреватель. Гонка шла своим чередом.

Прошло много лет, а я до сих пор вспоминаю о своём пребывании в Чили, встречах с интересными и добрыми людьми.

История

С каждым годом, видимо, старея, всё сильнее испытываю тягу к стране моего детства и юности – Союзу Советских Социалистических Республик. Россиянином я стал по случаю его развала. И сейчас считаю: моя Родина – Советский Союз. Беседуя с молодыми людьми, от них, я, проживший в СССР сорок пять лет, узнаю, как плохо в то время жили люди. В нищете, без права мыслить, в условиях национальной вражды. Я по роду своей деятельности проехал по стране от Калининграда до Хабаровска. Много времени провёл на Кавказе, в Прибалтике, Азии. Ничего из сказанного молодыми людьми не встречал. Хочу привести один из многих примеров из моей жизни. Передаю рассказ сына моего товарища – известного врача, хирурга-кардиолога, который уехал сразу после развала СССР на постоянное место жительства в США. В 1992 году я там был в командировке. Встречался с ним. Вот мнение Гиви.

«Я родился и жил в старом районе Тбилиси. Двор был большой. Здесь обитали семьи разных национальностей. В большинстве, конечно, грузинские. А их соседями были еврейские, русские, армянские и украинские семьи. Все праздники, включая национальные и религиозные, отмечали вместе. Накрывался большой стол посреди двора. На него выносили всё, что было в квартирах. Собирались взрослые и де-

ти. Вместе были и в дни тяжёлых испытаний. Если у кого-то случилось горе в семье, то все помогали материально.

Конечно, быт есть быт. Ругались, и мы дети дрались, но я не помню, чтобы потасовки возникали на национальной почве. Я не представляю, что со мной было бы, если бы я пришёл после драки домой и сказал, что подрался с армянином, евреем, русским. Отец меня точно выпорол бы. И, не дай Бог, чтобы об этом узнал мой дед, который прошёл всю войну в пехоте, имел два ранения и множество наград. Вот такая простая история. Если мы потеряем преемственность поколений, то через поколение людям будет всё равно, есть ли у них родина и как она называется».

Отец Иннокентий

В конце 80-х годов судьба свела меня с очень интересным, добрым, порядочным человеком архимандритом отцом Иннокентием, в миру Анатолием Ивановичем Просвириным. Познакомился я с ним в одном из медицинских институтов страны. Он приехал из Италии, где был в командировке. Нас познакомил мой близкий друг, а, точнее, «старший брат» Владимир. Наше общение пошло легко, без напряжения.

Я выразил некоторое удивление: всё-таки серьёзный церковный сан с одной стороны, а с другой – лёгкая беседа, юмор. Отец Иннокентий пошутил:

– В Италии жарко – лето, а шампанское холодное.

Отец Иннокентий пригласил меня приехать к нему, в Троице-Сергиеву лавру. Он там служил и проживал. Я спросил, могу ли взять с собой друга?

Он ответил:

– Пожалуйста!

На следующий день рано утром мы с Евгением отправились в Загорск – так в советское время назывался Сергиев Посад. Приехали днём. Знали, что отец Иннокентий служит заутреннюю. Пошли к месту его проживания (не знаю правильного названия, в общежитие, так сказать). Движемся по коридору и видим: навстречу нам с полным тазом белья идёт отец Иннокентий, улыбаясь и подмигивая нам, говорит:

– Сейчас стираю замочу, и к вашим услугам!

Сказать, что мы были удивлены, это ничего не сказать. Мы были **ОЧЕНЬ** удивлены, ведь думали, что служитель такого высокого сана сам уж точно не стирает. Замочив бельё, отец Иннокентий пригласил в свою комнату. Мы втроём там еле поместились. Показалось, что комната была метров шесть квадратных. Одна стенка от самого пола до потолка – с книгами, у другой – кровать (очень узкая), а над ней – опять до потолка полки с книгами. Я спросил:

– Отец Иннокентий, удобно ли вам спать?

Надо отметить, что роста он был где-то под 185 сантиметров. Отец Иннокентий ответил:

– Очень удобно.

И засмеялся.

– Время на сон не хочется тратить. Господу служить и людям помогать – вот на что надо время своё тратить. Сейчас приведу себя в порядок, и пойдём обедать с паствой.

Мы тактично вышли. Минут через пять вышел архимандрит, и мы отправились трапезничать. На обеде вместе с нами присутствовало где-то человек двенадцать. Отец Иннокентий сказал:

– Вот это и есть моя семья.

Мы промолчали. Все, кроме нас, прочитали молитву перед едой. После перекрестились. Еда нам понравилась – была вкусной. В общем, первое, второе и компот. За обедом обсуждались церковные дела, но и нам уделили внимание.

Затем архимандрит встал, поблагодарил за обед. Мы тоже присоединились с благодарностью. Потом он пригласил нас на экскурсию в семинарию и духовную академию.

Во время посещения духовной академии произошел такой случай. Проходила экскурсия. Делегация из Англии. Переводчик, очевидно, что-то неточно перевёл. Мы стояли за его спиной, а отец Иннокентий наклонился к переводчику и помог ему с точным переводом с русского на английский. После этой экскурсии, на выходе, я спросил, какими языками он владеет. Архимандрит ответил:

– Английским, итальянским, испанским – свободно.

Улыбнулся и добавил:

– И совершенствую русский.

Хотелось бы ещё многое рассказать, но, увы, это личное.

Прощаясь, поблагодарили архимандрита за то, что он нашёл время для общения с нами. Он ответил:

– Приезжайте. Всегда найду для вас время, а сейчас надо готовиться к службе.

И мы пошли его провожать. Вдруг навстречу ему бросился мужчина в возрасте. Несколько раз поклонился, поцеловал руку. Увидев это, мы отошли в сторону. Они о чём-то переговорили. Самого разговора мы не слышали. Архимандрит его перекрестил, мужчина попрощался с нами и ушёл. Потом я узнал от отца Иннокентия, что ему пятьдесят лет. Отец Иннокентий рассказал нам о судьбе этого, в общем, ещё не старого человека, но достаточно хлебнувшего в жиз-

ни. Тот имел пять судимостей, профессиональный вор-до-мушник. Мы спросили, как он познакомился с ним. Отец Иннокентий ответил, что произошло это в Лавре. Во время службы он обратил внимание на человека, который неуверенно держался в храме. Стало понятно, что надо помочь. Вот так всё просто.

– Три года уже прошло с тех пор. Устроил его на работу в Лавру разнорабочим. Потом он освоил профессию каменщика. Достойно зарабатывает. Женился на женщине с ребёнком. Так у него всё и наладилось с Божьей помощью.

И перекрестился.

Я ещё несколько раз приезжал к отцу Иннокентию. Он очень интересно рассказывал об истории церкви, а так как я к тому времени уже был дипломированным историком, мне особенно интересно было слушать его. Как-то затронули тему церкви и священнослужителей на защите Отечества. Он показал свой оберег – наконечник копья. Со слов отца Иннокентия, этим копьём владел русский богатырь Ослябя – инок Троице-Сергиева монастыря, в монашестве Андрей, участник Куликовской битвы 1380 года, который, по одним данным, там и погиб, по другим – умер в 1389 году.

Шло время. Пришли лихие 90-е. На встречи времени не стало. В 1998 году я решил найти архимандрита, и был очень огорчён, узнав, что он умер в 1996 году. Он, идя в статском платье по улице, увидел, что хулиганы пристают к пожилой женщине. Пройти мимо не мог. Сделал им замечание, а ху-

лиганы его сильно избили. Врачи сделали всё возможное – сохранили ему жизнь, но через некоторое время он умер.

Отец Иннокентий никогда в жизни не проходил мимо униженных, оскорблённых – всегда оказывал помощь. Царствие Небесное настоящему человеку, человеку с большой буквы.

Великие

Хочу рассказать о знакомстве с талантливыми людьми. Шел январь 1989 года. Советские люди продолжали отмечать Новый год. До развала великой державы оставалось совсем немного времени. В Москву с концертами приехал известный оперный певец, солист венской оперы Борис Рубашкин. Он был первым из ранее запрещённых в СССР певцов, кто решился привезти к нам концертную программу. Беседуя с товарищами о Рубашкине, я был несколько удивлён, что он ассоциируется у большинства как певец шансона, с таким песнями, как «Мурка», «Одесса», на край – «Казачок». Они не знали, что в венской опере Борис Рубашкин исполнял ведущие партии в таких спектаклях, как, например, «Борис Годунов».

Как-то вечером мне позвонил друг и предложил два билета в дом киноактёра имени Яблочкиной на встречу с Борисом Рубашкиным. Я с радостью согласился. В фойе встретился с Яном Френкелем, с которым был знаком. Это порядочный, добрый человек, талантливый композитор и исполнитель своих песен. Свою песню «Журавли», по моему мнению, он исполнял лучше всех. Об этом человеке можно написать роман. Мы поздоровались и пошли в зал. Сели рядом. На сцену вышел Борис Рубашкин, сел за приготовленный столик, на котором стояли три бутылки с минераль-

ной водой. Борис молча налил стакан и залпом выпил. Потом налил второй. В зале тишина. Мы с Яном, не сговариваясь, четко и достаточно громко, сказали: «Сушняк». Рубашкин это услышал, допил второй стакан, покосившись на нас, и изрёк: «Вчера пять часов вместе с Женей Евстигнеевым и Владленом Давыдовым просидели в ресторане. Утром, когда проснулся, пытался вспомнить, о чём говорили. Помню только: «Будь здоров, Борис! Будь здоров Евгений! Будь здоров Владлен!»

Во время встречи он много рассказывал о своей жизни, концертной деятельности, отвечал на вопросы. Атмосфера была тёплой и дружеской. Создавалось впечатление, что не было отдельно Рубашкина и слушателей в зале, а все сидели за одним столом за дружеской беседой. В конце встречи, его, конечно, попросили спеть. Он сказал: «Тяжело, но, если вынесли гитару, то деваться некуда. Я спою вам «Мурку», – и добавил: «Нет блатных песен – есть песни хорошие и плохие». И, как говорят в Одессе, сорвал бурные аплодисменты. Я счастлив, что Господь свёл меня с такими людьми.

«Прессуха»

В восьмидесятые годы в Агентстве печати «Новости» (АПН) работал мой хороший друг, добрый человек. К сожалению, он ушёл из жизни в начале девяностых, так как очень переживал и сожалел о развале СССР, не мог понять происходящего. Мы часто с ним ходили в пресс-центр МИДа, где находились бар и ресторан. Начинали в баре, заканчивали в ресторане. Реже – наоборот. Расскажу несколько историй, которые хорошо помню.

История первая – о знаменитом законе о борьбе с пьянством и алкоголизмом в СССР в период правления Михаила Горбачёва. Подробно останавливаться на самом законе не буду – дураков на Руси в руководстве было всегда достаточно. Посетителей бара и ресторана это коснулось. Сначала алкоголь запретили продавать до часу дня, а через некоторое время до шести часов вечера, то есть алкогольные напитки можно было приобрести только после окончания рабочего дня. Возмущению сотрудников мощной организации КГБ не было пределов. Как работать с клиентами, добывать информацию? В общем, всё как в поговорке: собака лает, а караван идёт. Договорились с барменами и с официантами наливать водку в бутылки из-под пепси.

Поставил всё на свои места Михаил Амвросиевич Шеварднадзе, в то время министр иностранных дел. Как-то мы с

моим старшим другом пришли в пресс-центр прилично поддатые. Шеварднадзе в это время закончил пресс-конференцию и решил пройти со своими телохранителями в ресторан. В это же время я решил позвонить и пригласить знакомых. У телефона меня качнуло, я стал пятиться назад, а точнее падать. Телефонный аппарат начал скользить по столу, на котором стоял, и упал бы, если бы не друг, который держал в одной руке папку, а другой схватил и удерживал телефон. Я повис на проводе с трубкой в руках. В этот момент сзади меня Шеварднадзе и сопровождающие его ребята из «девятки», поддерживая меня за спину, проходили по очереди. На следующий день мне в красках описали эту сцену, как министр, поддерживая меня за локти, прошёл со своей охраной. А ещё рассказали ещё одну историю, которая произошла после входа Шеварднадзе в ресторан. К нему подошёл полковник КГБ. Они были знакомы. Чётко сказал Михаилу Амвросиевичу, что невозможно работать, так как алкоголь стали продавать только после шести вечера. На следующий день в «прессухе» вопрос с алкоголем был решён, и дело пошло. Михаил Амвросиевич имел понятие о том, как работает контора. Мне ещё раз пришлось встретиться с Михаилом Амвросиевичем. Возможно, я об этом напишу.

История вторая. Шёл 1990 год, великая держава, которую создавали наши предки, воюя и защищая, разваливалась. Летом того года в день ВМФ я поехал в ЦСКА ВМФ увидеться с друзьями. Где-то с час посидели, повспоминали спор-

тивные будни, помянули друзей и разъехались. А я отправился в пресс-центр. Там собрались люди, которые служили в ВМФ. Зашёл в бар, где за столом сидели мои друзья, потом подошёл Виталий Арманд – известный фотограф-журналист, наш друг. Народ понемногу собирался. Журналисты, чекисты – они же сотрудники АПН и МИДа. Поднимали тосты за тех, кто нёс службу. В компании за нашим столом к ВМФ имели отношение я и Виктор. Он был постарше меня. Должность и место его работы не помню – уже прошло много времени. К нам подошёл молодой журналист, наш знакомый. Он работал в «атасе» – так называли в просторечии-телеграфное агентство Советского Союза – ТАСС, в общем, тот, который уполномочен всегда заявить. Через некоторое время Виктор произнёс тост за меня. Я ответил: «Этот ты ходил по морям-океанам». Опустошили рюмки, не успели закусить, как молодой журналист произносит тост: «За ВМФ!» – и спрашивает Виктора, на каком флоте он служил. Уже рюмки взяли, а он с вопросом! Виктор кратко ответил, что служил на авианосце «Энтерпрайз» в БЧ-5. Журналист удивился: «Но это же американский авианосец!» Виктор ответил: «А я не сказал, что он советский. Так случилось». Мы опрокинули рюмки. Молодой держит рюмку, не пьёт. Мы, не стовариваясь, ему: «Вперед!» Он выпил, поняв, что это не шутка. Сказал, что его срочно ждут с фотографиями и ушёл в сторону барной стойки. Через минуту возвращается, ставит на стол две бутылки водки, говорит: «Пельмени сейчас

принесут!» Ещё раз поздравил всех с праздником и ушёл.

Мэр

В середине 80-х годов на учебно-тренировочном сборе в городе Пловдив в Болгарии, куда поехала команда, состоявшая из спортсменов сборной Вооруженных сил СССР, нас принимали болгарские армейцы. В Пловдиве мы познакомились с интересным человеком, полковником армейской контрразведки Болгарии Ацеловым, что интересно, сошлись, не наливая, а когда выпили каждый по бутылке, уже побратались.

Общаться было просто, так как он хорошо говорил по-русски. Гостиница, где мы проживали, находилась рядом с зоопарком, на территории которого располагался ресторан. Там мы и питались. Сбор шёл двадцать четыре дня. Через неделю мы с Ацеловым были «не разлей вода».

Хочу привести пример, после которого он и его друзья стали относиться ко мне с ещё большим уважением. Сидели вечером в ресторане. Выпили прилично, по-армейски, ведь «от Москвы до британских морей Красная Армия всех сильней». Ацелов почувствовал себя плохо (я позже узнал: у него была онкология), и его отвезли домой. Я подошёл к метрдотелю и расплатился за весь ужин, при этом слукавил, сказав, что деньги дал Ацелов, иначе метр у меня денег не взял бы. Пришлось истратить все свои суточные. Кроме них деньги у меня, конечно, были. Не порожняком ехал. Пару слов

о суточных в Советском Союзе – это был мизер. Но в моём случае – командировка почти месяц – набралось более-менее. Валюту брать с собой было опасно. Если попадётся на границе, станешь невыездным. Брали водку, чёрную икру, фотоаппараты. Но икру – десять банок не провезёшь. Покупали баклажанную икру в металлических банках, разрезали поперёк, клали туда банку черного деликатеса и заклеивали этикеткой. Или с друзьями из страны, в которую едешь, договаривались. Они тебе – свою валюту, ты им – рубли, когда они приезжали в Союз. Очень удобно, без «головняка» на таможне.

Вечером следующего дня Ацелов пригласил меня одного на поздний ужин. Он сказал, что я первый человек из Союза, который решился на такой поступок. Засмеялся. «Давай за эту сумму я сейчас и отвечу». Теперь я засмеялся: «Столько я не выпью и до конца сборов!» Ацелов сказал: «Понял. Тебе и всему тренерскому составу до конца сборов будет открытый счёт». Отказаться было неприлично. Разговор состоялся в пятницу. И вот для чего я уточняю день недели: в субботу в первой половине дня успешно прошла контрольная тренировка. До понедельника – свободное время. Тренерским составом решили пообедать. Пришли в ресторан, стали думать, сколько взять спиртного. О счёте, открытом для меня, никто не знал. Я умышленно не сказал, чтобы сделать сюрприз. Стою и молча слушаю их рассуждения. Нас было семь человек. Я подозвал официанта, который обслуживал перед

этим нас с Ацеловым, поздоровался и сделал заказ: «Пять бутылок водки и хороший «закусон». Тренерский состав замер, последовала сцена из «Ревизора». Только главный тренер ВС СССР и сборной СССР полковник Олег Васильевич Иванов, поправив очки, кивнул и подмигнул мне, потому как знал правду.

Где-то в середине ужина подошёл, а точнее подъехал на велосипеде мэр Пловдива. Он так передвигался по городу. Ему налили штрафную. Он выпил. Я и Олег Васильевич пошли в гостиницу, но перед тем как уйти, Олег Васильевич отозвал одного из тренеров и попросил его последить за мэром и, если что, отвезти его на машине домой. Уточнил: «Ни в коем случае не сажать на велосипед». Александр ответил, что проследит. На следующий день, сделал зарядку, вышел, встречаю Александра, спрашиваю: «Как мэр?» «Да он в норме был. Сам сел на велосипед и поехал домой». Я насторожился. О какой норме можно говорить, когда мэр при мне бахнул стакан водки, и, я думаю, не последний, потому как я ушёл раньше. Отмечу, что мэр был непьющим, а пил из уважения к нашей великой державе. Я подумал, что, если бы что-то случилось, то Ацелов бы сообщил. Пришло время обеда. Подъезжает мэр на велосипеде. На лице все признаки «асфальтовой болезни». Когда упал, разбил лицо. Мы поздоровались. Он говорит: «Да всё нормально. С велосипеда упал. Правда, как упал не помню. Жена сказала, что меня с велосипедом принесли незнакомые люди». Удивляться

нечему: город небольшой, а мэра все горожане очень уважали.

Я решил выяснить, почему не проводили. Собрал тренерский состав, сказал: «Саша, тебя же лично Олег Васильевич просил проследить. Как же так получилось?» И мне рассказывают, как это было. Александр сказал мэру, что выпил больше его в разы, сел на велосипед, сделал круг, выезжая в очень узкую калитку, развернулся и въехал в нее обратно: «Ну, вот, я проехал, а вы тем более доедете». Ну, видно, Александр его убедил. Мэр сказал: «Доеду». Саша помог ему сесть на велосипед, держа его за седло, и вытолкнул в калитку. Тот поехал. Чем закончилась эта поездка, мы узнали утром.

Я много раз приезжал в Болгарию. В то время это была одна из самых дружественных Советскому Союзу стран. Болгары с благодарностью относились к советскому народу. Отдавали честь русским солдатам, освободившим их в 1878 году из-под турецкого гнёта, и советским воинам, освободившим их в 1944 году. Это были наши настоящие друзья. А добрые дела Ацелова и Олега Васильевича Иванова будут жить в моей памяти.

Французская командировка

Пришлось мне в самом начале 80-х отправиться в командировку по Европе с одной из команд по игровым видам спорта. Впервые мы ехали на автобусе во Францию на соревнования.

Но история эта начинается с оформления загранпаспорта. В Советском Союзе получить загранпаспорт было совсем непросто. Надо взять рекомендации по месту работы. Следующий этап – партийный: обком, райком. Собиралась комиссия: коммунисты, комсомольцы, ветераны партии, задавали вопросы по политической ситуации в СССР и что там у них за рубежом. Рухнул и развалился на многие государства «ВЕЛИКИЙ И НЕПОБЕДИМЫЙ» (это без сарказма) Советский Союз. Развалился не в результате войны, т.е. внешне-го вмешательства, а по внутренним причинам. Большинство людей этому процессу радовались: «Вот сейчас точно заживём!» Но прошло уже без малого тридцать лет, и не зажили, и это историческая правда. Народу оставили его цепи, а новое руководство и его окружение действительно «зажили», и довольно хорошо. А ведь Китай, не ломая, изменил систему и добавил в экономике так, что, как говорят специалисты, России его не догнать уже никогда. Последние годы в России очень много говорят о подъёме в экономике и «вставании с колен», а, может быть, просто надо стремиться вкладывать

свой труд, интеллект для того, чтобы наша страна стала великой, не оглядываясь на другие государства.

Но вернёмся к поездке. У меня загранпаспорт закончился. Через день надо было выезжать. Я позвонил в МИД другу Валерию, объяснил ситуацию. Он выслушал и сказал: «Подъезжай». Мы встретились. Валера говорит: «Давай старый паспорт и фотографии». Я ему: «У меня ничего нет». Он мне: «Пошли со мной». Зашли в фотоателье, и я сфотографировался. Валера мне: «Приезжай к 13 часам – вместе пообедаем». В назначенное время пошли в ресторан, деньги у меня были. Валера достал загранпаспорт и передал мне. Вот так – два часа, и заветный документ в меня в кармане. О должности друга умолчу. Ну, в общем, обмыли, как предполагается. Валера дал свою персональную машину – чёрную «Волгу», и меня довели до дома.

На следующий день сели в автобус и отправились «прокатиться по Европам». Миновали Польшу, Германию, где ребята провели несколько встреч в разных городах этих стран, и вот Франция. Там был крупный международный турнир. Ребята в нашей команде, как говорят в спорте, «были на ходу». Команда в то время дружественной нам страны опаздывала на игру с нами. Её руководство приехало раньше и встретилось за день до игры со мной, моим другом Евгением и старшим тренером нашей команды. Руководитель объяснил, что их спортсмены, в основном любители, тренируются два-три раза в неделю. Они приедут сразу на матч. «Вы

сильнее, не забивайте много. Я готов спонсировать вас и спортсменов». Старший тренер пообещал: «Хорошо. Я ребятам объясню».

Соперники приехали за полчаса до игры. Разминку провести не успели, только переоделись. Наши разгромили их до неприличия. Старший тренер, конечно, ничего нашим ребятам не сказал. Мы с Евгением решили посвятить ветеранов нашей команды в суть дела, озвучив предлагаемые суммы. Наши ветераны были заслуженными людьми в спорте и доигрывали своё. После разговора минуты две стояла гробовая тишина, потом пять минут продолжался отборный мат в адрес тренера. «Мы уже пять месяцев зарплату не получаем, а мы все профессионалы. За такие деньги мы и вничью сгнать могли. Всё равно бы выиграла турнир!»

На следующий день проходил полуфинал. Выиграли в основное время. В финале соперник был слабее – так в спорте бывает. Нужно было дождаться встречи и забрать своё, то есть кубок и медали. Вечером, после полуфинальной игры, мэр устроил приём нашей делегации, потому как после финальной игры мы должны были сразу уехать. Мы привезли ящик «Столичной». Нам с Евгением приходилось бывать на приёмах, проводимых у французов, со спиртным там было слабовато. Я сказал: «Ставьте всю водку на стол для украшения, а то глаз положить не на что». Ребят попросил: «Не очень с выпивкой. Завтра финал». Ветераны, кивнув: «Не волнуйтесь. Только для поддержания дружественных отно-

шений с Францией». Мэр на приём пришёл с женой и дочкой, интересной барышней. Мы с Евгением провели торжественную часть приёма. Подняли тосты за дружбу между нашими странами, за жену, дочь и самого мэра и уехали. Спорт спортом, а дела делами.

В гостиницу мы вернулись до отбоя. Смотрим, подъезжает наш автобус. Все спортсмены на ногах, уже хорошо, но мы не заметили отсутствие одного молодого человека. Хороший парень, красавец. Утром я вышел размяться, Женя покурить. Видим, подъезжает классная машина, и из неё выходит наш спортсмен. Ему деваться некуда. Подходит. В руках сигарета. Его трясёт конкретно. Извиняется. Я ему говорю: «Вова, через четыре часа игра, ты сколько выпил, сынок?» Он мотает головой: «Не помню. Но на приёме где-то около ста граммов. Дочь мэра меня забрала и увезла в какой-то загородный дом. Вот там-то я и догнал». Мы с удивлением: «А как ты с ней общался?» «Она говорит по-русски, в университете изучает русский язык». И, обращаясь к нам, говорит: «Вы извините, у вас граммов пятьдесят водки нет?» Женя ему: «Да тебе, чтобы не колотило, стакан надо». Зашли в номер, налили ему чуть больше ста граммов. Вова выпил, сказал: «Как в сухую землю». Мы решили поговорить с капитаном и ветеранами команды, чтобы те дали ему возможность «смыть позор» в игре. Он обещал, что будет «рыть землю».

Началась игра. Команда соперников упёрлась. Первый тайм вничью, хотя по классу с нашими не сравнить. При вы-

ходе на второй тайм, капитан нам подмигнул, сказал: «Выпустим молодого через 10-15 минут». Смотрим, Володя даже не сидит на скамейке запасных, делает пробежки, волнуется. Когда дождался замены, вылетел на поле как пуля, побежал к воротам соперника. Капитан оценил ситуацию и отдал пас, как говорят, «на блюдечке». Вова пробежал метров десять и пробил без подготовки, не оставив шансов сопернику. После этого гола защитники сконцентрировали своё внимание на Володе, что дало возможность забить ещё. Получили кубок, медали. Приехали в гостиницу. Наполнили кубок водкой. Капитан взял кубок и передал старшему тренеру. Победа помирила. Тем более, что старший тренер понял свою ошибку. Признал при всех, что был не прав.

Контора

Эту историю рассказал мне мой товарищ, которого уже нет в живых.

«В двенадцать лет от роду я остался сиротой. Отец рано ушёл из жизни от ран, полученных на войне, мать вскоре последовала за ним. Воспитывала меня бабушка – детский врач по профессии. Жил я в ближнем Подмосковье. Учился хорошо, проблем не было, занимался спортом в двух секциях сразу – самбо и бокса. Выполнял разряды по этим видам спорта. Окончив школу, поступил в Московский госуниверситет на истфак, но взял после первого семестра академический отпуск – не хотел сидеть на шее у своей бабушки. Служил в ВМФ на Северном флоте. Спорт помогал в службе. Выступал на соревнованиях по боксу, многоборью, гребле. Через год службы меня приняли кандидатом в члены компартии. В ВМФ тогда служили три года. Демобилизовавшись, доучивался на вечернем отделении. Мой тренер помог устроиться инструктором по спорту, а через год я поступил в школу тренеров, через два её закончил. Жить стало легче. Заработок был хорошим. Всегда помогал бабушке. В двадцать семь лет получил высшее образование – окончил МГУ.

А теперь о том, как я оказался в конторе. Видимо, мной заинтересовались ещё во время службы в ВМФ. Две беседы со мной провёл особист, как мне тогда показалось, ни о

чём, как в песне Владимира Высоцкого: «Но особист Суэтин, неутомимый наш, ещё тогда заметил и взял на карандаш». Как-то с другом пошли в ресторан – мы когда-то учились в одном классе. Он после школы поступил на филологический, окончив его, работал в школе, писал диссертацию. Ну, в общем, ботаник. Нашли стол. Там уже сидело два человека. Мы поздоровались и начали трапезу, не обращая внимания на них. Друг был из очень бедной еврейской семьи, хотя и мы с бабушкой жили «не очень весело». Я часто бывал у них дома, и видел их быт своими глазами. В семье ещё два брата. Все вышли в люди своим трудом. Мой друг – доктор наук, написал несколько книг. Младшие стали известными строителями. Много лет работали на дальнем севере.

Но вернёмся в ресторан. Мы выпили, закусили салатом. Объясняю, почему подробно о нашем меню – потому, что горячего мы не дождались. Надо сделать отступление. В 1971 году начался отъезд евреев из СССР в Израиль и другие «отсталые» страны мира. Многие люди тогда подумали, что «вот наконец-то заживём», и лозунг «Бей жидов, спасай Россию» не надо претворять, ведь сами по доброй воле. Так, к 1980 году укомплектовали своими силами, за средства СССР, которые были потрачены на их образование, практически большинство научных центров и университетских лабораторий стран мира. Они нам за это очень благодарны. Итак, сидящий напротив моего друга, обращаясь к нему, ни с того, ни с сего, говорит: «Ты что, жидовская морда, здесь сидишь?»

Езжай к себе в Израиль!» Друг смутился. Я без разговоров засадил вилку обидчику в подбородок, хорошо – не в горло. Кровь залила всю скатерть. Милиционер вырос как из-под земли, и мы с другом оказались в знаменитом «полтиннике», то есть в пятидесятом отделении милиции города Москвы. Ну, в общем, попал.

В милиции я не растерялся. Составили протокол, меня попросили вежливо выйти. Я удивился этому. Вызвали моего друга. Сажу и вижу: в кабинет по-хозяйски заходит человек, который сидел за соседним столиком. Из кабинета выходят следователь и мой друг. Следователь попросил меня зайти в кабинет. Зашёл. Человек представился, сказал, что они с другом всё слышали, потому как оскорбление было произнесено достаточно громко, и, улыбаясь: «Вилкой-то зачем?» Я ответил: «Машинально». К моему удивлению, разговор закончился, Иван Иванович, так назовём моего спасителя, сказал, что мой домашний телефон он выписал из протокола. Тогда мобильных не было. Сказал: «Свободен. Запиши мой телефон». И назвав день и время, попросил позвонить. Смеясь, добавил: «Можете возвращаться с другом в ресторан». Но, конечно, мы разъехались по домам.

Я, как договорились, позвонил Иван Ивановичу. Мы встретились в гостинице «Берлин», ныне «Савой». Беседа длилась часа два. В основном про мою жизнь, хотя я уверен, что про мою жизнь он знал намного больше меня – профессионал. За поступок он меня не осудил, а только за вилку. Я

его спросил: «Как обидчик?» Он сказал: «Нормально. Отвезли в институт Склифосовского. Сделали операцию. Только один зубец вошёл в кость и загнулся. А так, всё хорошо. Претензий не имеет. Заявление не писал». И далее, как в известном фильме, сделал мне предложение, от которого я не мог отказаться. Я благодарен Ивану Ивановичу, он мне помогал на начальной стадии службы. Сам он впоследствии стал генералом. Я объясню, что делали в ресторане Иван Иванович с другом. Для сотрудников КГБ в СССР – это обычное дежурство. На ресторан выделялись денежные средства.»

Джованни

В конце семидесятых долгое время я провёл в Молдавии, на учебно-тренировочных сборах. Проживал тогда в прекрасном городе Тирасполе, где приобрёл много добрых и верных друзей. Хочу рассказать историю об одном из них.

Как-то вечером во время ужина в ресторане к нашему столу подошёл человек невысокого роста, седовласый. Мне его представили – Джованни. Имя меня удивило, но я промолчал. Потом узнал, что в молодости мой новый знакомый был хорошим спортсменом, мастером спорта СССР, чемпионом Молдавии по боксу в лёгком весе. Вскоре мне объяснили, почему этого человека зовут на итальянский манер, хотя на самом деле имя у него Владимир. Надо сказать, у него был старший брат Николай – инженер, кандидат технических наук, уважаемый гражданин города Тирасполя.

Так почему всё-таки Джованни? В пятидесятых годах пользовался особой популярностью американский гангстер Дженовезе, бывший в молодости налётчиком и киллером. Жестокий бандит, но, что интересно, его только два раза привлекали к суду, причем за незаконное ношение оружия. В конце своей бандитской карьеры возглавил семейный клан Дженовезе, который входил в чисто известных мафиозных семей Нью-Йорка, таких как Бонано, Гамбино, Коломбо и Лукезе. Прожил Джованезе семьдесят два года. Умер своей

смертью на свободе от инфаркта. Но какая связь между известным американским гангстером и бывшим спортсменом из Тирасполя? Прояснил это мне сам Джованни, он же Владимир.

Как-то в один из будних дней я обедал в ресторане. Подходят ко мне Джованни и его друг Коля Филя, он же Николай Филатов, тоже из бывших спортсменов. Николай занимался академической греблей – не без успехов. Выступал в классе лодок-одиночек, но финишировать в большом спорте не удалось – «засосала опасная трясина», как в известной песне. Только ему не удалось «нажать на тормоза». Я пригласил их пообедать, они, поблагодарив, сели за стол. Не сговариваясь, в один голос предупредили: «Только без спиртного!» Во время обеденной беседы Джованни рассказывал о себе, хотя я его об этом не просил. Он хорошо учился в школе, его старший брат был отличником. В пятом классе Владимир увлёкся боксом – в Тирасполе была хорошая секция с сильным тренерским составом. Окончил школу, выполнил норматив мастера спорта, став чемпионом Молдавии. Затем в течение пяти лет строил атомную электростанцию в Казахстане на полуострове Мангышлак. Тут Коля его перебил: «Джованни, из твоего рассказа можно подумать, что ты лучший друг академика Курчатова!» Курчатов – основатель и первый директор института атомной энергии, главный научный руководитель атомной программы в СССР, один из основоположников в использовании ядерной энергии в мирных целях, ла-

уреат Ленинской премии и четырёх Сталинских, Почётный гражданин СССР. Джованни усмехнулся, подняв брови, и продолжил, отметив, что отбывал там пятилетний срок за разбой, а точнее за нападение на инкассатора: «Дело было в Одессе. Я вырубил инкассатора с одного удара. Вечером собрались поделить куш, но опера нас накрыли. Я получил срок, меньший чем у моих поделщиков. Они были рецидивисты, а я – первоход, мне дали хорошую характеристику в спорткомитете. И полетел я белым лебедем на стройку в качестве зэка, вместе с комсомольцами, которые тоже принимали участие в строительстве, но в отличие от меня по комсомольской путевке». О том, как трудились, рассказал кратко: «Работали по десять-двенадцать часов шесть дней в неделю. С отбойным молотком только что не спал. Ночью трясся на «шконках». После освобождения сказал себе, что работать по желанию не буду никогда. Родина пусть не обижается.

После двух лет произошёл такой случай. Лагерный «сходняк» постановил на работу не выходить, но при этом филонить на месте стройки, потому как, если бы мы не вышли из барака, то там могли положить всех – государственный стратегический проект. Приехали на объект. К месту работы никто не подошёл. Нас окружили охранники с собаками. Заставили сесть на корточки. Так прошло около часа. Появился главный инженер строительства, взял рупор и сказал: «Уважаемые зэки, у меня государственный план сдачи объекта, если вы через пять минут не начнете работу, то сравняетесь

с песчинками этой пустыни». Мы как по команде встали и пошли к месту работы».

Первый в мире атомный реактор на быстрых нейтронах БН-350, который являлся главным объектом магистрального атомного энергокомбината, был запущен 29 ноября 1972 года. Вот так комсомольцы вместе с зэками построили первый в мире подобный реактор в нашей стране. Остановлен в 1999 году.

Магадан

«Пред нами лежал Магадан Столица Колымского края».

«Из песни слов не выкинешь».

Колымские лагеря перемололи около миллиона заключенных. В основном там добывали золото, олово, уран. Между делом построили трассу «Колыма» протяженностью двести километров. О Магадане и эках написано много интересного, не хочу повторяться, но об одном человеке, побывавшем там, рассказать обязан.

В начале семидесятых как-то после тренировки я пришёл к своему другу Сергею. Отец его какое-то время находился в тех краях. После освобождения остался там бульдозеристом, да и в семидесятые продолжал работать вахтовым методом. Мы сели пить чай. Отец Сергея был подшофе, но в норме. Пил он только во время отдыха. На работе – сухой закон, разве что спирт, чтобы не замёрзнуть. С дядей Ваней, так звали отца Сергея, я был хорошо знаком. Добрый человек. Прошёл все испытания МагЛагом, немногие люди выдержали это. Дядя Ваня не сломался. В этот день он был одет в чёрный свитер. Почему он привлёк моё внимание? Да потому, что был заштопан на груди в нескольких местах красными нитками. Сергей обратил на это внимание, попросил отца: «Расскажи, откуда у тебя этот свитер!»

Дядя Ваня объяснил, что зимой 1942 года он освободил-

ся, но продолжал работать на прииске вольнонаёмным. Для страны это время было очень тяжелым, враг давил. Шёл второй год войны. Нужно было сохранить продукты и продолжать выполнять план (это главное и даже самое главное для лагерного начальства и лагерных «вертухаев»), иначе можно было в охраняемом ими лагере самим оказаться на нарах, как тогда довольно часто случалось. Итак, собрали всех доходяг, тех, кто не мог выполнять норму, в основном, политических, около ста человек, построили и расстреляли. Зэкам разрешили снять с убитых одежду. Трупам обложили барак, а летом их зарыли. Именно зарыли, а не похоронили. «А свитер я купил, а точнее обменял у жулика. Он предложил мне сыграть в карты. Его свитер против моих денег. Я отказался».

После этого случая дядя Ваня сделал всё, чтобы попасть на фронт. Это было непросто. Зэки работали на прииске по добыче золота. У всех вольнонаёмных была бронь. Через полгода дядя Ваня попал на фронт. Служил танкистом, дважды был ранен, войну закончил в Праге. В 1947 году завербовался и уехал работать на тот же прииск. Вот такая история.

Мафия

Шёл 1973 год – расцвет эпохи правления Леонида Ильича Брежнева. В Москве впервые в Советском Союзе прошла летняя универсиада, где спортсмены нашей страны одержали яркую и убедительную победу над студентами всего мира. Моего товарища в это же время направили на работу в Казахстан для внедрения в одну из мафиозных структур, но, так как в СССР «мафии как таковой не было, да и быть не могло никогда», назовем этих граждан расхитителями социалистической собственности. А вот, когда рухнул СССР, все узнали, что, оказывается, мафия-то у нас существовала и успешно распустила щупальца по всей стране. Вот что мне рассказал мой товарищ.

«Приехал я в город Алма-Ата по хорошей рекомендации «правильного» человека, который долгие годы сотрудничал с КГБ. Устроился на продуктовую базу экспедитором. Быстро нашёл нужные контакты. Через некоторое время занял должность заместителя начальника склада ликёро-водочной продукции и уже через полгода стал в торговых кругах «своим в доску». Узнал левые схемы не только по «ликёрке», но и по другим продуктам. Мне стали доверять передачу денег по системе «лифта», то есть «на верха». Прошёл все испытания воровской системы и стал доверенным лицом одного из мафиози. Как-то перед празднованием 1974 года ока-

зался в ресторане с группой дельцов теневого бизнеса. Подводили итоги года, и вдруг в наш кабинет входит человек с кейсом (эти чемоданчики были тогда в моде) и что-то говорит по-казахски. Мой мафиози его резко обрывает: «Говори по-русски!» Человек докладывает, что от денег (если проще – от взятки) клиент отказался. Мафиози спросил: «Сколько ты предложил?» И, не дожидаясь ответа, продолжил: «Этого человека унижать нельзя, от него зависит наше дело в следующем году». Обращаясь ко мне, объяснил, где взять ещё кейс. «Надо удвоить благодарность». Через полчаса я с деньгами был в ресторане, а через час возвратился улыбающийся посыльный и радостно сообщил: «Взял!» Мафиози подвёл итог: «Если заработал сам, к примеру, рубль, а человеку, который может помешать делу, отдал десять копеек, то к тебе и относиться будут как к копеечному фраеру».

Через год их всех арестовали. Трех, в том числе и мафиози, приговорили к «высшей мере» – расстрелу. Остальных – к серьёзным тюремным срокам».

Для моего товарища командировка закончилась успешно. Плюс он получил внеочередное звание и денежную премию.

Нина

В семидесятые годы, занимаясь спортом, я часто жил на базе спорткомитета РСФСР в городе Химки. Красивое место у канала имени Москвы. Десятиэтажная гостиница, стадион, тренировочные залы – отличная была база, где шли занятия по многим видам спорта. Из них выросло много чемпионов России, СССР, Европы, мира и Олимпийских игр. Сегодня этой базы уже нет. На этом месте построен жилой массив.

Но вернемся в семидесятые. На сборах жили дружно и тренеры, и спортсмены. Я был в хороших отношениях с тренерами, спортсменами и спортсменками – метателями молота, диска, копья. В женской команде выделялась Нина. Сама из далёкой деревни. В Москву приехала искать счастья, как в то время многие молодые люди. В метро её и встретила тренер женской команды по легкой атлетике. Увидев внушительные габариты девушки, она сама подошла к ней и предложила заняться спортом, а именно – толканием ядра. О спорте у Нины были смутные представления, а тем более о таком его виде. Тренер мне рассказывала о встрече и разговоре с Ниной при их знакомстве в красках, с юмором и с матерком. Я посмеялся от души.

Нина согласилась, в общем-то, от безнадёжности – денег не было, жить негде. Тренер для своей воспитанницы сделала всё, что обещала: добилась для неё бесплатного прожи-

вания в общежитии и самое главное – стипендии в сто рублей в месяц. Для того времени – это хорошие деньги. Общежитие находилось на железнодорожной станции Сходня. До тренировочной базы рукой подать – одна остановка. Нина была девушкой с характером и понимала, что проживание и стипендия – это аванс. На тренировках она не просто тренировалась – пахала. Это я видел своими глазами. Результаты росли как на дрожжах. Чуть больше года ей понадобилось для того, чтобы выполнить норматив мастера спорта СССР в толкании ядра и получить первый разряд в метании диска, хотя девушка выступала в возрастной категории до восемнадцати лет.

Хочу рассказать об одном случае, который произошёл с Ниной и её подругой Любой, которая занималась академической греблей и проживала с Ниной в одной комнате. Шла зима. Декабрь месяц. Соревнований не было, приближался Новый год. Выпив бутылку портвейна на двоих, подруги отправились за стипендией. Пришли на станцию Сходня, чтобы на электричке доехать до Москвы. Спокойно стояли на платформе и ждали поезда. В нескольких метрах от них оказалась группа подвыпивших мужчин. Они заметили девушек внушительных размеров. Один из них раздухарился, подошёл к Нине и стал с использованием нецензурной лексики громко, очевидно, для своих друзей живописать, о том, что бы он с ней сделал в сексуальном плане. Нина спокойно ему заметила: «Мужик, глохни, а то мало не будет!» А он ещё

больше разошёлся. И тут Нина ему с размахки – как метала диск – с правой двинула в плечо. Он оторвался от платформы и... полетел. Перелетев через пути, упал. Хорошо, что не ударился головой о рельсы. Повезло, что не было проходящего поезда, и он остался жив, иначе бы закончилась карьера хорошей, перспективной спортсменки.

Это видели не только друзья, но и люди, ожидавшие элек-

тричку. Все смотрели на Нину с нескрываемым уважением. За этим «полётом» наблюдал и милиционер, дежуривший на станции. Он знал наших спортсменок, подошёл к девушкам и пригласил их в комнату милиции. Спросил, куда они собрались. Сказал: «Успеете. До следующей электрички пятнадцать минут». А Нине подал лист бумаги, ручку. «Пиши объяснительную начальнику железнодорожного отделения милиции станции Сходня. Пиши: «Я обязуюсь не бить мужиков (именно мужиков, а не мужчин) на станции Сходня и в округе». Забрал объяснительную, улыбнулся, пожелал удачи и добавил: «Смотрите, в Москве никого не осальте».

Эту объяснительную я видел сам. Впоследствии Нина многого добилась в спорте, а точнее в спорте высших достижений.

Ялта

Первый раз я приехал в Ялту с родителями в начале пятидесятых годов. Мы много ездили на экскурсии, но мне запомнилось только посещение дома, где проживал Антон Павлович Чехов, и городская набережная. В последующем в Ялте бывал не раз в деловых командировках – ничего интересного.

Расскажу, как я, неожиданно для себя, отметил свой день рождения в этом городе. Традиционно перед открытием курортного сезона в Крыму в Ялте в конце апреля собирались криминальные лидеры. Главный вопрос – это мир в Крыму на весь сезон отдыха с 1 мая по 30 октября. В общем, МИР и только МИР на полуострове, и чтобы никаких национальных выступлений – только зарабатывание денег... Деньги и только деньги. Надо сказать, что все эти условия выполнялись, нарушений не было. В 1995 году я решил неделю отдохнуть в Ялте – в бывшем санатории КГБ СССР. Разместился в номере с видом на море. Сходил искупался, хотя вода была всего двенадцать градусов. После решил прогуляться по набережной. Проходя мимо ресторана «Ялта», вдруг услышал, как меня приветствует молодой парень, который стоял у ресторана. На дверях висела табличка «Закрывается на спецобслуживание». Я в ответ тоже поздоровался и продолжил прогулку. В конце набережной сел за столик в открытом кафе, заказал

кофе и мороженое. Погода прекрасная, светило солнце, было не слишком жарко, море слегка штормило. Настроение соответствовало погоде. В этот день был мой день рождения. Вот так я его отмечал – кофе, мороженое, море. В хорошем настроении я возвращался в санаторий. Проходя в очередной раз мимо ресторана, вижу: стоит тот же парень, который со мной поздоровался. Говорит, обращаясь ко мне по имени-отчеству: «Прошу заходите, вас там ждут». Я удивился. Молодого человека я так и не вспомнил, да и ни с кем не договаривался о встрече. Подумал, если зовут, то надо зайти, хотя бы узнать, кто меня приглашает, и я зашёл. Меня встретил метрдотель, провёл в отдельный кабинет, в котором за столом сидело более десяти человек зрелого возраста. Я поздоровался, мне ответили. Ввиду того, что зашёл с улицы, где ярко светило солнце, то в темноте я сразу никого не узнал, но, приглядевшись, понял, что с тремя из них знаком. Встречались в Москве при определённых обстоятельствах. Я, конечно, понял, как они оказались в Ялте. Все люди серьёзные – с «авторитетом». Спрашиваю: «Удобно ли моё присутствие?» Улыбаясь, мне говорят: «Все вопросы мы уже решили, а сейчас отдыхаем». Думаю, «Никуда не спешу, скорее всего, это ненадолго». Прошло около часа, и я начал придумывать, как мне красиво уйти, не обидев компанию. Вдруг один из моих знакомых говорит: «А сегодня у уважаемого нами человека, сидящего за этим столом, день рождения». Тут я сказал себе: «Всё, приехали!» Подносить рюмку ко рту

и делать вид, что пью, уже не удастся, – будет приковано внимание всех. В общем, понеслось.

Вскоре решили поехать в горы. Там был хороший ресторан, и в тот вечер там играл джаз, а это моя слабость. Я «зарядил», в смысле дал денег в оркестр, мне как-то надо было ответить, деньги были, шёл первый день отпуска. Я «разошёлся и расходился», как в известной песне Высоцкого. Рядом с рестораном стояла скульптура лошади, я оказался на ней с шашкой наголо. Это зафиксировано на фото. Фотография какое-то время висела на доске у ресторана. Один из моих знакомых примерно через месяц по случаю оказался там. Увидев снимок, он договорился с фотографом и привез фото в Москву, где и передал мне с комментариями. Сказал, что меня там хорошо запомнили. Праздник удался. Итак, утром я проснулся в номере. Побежал к морю вниз по лестнице. Проплыл прилично, хотя вода и не стала теплее. Скажем, привёл себя в порядок. Вернувшись в номер, увидел на столе конверт. Утром я его не заметил. Открываю – там деньги и записка: «Хорошего отдыха!». Со всей ответственностью заявляю: все последующие дни рождения трезвые. Людям, с кем отмечал, благодарен за их порядочность – информация не вышла за пределы нашей компании.

Нью-Йорк

«Я в восторге от Нью-Йорка города.

Но кепчонку не сдерну с виска.

У советских собственная гордость:

На буржуев смотрим свысока».

В. Маяковский

По стране твёрдой поступью шли девяностые годы, жить не стало лучше, но стало веселей. Этот рассказ о двух друзьях и их пребывании в Америке, точнее в Нью-Йорке. Владимир бывший спортсмен, Роман же в своё время прилично лабал, в смысле играл, на трубе в одном известном оркестре. Но наступили девяностые, и он решил заняться бизнесом. Впоследствии стал финансистом. В Америку друзья поехали не для того, чтобы посмотреть, а чтобы заработать – снять наличные в банке и не в рядовом, а в Bank of New York. Дело ставил дон Ричи, смотрящий за Нью-Джерси. Дедушка Ричи был консьюльери у знаменитого гангстера Аль Капоне – босса чикагской мафии. Аль Капоне считается одним из основателей организованной преступности в США эпохи сухого закона и Великой депрессии, автором системы отмывания денег и такого понятия как рэкет. С последним утверждением позвольте не согласиться. Отмечу исторический факт. В России в городе Одессе за двадцать лет до Аль Капоне всё это внедрил в жизнь Михаил Винницкий, он же Миша Япон-

чик. А в настоящее время это прижилось и утвердилось не только в Америке, но и в России. Мир преступный отдыхает, то есть здесь «мы впереди планеты всей».

Итак, Нью-Йорк. Встретили друзей достойно. Пригласили поехать в Нью-Джерси к Ричи. Он предложил, чтобы они проживали у него в доме. Друзья вежливо отказались. Разместились в одном из отелей Бруклина. С собой из России было взято пять бутылок водки, но решили к ней не прикасаться. Горничная, которая убирала номер, их видела, и, понятно, удивилась, что двое русских пятеро суток трезвые. А дальше ещё интересней, так как через неделю все бутылки были отданы ей. От удивления она широко открыла и рот, и глаза. Ребята прожили ещё две недели, и все служащие гостиницы на них смотрели с удивлением. Для того, чтобы передвигаться по Нью-Йорку, нужна не только машина, нужно иметь права. Автомобиль им дали, а вот права они с собой не взяли. Друзей повезли в офис на Брайтоне. За сто долларов на двоих там сделали международные права. С этими правами они ездили потом не только в Нью-Йорке, но и Москве, удивляя гаишников. Те права не отобрали.

Нью-Йорк город большой. Хотелось хоть что-то посмотреть. Из машины много не увидишь. Для того, чтобы что-то увидеть, надо много ходить. Купили по паре кроссовок. Владимир ошибся с размером, за что и жестоко поплатился – стер ноги в кровь. В какой-то момент решил идти босиком. Они возвращались в отель, но тут рядом притормозил

джип. Оттуда на русском: «Ребята, довезти?» «Нет, спасибо, гостиница рядом». Зашли в аптеку, купили бинты и ножницы. Владимир сам себе сделал мини операцию – вскрыл мозоли. Надо было идти на встречу. А как идти? Стали думать, как решить проблему Владимира. Была суббота. Рядом с гостиницей находился небольшой рынок. Рома сходил туда и купил сандалии. Осмотрев их, удивились. Такие сандалии продавались в Советском Союзе в шестидесятые годы.

Так как до понедельника друзья были свободны, решили пройтись по городу. Люди Ричи предложили сопровождать их. Решили отказаться, чтобы не привлекать лишнего внимания. Погуляли по Брайтону. Погода стояла хорошая – был сентябрь. Роман решил искупаться. Отправились на пляж. Владимир остался на берегу. Рядом разговаривали четверо довольно пожилых людей, уловил одесский говор. Он спросил их: «Вы из Одессы?» Ответили утвердительно. «А мы из Москвы, но отец у меня одессит». Один из них, самый пожилой, как потом узнал Владимир, спросил: «А кто? Может быть, знаю?» Владимир назвал имя и фамилию отца. Собеседник развёл руки в стороны, повернулся к друзьям и говорит: «Фима, представляешь, это сын Люсьена!» Владимир спросил: «Вы знали моего отца?» «Что значит знали. С детства. Ваш отец, Владимир, уважаемый человек города Одессы». Спросили: «А где он сейчас? Жив ли?» «В Европе». Они кивнули, не стали уточнять. Роман вышел из воды, с ним поздоровались, пригласили в ресторан на набережной.

Роман с удивлением посмотрел на Владимира. Тот сказал: «Это друзья моего отца, они знали друг друга с детства». Однако пришлось отказаться. Не пить было нельзя, а мои герои дали зарок не притрагиваться к спиртному во время пребывания в Америке.

Утром в понедельник за ними на огромном «Плимуте» приехал Юджин, он же Юрий. Он отвёз их в офис, где должны были обговорить детали дела, ради которого приехали в Штаты. Отдельно хочется рассказать о Юрии. До приезда в Америку он жил во Владивостоке. Где родился, он не знал. После рождения оказался в детском доме. В 1990 году ему исполнилось четырнадцать лет. Ещё в приюте связался с бандитами. Занимался фарцовкой в основном с американцами и японцами. Прилично говорил на английском. Парень не без способностей, да и в деле был не из робких. Всё это могло закончиться для него печально, как и для многих пацанов на кровавой заре девяностых. Но его величество случай всё изменил. К ним в детдом приехали американцы. Среди них был пилот, который работал в компании Рап Лшепсап. Так получилось, что во время общения подросток заговорил с лётчиком на английском языке, что того очень удивило. Во время разговора, так уж получилось, Юрий, не тая рассказал о себе всё. Через три дня его вызвал директор детдома и сказал, что Майкл, так звали лётчика, хочет его усыновить, и просил приготовить для этого все надлежащие документы. Юра не просто удивился, он этому не поверил, потому

что в это поверить было нельзя. Ну, кто усыновит парня четырнадцати лет? Спросить было некого – Майкл улетел, и Юрий вернулся к своим пацанским делам. Но чувства ему подсказывали: «А вдруг получится. Это шанс!» Где-то через месяц вернулся Майкл. Привёз все положенные от себя и жены документы. Времена были не простые. Конечно, кому надо занёс. Юрий это почувствовал по отношению к себе руководства детдома. Через год он поступил в коммерческий колледж Нью-Йорка. Учился хорошо, занимался спортом, совершенствовал английский, но случилась беда – за месяц окончания колледжа Майкл и его супруга погибли в автокатастрофе. Несмотря на это, Юджин успешно закончил колледж. Через полгода он получил наследство. Очень приличные деньги, хороший дом. Ещё через год стал гражданином США. Впоследствии открыл турбюро. Бизнес у него шёл успешно. Юджин стал законопослушным гражданином своей страны. Дополнительно выучил испанский и итальянский языки. Что его связывало с Ричи? Известно только то, что Майкл и Ричи были в дружеских отношениях, но в свои дела он Юджина не посвящал.

Итак, о деле. А дело, увы, не получилось. Помешала, как ни странно, дочь Ельцина. К ней были вопросы у службы безопасности и руководства Bank of New York. Эта история известна общественности. Володе и Роману, как говорят в Одессе, «стало кисло». «Прогнали порожняк». Времени до отлёта было достаточно. Друзья решили поближе познако-

миться с Нью-Йорком и покататься на метро.

Хотелось бы сказать пару слов за Южный Бронкс – известный криминальный район Нью-Йорка. На одной из станций метрополитена друзья встретили компанию грузин. Один из них был из Потти. Владимир рассказал, что много лет подряд бывал на сборах в этом южном городе. Из разговора выяснилось, что у них был общий знакомый – директор порта Валерий Гигидзе. Компания ехала на свадьбу, естественно, пригласили и Владимира с Романом, но утром у друзей был самолёт, и они отказались. Отправились дальше. Вышли из метро в Южном Бронксе. На улице стало темнеть. Друзья обратили внимание, что на выходе служащие станции, кстати, все чернокожие, удивленно смотрят на них. Надо уточнить, в Южном Бронксе проживают в основном афроамериканцы, пуэрториканцы и латиноамериканцы. Выйдя из подземки, друзья заметили, что на улице стоят группы молодых парней, провожающих их недобрыми взглядами. Они увидели кафе, решили не испытывать судьбу и зашли туда. Позвонили Юджину. Когда он услышал адрес места, не удержался от известного нецензурного слова и велел: «Из кафе не выходите, через пятнадцать минут за вами приедут». Действительно, через четверть часа подъехала машина, и любителей приключений отвезли в гостиницу.

Последнее, о чём хотелось бы рассказать о пребывании в Нью-Йорке, – это встреча с таксистом, бывшим жителем Харькова. Друзья познакомились с ним, когда ехали в Нью-

Джерси на встречу с деловыми людьми. Водителя звали Николай. Спросил: «Как дела в Союзе?» И вдруг: «Ребята, вы ели их яблоки? Они даже яблоками не пахнут. Я часто вспоминаю Харьков. Хорошая жизнь была в Союзе!» Владимир сказал: «Николай, так возвращайся, в чём дело?» «Да я бы с удовольствием, но меня на червонец примут прямо с трапа. Должок имеется, и сын тут сидит. Связался с пуэрториканцами. Наркотиками торговал. Да уж, раскидало нас, советских, по всему миру, а души и сердца остались в Советском Союзе». На следующий день друзья улетели.

Партизан

Каждый человек – кузнец своего счастья. По крайней мере, так говорят. Был у меня в молодости сосед дядя Женя. Этот человек в буквальном смысле и являлся строителем своей судьбы. С четырнадцати лет помогал отцу, который был деревенским кузнецом. Женя махал молотом как заправский мастер. От природы – богатырь, один из основных кулачных бойцов в своей деревне. Как-то в праздничной битве «деревня на деревню» сильно приложил двоих соперников: одному сломал челюсть, второму – ребро. Их еле откачали. По тем временам, дрались в голый кулак.

Молва о его силе и умении вести бой распространилась по всей округе. Парня стали сторониться, и как-то вечером за ужином отец сказал: «Всё сын, хватит удаль показывать, ещё зашибёшь кого ненароком. Давай, собирайся, поедешь в Москву. Учиться тебе надо. Наша тётя Глаша работает в ФЗУ при заводе имени Сталина». Так отправился Женя в столицу. Заканчивалось лето 1937-го. Как следует из истории, это был год начала репрессий. Но оставим данную тему в стороне, так как нашего героя и его тётю Глашу они никак не коснулись. В сентябре Евгению дали койку в общежитии. Жизнь шла своим чередом: учёба, работа и спорт (как же без него?). Спортивные деятели не могли не заметить такого парня. Женя начал заниматься в секции гиревого спор-

та. Быстро добился там приличных результатов и перешёл в секцию штанги, которая только что открылась. Выступал в этих видах успешно, да ещё хорошо бегал спринт. Потом неожиданно увлёкся стрельбой.

В конце 1938 года в СССР начали сдавать нормативы на знак «Ворошиловский стрелок». Своим названием знак обязан случаю, произошедшему в один из летних дней 1932 года на Барановском полигоне, где проводились командирские стрельбы, на которых присутствовал нарком Клим Ворошилов. Очевидцы рассказывают, что он очень внимательно наблюдал за стрельбой красных командиров и остановился у одной из мишеней, где не было ни одной пробоины. Смущённый стрелок что-то бормотал о никудышном нагане. Не говоря ни слова, нарком взял у него из рук оружие и шесть раз выстрелил по мишени, выбив пятьдесят девять очков. Возвращая револьвер командиру, он сказал: «Нет плохого оружия, есть плохие стрелки!» На следующий день окружная газета поместила снимок этой мишени с лозунгом «Учись стрелять по-ворошиловски!». На стрельбах Женя удивил инструктора своим результатом несмотря на то, что винтовку он держал впервые. В дальнейшем серьёзно увлёкшись стрельбой, стал призёром чемпионата Москвы среди старших юношей, но и штангу не забросил.

В 1940 году его призвали на службу в Красную Армию. И в армии тоже не обошли вниманием. Там он продолжал заниматься спортом и осваивать снайперское дело. В общем, шли

обычные армейские будни. И вот наступил роковой 1941 год. Тем летом Женя оказался в Смоленской области, недалеко от деревни, в которой родился. Его часть находилась здесь на летних сборах. 21 июня Женя стоял в наряде по охране лагеря на одной из вышек, расположенных по периметру лагеря. Раннее утро 22 июня было тихим. Рассвет только-только занимался, и в этой тишине он услышал нарастающий гул. Посмотрев в небо, увидел армаду самолётов с крестами на фюзеляжах. И когда впоследствии вспоминал о начале войны, отмечал, что не был удивлён. Разговоры о войне шли давно. Однако все знали, что 23 августа 1939 года был подписан пакт о ненападении, так называемый пакт Молотова-Риббентропа. Только подумал об пакте, как полетели бомбы. Одна легла рядом с одним из входов в казарму. Из других дверей стали выскакивать красноармейцы в исподнем. Следующей бомбой накрыло бегущих. Через некоторое время, когда пыль и дым рассеялись, Женя увидел, что из четырёх вышек уцелела только та, на которой он стоял. Другие снесло взрывной волной. Спустился, побежал к догоравшей казарме. Стало очевидно, что в неё попало ещё несколько бомб. Осмотрелся. Вокруг живых – никого, только разбросанные фрагменты тел однополчан. Стало жутко – зрелище не для слабонервных. Побежал к дороге в надежде кого-либо встретить, чтобы прояснить ситуацию. После часа ожидания, а определял время только по часам, которые ему подарили за победу на соревнованиях по штанге, отправился в сторону Смолен-

ска. Прошёл километров десять и увидел полуторку и рядом с ней красноармейца, который её осматривал. Подошёл ближе – красноармеец из его части, Николай. Так обрадовались друг другу, как будто не виделись вечность. Во время налёта Коля также стоял на одной из вышек. Когда началась бомбёжка, вышка зашаталась и начала падать. Не растерявшись, прыгнул, обошлось без травм, потому как попал в небольшое болотце. Хотел бежать, но понял, что потерял винтовку. К счастью, быстро нашёл и пошёл к дороге, где они и встретились. Парни решили посмотреть, что в машине. Оказалось, в грузовике полно штабных документов. Сразу не придали этому значения.

Решили ехать в Смоленск на полуторке. Водить машину Евгений умел, просто у него не было прав, а Николай был профессиональным водителем. Сели, завели, поехали и стали размышлять. Документы штабные, секретные, без сопровождения и охраны, остались на территории, не занятой немцами. Значит, все испугались и попросту драпанули. Женя с Николаем решили не испытывать судьбу. Подогнали машину к комендатуре, но остановились на всякий случай в метрах двухстах от неё. Местонахождение комендатуры они знали. Вышли спокойно из машины. Кстати, ни на машину и тем более на них никто не обратил внимание. Вокруг суета, мат, никто никого не замечает. Погуляли с полчаса, осмотрелись и пошли докладываться коменданту. Он спросил, кто они и откуда. Чётко доложили, предъявив документы. Узнав,

что Николай шофер, комендант обратился к капитану, который находился в кабинете: «Оформляй». Капитан с Колей вышли. Больше Евгений Николая не видел.

Далее, просматривая Женины документы, комендант увидел удостоверение «Ворошиловского стрелка». Спросил: «И значок есть?» Женя ответил: «Есть, но я его оставил дома». «В соревнованиях участвовал?» – ответил утвердительно и добавил, что является призёром Москвы среди юношей и взрослых. Комендант попросил выйти из кабинета и подождать. Минут через пять туда зашёл капитан, который выходил вместе с Николаем, а через минуту позвали моего героя. В результате Евгений и попал в разведку. Вот так. Уже не Женя, а Евгений. На войне быстро взрослеют!

Три месяца обучения пролетели как один день. Все зачёты и экзамены сдавал только на отлично. Рвался на фронт. Сначала его хотели определить в снайперы, но Евгений был силён не только в стрельбе, но и в рукопашном бою. Так и решили отправить его в группу спортсменов с заброской в тыл врага, к партизанам. Через неделю после сборов группу забросили в Смоленскую область – Евгений попал в родные края, где хорошо ориентировался на местности. Приземлились все удачно, без травм и, что важно, не повредили рацию. Утром связались с отрядом, а к вечеру были уже в расположении партизанского лагеря. Определили Евгения, конечно, в разведку. Начались партизанские будни, описывать которые не буду. О них сказано много, и в кинофильмах они

не забыты. Но один случай, который произошёл с Евгением, заслуживает особого внимания. О нём он рассказал незадолго до своей смерти, а прожил он долгую и достойную жизнь – до восьмидесяти девяти лет.

«Стояло жаркое лето 1942 года. Пошли мы в разведку. Нас трое, я старший группы. Надо было встретиться с поллицем – нашим человеком у немцев, но как-то сразу не заладилось. Напоролись на фашистов. Они стояли на дороге – бронетранспортёр и экипаж мотоциклистов. Раннее утро, сильный туман. Выходим из леса, а они метрах в тридцати-сорока. Я сразу бросил гранату в бронетранспортёр. Попал точно. Ребята дали пару коротких очередей из автоматов, конечно, немецких. Рванули обратно в лес и только минуты через две услышали за собой очередь. Через некоторое время сделали остановку, не для отдыха, а чтобы решить, что делать дальше. Задание очень важное. Информацию необходимо срочно доставить в отряд. Назад пути нет. Я понимал, что у немцев могла быть рация, хотя я гранату бросил точно, но повредил передатчик или нет – это вопрос. Если нет, то они передадут своим о нашей группе. Но задание есть задание, и мы пошли.

Были очень внимательны. Встреча назначена в двадцать два часа на окраине села. В это время было уже темно. Встретились, всё прошло гладко, двинулись к себе в отряд. Шли тихо, часто останавливались, прислушивались. Приблизились к дороге, которую надо было пересечь, но в километ-

рах трёх от того места, где напоролись на засаду. Осмотрелись, хотели ее перебежать, и вдруг – длинная очередь. Мы залегли. Где-то через минуту слышим: «Рус партизан, сдавайтесь!» Об этом и речи быть не могло, потому что каждого из нас при сдаче ждала смерть, и не просто смерть, а смерть под пытками. Я принял решение сдаться, чтобы ребята оторвались от преследования. В общем, всё так и получилось. Я отдал свою винтовку товарищам, поднял руки, громко крикнул: «Сдаюсь!» – и вышел на дорогу. Подбежали немцы. Даже не ударили, чему я был удивлён. Обыскали, не связав, посадили в коляску и повезли. Приехали в деревню, здесь мне связали руки сзади и закрыли меня в сарае. Просидел там часа два-три. Зашли полицаи. Развязали руки сзади и завязали спереди. Принесли воду и кусок хлеба. Сказали, что вечером меня передадут в зондер команду. «Там ты быстро заговоришь или замолкнешь навсегда», – и, засмеявшись, ушли. Я понял, что, если меня хотят передать в зондер команду, притом сами даже не отметили, значит, будут пытать. Надо думать, как оторваться. Верёвка, которой были связаны руки, была обычной. Подумал: «Надо намочить». Вода была – целое ведро. Я опустил руки в ведро и очень долго там держал. Постепенно начал растягивать верёвку, помогал зубами. Постепенно вынул одну руку, вторую вынимать не стал. Плана побега у меня не было. Руки освободил, а что будет, когда выйду, – вопрос. Решил бежать, когда выведут из сарая. Осмотрюсь и рвану. Терять-то нечего.

Лучше пуля, чем пытки.

Под вечер вывели меня из сарая. Я огляделся. Стоят немцы, полицаи – не обращают на меня никакого внимания. Подошёл полицай с карабином. Скомандовал: «Вперед!» И мы пошли. Уточню, шёл я босиком, сапоги с меня сняли. Смотрю, в метрах двухстах горят костры, немцы по пояс голые. Я подумал: «Надо рвать. Это, наверное, и есть зондер команда». Полицай шёл сзади с карабином наперевес. Впереди лужа. Я пошёл по воде. Полицай не захотел мочить ноги и стал обходить лужу, и ствол его винтовки оказался у меня чуть с левого бока, а не за спиной. Это всё и решило. Сработал чётко, как учили в разведшколе. Перехватил ствол, подножка, рывок вправо, и полицай лежит. Я его прикладом со всей дури – по голове и рванул в лес. Где-то через полчаса остановился, прислушался. Тишина, за мной никто не гнался. Осмотрел карабин. Обойма полная, в рабочем состоянии, только деревянная часть приклада разбита полностью. Утром пришёл в отряд. Все страшно обрадовались. Меня уже не ждали. Доложил командиру о произошедшем. Он поблагодарил за сведения. «Я их уже передал в Центр. Они очень важны». Посмотрел на карабин. Взял его, и тут я увидел, что на разбитом прикладе остались следы мозга того полицая. Видимо, удар был страшной силы. Я выпил свою 350-граммовую кружку самогона и пошёл спать».

Таковыми были партизанские будни. Я часто вспоминаю дядю Женю, он меня многому научил, за что я ему благодарен.

Такие простые советские люди, как он, выиграли эту страшную войну. И мы должны им быть благодарны вечно.

Хирургия

В восьмидесятые годы мне пришлось работать с хорошим человеком, заслуженным тренером СССР, главным тренером Вооружённых сил по академической гребле полковником Олегом Васильевичем Ивановым. Его нет в живых, но память о нём осталась. Я многому у него научился. С ним мы были в товарищеских отношениях, общались на «ты», но на официальных совещаниях в Спорткомитете СССР и Олимпийском комитете были только на «Вы», взаимно и по имени-отчеству. Олег, в общем, был крепким мужчиной. Страдал лишь язвенной болезнью – нервы. Как-то с обострением попал в больницу, в институт гастрологии, где работал хирургом наш добрый друг Александр Бараков. В молодости он был хорошим спортсменом. И вот, что рассказал мне Олег, выйдя из больницы.

«Положили меня в больницу, разместили в отдельной палате, начали обследование перед операцией. Вот все анализы готовы, я настраиваюсь на операцию, тут заходит в палату Саша и говорит: «Олег, я ухожу, идём, познакомлю тебя с двумя хирургами, которые остаются на ночное дежурство. Только у меня просьба: возьми пару бутылок водки, а то мне дежурство сдавать. Я был одет в спортивный костюм, взял спортивную сумку в форме башмака фирмы «Адидас», модную в то время, и пулей – в магазин. Возвращаюсь на свой

этаж, встречаю Сашу. Он говорит: «Пошли в ординаторскую. Все на месте». Заходим, а там ещё два человека. Поздоровались, представились друг другу. Саша ставит четыре гранёных стакана на стол, закуски – никакой. Один из хирургов говорит: «Наливай». Я открыл бутылку, налил в три стакана. А все присутствующие, не сговариваясь: «А себе?» Я говорю: «У меня, возможно, завтра операция». Они: «А кто здесь врач? Наливай». Я налил, выпили, бутылка улетела. Саша говорит: «Олег, давай вторую». Я открыл, разлил, но уже на троих. Меня уговаривать не стали. Саша с одним из хирургов оделись, попрощались, сказали: «Олег, не волнуйся, ты в надёжных руках, – и, кивнув на оставшегося, – это дежурный хирург, классный специалист, если что, он сделает тебе операцию». Они ушли. Я отправился к себе в палату, лёг на кровать. Заснуть не смог, думал о хирурге. «Возможно, он и классный специалист, но два стакана в нём сидят конкретно». Как ни странно, к утру мне стало легче. Я уснул. Обошлось без операции».

Олег Васильевич дожил до семидесяти семи лет. Воля и психика человека делают чудеса.

НЛО

Бывает, такое в жизни случается, что и поверить в это невозможно. Верить или не верить – это дело каждого. Вот какой случай произошёл со мной в сентябре 1986 года.

Я с командой был на сборах в городе Краснодаре. Жили в гостинице стадиона «Динамо». Где-то за пару дней до окончания сборов я должен был ехать на совещание в Ростов-на-Дону. Собирался провести ночь в поезде, хотя уезжать не хотелось, по телевизору шёл фильм «Торпедоносцы». Раньше, я видел его, но хотел посмотреть ещё раз. Я и сейчас смотрю его с большим удовольствием. Считаю, что это один из лучших фильмов о Великой Отечественной войне. Приехал на вокзал – билетов, конечно, нет, да и быть не могло. Поезда шли с юга, народ возвращался из отпусков. Встретил знакомого чекиста, который дежурил на железнодорожной станции. Он мне сказал: «Не мучайся, завтра утром заеду за тобой на машине и отправлю на автобусе в Ростов». Дал машину и меня отвезли в гостиницу.

Вернулся я где-то к двенадцати ночи, но Евгений Владимирович, мой сосед по номеру, ещё не спал. Лежал на кровати, одним глазом смотрел фильм и читал журнал, в котором был опубликован роман «В августе 44-го» Владимира Богомолова, с автором Евгений Владимирович был знаком лично. Я тоже лег на кровать и решил досмотреть фильм. Вдруг

мне будто по голове ударили и сказали: «Подойди к окну». Окно выходило на футбольное поле, но находилось в ногах, и мы не могли видеть, что было за ним. Я подошёл к окну и обомлел, крикнул: «Дядя Женья, быстрее сюда!» Он вско-чил, подлетел к окну и, посмотрев в него, сказал: «Ни хрена себе!» Над стадионом висела тарелка в форме шляпы, кото-рая вся светилась. Внезапно из неё появились четыре луча яркого света, направленные вниз, но через пару секунд они исчезли, и тарелка под углом примерно градусов сорок пять мгновенно ушла, превратившись в точку, и затем исчезла. Погода стояла хорошая, всё небо было в ярких звёздах. Мы стояли у окна и ошарашенно молчали. Что было удивительно для нас – за тарелкой не осталось никакого следа, как у са-молётов или ракет. Когда пришли в себя, долго не могли за-снуть под впечатлением от увиденного. Дядя Женья говорит: «Завтра ребятам скажем, так не поверят, засмеют, скажут, что старый с молодым «дали под планку», в смысле приняли на грудь лишнего». Я ответил, что рано уезжаю и ребят не увижу.

В юношеские годы я любил фантастику. Читал Жюлья Вер-на, Станислава Лема, Стругацких и других авторов. Это бы-ло интересно, но я понимал, что такого в жизни не бывает. А в этом рассказе я описал лишь то, что мы видели. Евгения Владимировича вообще удивить было ничем невозможно – три года в партизанской разведке.

Полк

Был у меня друг – настоящий полковник внешней разведки. Жаль, что рано ушёл из жизни. Мне до сих пор его очень не хватает. Я часто, перед тем как принять решение, мысленно обращаюсь к нему, думаю, как бы он поступил в создавшейся ситуации?

С Вячеславом я познакомился в 1967 году. С той поры шли мы по жизни вместе. Так дошагали и до лихих девяностых, но не потерялись в их круговороте. Достоинно и уверенно прошли прямо, не прогибаясь ни перед кем, остались живыми и здоровыми. В конце девяностых – начале двухтысячных я серьёзно занялся воспитанием детей группы риска. Вячеслав знал о моей работе и поддерживал меня. В 2005 году была создана общественная организация «Национальная программа «Неприкосновенный запас – дети Отчизны» по работе с трудными детьми. Нас поддержала Федеральная служба по контролю за оборотом наркотиков. Мы стали проводить военно-спортивные лагеря, в которых офицеры спецназа ФСКН были воспитателями. Лагеря так и называли «Юный спецназовец». Вячеслав мне посоветовал подключить к воспитательной работе Президентский полк, в котором он сам начинал свою службу: «Дело хорошее, полк поддержит это начинание». Он и познакомил меня с командиром Президентского полка генерал-майором Олегом Пав-

ловичем Галкиным. Большой человек – не только по росту, широкой души и доброты, и самое главное – он отвечал за сказанное. Со своими подчинёнными был строг, но справедлив. С Олегом Павловичем мои отношения перешли в дружеские. С Президентским полком мы провели не один десяток совместных военно-спортивных мероприятий. На протяжении многих лет «кремлёвцы» и их знамённая группа приезжали на открытие лагерей, общались с детьми. Надо было видеть лица и восторженные взгляды ребят, ведь большинство из них даже не знали о его существовании, да и в самом Кремле мало кто бывал.

Во время проведения лагерей юные спецназовцы посещали Кремль и обязательно приходили к служащим Президентского полка в Арсенал. «Кремлёвцы» рассказывали о буднях полка, о том, чем занимались до службы, как видят свои перспективы. Воспитательное значение этих встреч неоценимо. Примеров можно привести множество, но остановлюсь на одном.

Как-то в летний лагерь мы взяли отряд из десяти человек из города Мытищи и области. Все были не просто трудные, а очень трудные. Они состояли на учёте в милиции за серьёзные правонарушения. С этим отрядом я и поехал в Президентский полк. Слегка волновался, думая о том, как пройдёт встреча, но ребята вели себя достойно, во время беседы задавали взрослые вопросы, потому как несмотря на свой юный возраст уже прошли серьёзные жизненные испытания.

Они для себя открывали совсем другой, незнакомый им мир, который уже чуть не закрыли для себя.

После посещения гвардейцев я провёл с ребятами беседу, где каждый рассказал о своей судьбе. Все очень сожалели, что не смогут пойти служить в Кремлёвский полк. Вот так одна встреча со служащими полка смогла поменять мировоззрение этих пацанов, которых уже нельзя было назвать детьми, хотя им было по четырнадцать-пятнадцать лет.

Прошло время, и командир Президентского полка Олег Павлович Галкин ушёл в запас. Четырнадцать лет он командовал этим элитным подразделением. За это время изменилось законодательство о службе в Вооружённых силах РФ. Её срок сократился с двух до одного года. В такой сложный период перехода командир и его подчинённые достойно справились с поставленной перед ними задачей.

Олега Павловича на посту командира сменил А. В. Филякин, который многие годы служил в полку. Все программы, которые мы проводили с «кремлёвцами» в течение пятнадцати лет, он поддержал и продолжает помогать в их проведении. Я и мои друзья благодарны Андрею Владимировичу за поддержку наших мероприятий. Все они направлены на воспитание, прежде всего, патриотическое, военнотруженических полка.

Надо отметить большой вклад в наши совместные программы заместителя командира полка Романа Анатольевича Сидорова. Хочу подчеркнуть и заслуги полковника Романа

Вячеславовича Лотвина, к сожалению, безвременно ушедшего, но все мы его будем помнить, как грамотного специалиста, человека чести. В память о нём проводится турнир по боевым искусствам и единоборствам. Людям, которые занимаются воспитанием молодого поколения в духе любви к своей Родине в повседневной жизни армии и флота, огромная благодарность, и хочется выразить её словами великого русского поэта и гражданина нашего Отечества Александра Сергеевича Пушкина: «Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие».

«Клянусь вам моею честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить Отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, какую нам Бог её дал».

Начало пути

Давно я собирался написать о программе «Неприкосновенный запас – дети Отчизны». О её создании и, главное, о людях, которые её организовывали. Программа была задумана в 2004 году. На современном этапе наркомания перестаёт быть проблемой отдельных людей, ударяя в основном по нашему будущему – детям, подросткам и молодёжи, данное зло переходит в категорию серьёзной угрозы генофонду нации, развитию молодого поколения, социальному прогрессу и безопасности страны. Цель нашего проекта – сформировать у воспитанников личные качества гражданина-патриота, а также представление о негативном воздействии наркотиков на здоровье человека, готовность отказаться от любых форм использования наркотических средств и психотропных веществ. Задача проекта – формирование антинаркотического мировоззрения, выработка навыков преодоления негативного воздействия наркогенной среды, стимулирование мотивации к здоровому образу жизни, вовлечение в различные виды социальной жизнедеятельности. Формирование патриотических чувств, взглядов, убеждений, высокой мотивации поведения на основе героических подвигов своих предков, победивших в Великой Отечественной войне.

А теперь о людях, без которых этой программы и сотен военно-спортивных лагерей могло не быть. Василий Юрье-

вич Урбан – автор идеи программы, бизнесмен, председатель Совета директоров ОАО «Тверской городской банк». С Василием Юрьевичем я знаком с 1999 года. За несколько лет до создания «НЗ» он финансировал все спортивные мероприятия, проходившие под лозунгом «Спорт против наркотиков», включая всероссийские и международные турниры.

Как-то в разговоре с ним мы затронули тему наркотиков и воспитания. Он предложил создать организацию/программу по профилактике борьбы с наркотиками, которая будет заниматься трудными подростками, тем более опыт такой работы был с клубом «Гладиатор» и Федерацией самбо города Москвы. Мы решили, что хорошую помощь в этом может оказать созданная в 2003 году Федеральная служба по контролю за незаконным оборотом наркотиков (ФСКН). И пошёл я на встречу с руководителем Департамента межведомственной и информационной деятельности федеральной службы России по контролю за оборотом наркотиков генерал-лейтенантом полиции А. Г. Михайловым.

Александр Георгиевич – интересный человек, трижды генерал, в России один такой. Он генерал-майор разведки (ФСБ), генерал-лейтенант МВД и генерал-лейтенант полиции (ФСКН). Человек творческий. Общественный деятель, писатель, поэт. Разговор сразу пошёл легко. Он понял и одобрил идею создания нашего проекта. Сказал, что ФСКН нас поддержит, но, к сожалению, финансировать не сможет. Я объяснил, что полное финансирование проекта бе-

рёт на себя В. Ю. Урбан. Александр Георгиевич предложил подключить СМИ, с которыми ФСКН уже работала. Я согласился, познакомился с главным редактором газеты «Советник Президента», журналов «Наркомат», «Антидоза» и «Спецназ России» Владимиром Юрьевичем Боровым, который стал соавтором программы и придумал название «Неприкосновенный запас – дети Отчизны» («НЗ

России») – это наше будущее. Эти издания много лет освещали все наши мероприятия, проводимые с детьми. За это я очень благодарен Владимиру Юрьевичу.

Не могу не сказать о прекрасном человеке, который очень много сделал для проекта, – Юрии Николаевиче Буяльском. Он организовывал все наши мероприятия и лагеря, и, что важно, никогда не подводил. Я и сейчас поддерживаю дружеские отношения с ним и с его семьёй и ещё вернусь в своем повествовании к тем людям, которые много сделали для воспитания и перевоспитания детей и подростков России. Многие уберегли от наркотиков и криминала.

За время существования национальной программы были проведены сотни спортивных, культурных мероприятий, включая более семисот военно-спортивных лагерей в пятидесяти девяти регионах страны.

Патриотизм отдельно патриотизмом не воспитывается. Патриотом может стать тот, кто воспитан духовно-нравственно. Это подтверждает мой жизненный и педагогический опыт. У меня сотни крестников и воспитанников, ко-

которые по моей личной рекомендации служат в Вооружённых силах РФ, ФСБ, прокуратуре, МВД, ФСО. Большинство – из трудных. Только в Кремлёвский полк я рекомендовал не один десяток ребят. Многим помог выйти по условно-досрочному освобождению из исправительных учреждений под свою личную ответственность. Никто из них меня не подвёл.

Патриотизм формируется в душе и разуме человека и совершенствуется всю его жизнь, выражается не криком о патриотизме и размахиванием флагом страны. Так делают лжепатриоты – они страшнее диверсантов, потому что разрушают идеологию и структуру государства. А историческая ложь способствует этому. Воспитать патриота может только историческая правда, а не современная ложь. Патриота даже по указу президента страны сформировать нельзя. Ни полюбить, ни разлюбить Родину по приказу невозможно. Одни кричат и даже орут о воспитании патриотизма, а другие ежедневно, ежечасно просто воспитывают в молодёжи любовь к Родине. Формируя патриота, мы формируем культурного человека.

Академик Д. С. Лихачев писал: «Патриотизм – это благороднейшее чувство. Это даже не чувство – это важнейшая сторона и личной, и общественной культуры духа».

Практика

В молодые годы, учась в институте на факультете физвоспитания на четвёртом курсе, где-то в конце ноября мы отправились на практику в Клин. Все хорошие спортсмены. Представляли различные виды спорта. Приехали в город поздно вечером, разместились все в одной комнате общежития местного пединститута. Руководителем нашей практики был назначен выпускник пединститута в Коломне – аспирант нашего института, где должен был защищать диссертацию. Утром встали, пошли в кафетерий, позавтракали. Выбор в заведении был небольшой: или стакан кофе и калорийная булочка, или творожный сырок и бутылка молока. Помню, булка стоила одиннадцать копеек, кофе – столько же, молоко за вычетом – бутылки пятнадцать копеек, творожный сырок – семнадцать. Общую сумму посчитайте сами – не составит большого труда. Такой рацион был для нас привычен, потому что через час-полтора после первого приема пищи начинались тренировки. После завтрака все разошлись группами в три-четыре человека по школам города.

В нашу задачу входило ознакомиться с методической документацией преподавателя и провести пару уроков. На это нам дали два дня. В моей группе кроме меня было ещё два друга футболиста – Дмитрий и Евгений. Дмитрий очень прилично играл не только в футбол, но и в хоккей с шайбой, Ев-

гений же занимался футболом на профессиональном уровне, и на «втором этаже» ему равных не было – смело выпрыгивал и играл головой.

Прыгучесть его была от Бога, легко брал высоту в сто семьдесят пять сантиметров. До института Евгений служил в ГСВГ (Группа советских войск в Германии), где играл в футбол. После окончания службы его пригласили в футбольный клуб московского «Динамо», но пойти туда ему запретил отец, который был высокопоставленным чиновником в Министерстве речного флота СССР. Вот так он отобрал мечту у сына. Уверен, что, играя в «Динамо», Женя непременно состоялся бы как футболист. Евгений в то время дружил с известным хоккеистом Александром Сакеевым, который играл в московском «Динамо». К сожалению, Саша очень рано трагически ушёл из жизни. В своё время в хоккее была известная тройка нападения: Александр Сакеев, Анатолий Мотовилов и Виктор Шилов. Женя и Саша дружили с детства и проживали рядом на Таганке. Александр мне не раз говорил, что Женька футболист от Бога, и жалел, что у него не сложилось.

Итак, пришли мы в школу, познакомились с учителем. Это был уже довольно пожилой человек, бывший военный, офицер, прошедший войну, не имевший высшего физического образования. Школьный спортивный зал находился в полуподвале. Мы были послевоенным поколением, потому отнеслись к учителю с пониманием. Конечно, никакую

документацию мы у него даже не смотрели. Сразу составили отчёт, все трое подписали. Учитель был очень доволен, достал бутылку коньяка (он был предупреждён о нашем посещении). Мы вежливо, не сговариваясь, отказались. Поспешили в общежитие. Где-то к четырём часам подошли остальные, и все вместе пошли пообедать в кафе.

Надо сказать, что ребята были все взрослые и не без заслуг в спорте. Большинство проживало в Подмосковье. Конечно, заказали вина, посидели, показалось мало – добавили. Как водится, задержались до ужина. В общем, и обед, и ужин удались. Возвратились в общежитие, там заметили девушек – институт -то педагогический: литфак, истфак, биофак. Тут и началось настоящее веселье. Сбегали за печеньем, конфетами, вином. Появилась гитара. В нашем коллективе многие хорошо играли на этом популярном инструменте, но профессиональнее всех – гимнаст, мастер спорта СССР, хороший парень Георгий. Интересно, что впоследствии он играл в джазовых оркестрах, но уже на саксофоне.

Начали с лирических песен, постепенно перешли на «блатняк» и, конечно, закончили частушками – ни слова без мата. Часам к двенадцати все успокоились, правда, ночью сорвали дверь у девушек, но они не возмущались. Успокоить нас пытался аспирант, грозился написать декану и ректору, тут его послали по всем известным направлениям, и он замолчал. Хорошо ещё, что его никто «не осалил», в смысле – не ударил.

Наутро проснулись, отправились завтракать. Ребята, которые сломали дверь, пошли к коменданту, извинились, взяли инструменты, починили дверь. Сделали на совесть – лучше и надёжней, чем была. Комендант, пожилая добрая женщина, осталась довольна, да и от девушек претензий и жалоб не поступало. День прошёл спокойно и уже без спиртного. Вечером выехали в Москву – на следующий день у всех учёба и тренировки. Начался обычный учебный процесс. О поездке в Клин даже не вспоминали. Однако где-то через неделю на перемене подходит ко мне заместитель декана, просит найти Диму и Женю и срочно явиться в кабинет декана.

Заместитель декана Вадим Павлович был настоящим полковником, прошёл все испытания войны в пехоте. И вот мы в кабинете декана факультета, Бориса Николаевича Никитского. И только за нами захлопнулась дверь, Борис Николаевич, обращаясь к нам: «Да вы что? О...ли? Не могли на месте закрыть вопрос с этим м...м аспирантом?» Мы стоим с открытыми ртами и глазами, не понимая, о чём идёт разговор. Декан продолжает: «Аспирант написал мне докладную, что не главное, а ещё самому ректору Ноздрёву». Взял со стола листок и огласил написанное. Закончив читать докладную записку, Борис Николаевич продолжил: «Дима, вопрос, прежде всего, к тебе и Гене. Дима, ты секретарь комсомольского бюро факультета, член комитета комсомола института и кандидат в члены КПСС, а ты, Гена, секретарь комсомольской организации факультета. С вас и спрос! А теперь, что-

бы вас не отчислять из института, придётся вам оформлять академический отпуск. У нас с Вадимом Павловичем выхода нет. Завтра после занятий проведём общее собрание преподавателей и студентов, которые были на практике в Клину. Вас ребята уважают. Объясните им ситуацию. От этого зависит судьбы не только ваши, но и двоих ваших друзей, которых после этой докладной я просто вынужден отчислить. Я на вас надеюсь! Уверен, что вы меня и Вадима Павловича поняли».

Мы пошли к ребятам. Рассказали о разговоре с деканом и его замом. Они всё поняли – такие не подведут.

Вот идёт собрание. В президиуме Борис Николаевич, Вадим Павлович, заведующие кафедрами. Виктор Петрович Ратников – прекрасный специалист, порядочный человек, Валентин Липатов представлял футбол, судья международной категории, Лев Николаевич Жилкин – тренер сборной команды по лыжам, Александр Николаевич Макаров – доктор педагогических наук, в прошлом известный легкоатлет, бегал на средние дистанции, член сборной команды СССР. Кроме них был там и известный уже аспирант. Ни имени, ни фамилии не помню. Борис Николаевич объявил повестку собрания, зачитал докладные записки. Мы спокойно выслушали. Далее пригласили Дмитрия, чтобы тот, как комсомольский вожак дал оценку и рассказал о поездке. Он спокойно вышел и с невозмутимым видом стал рассказывать, что все преподаватели и директора школ нами были до-

вольны и написали положительные отчёты руководству нашего факультета. Борис Николаевич утвердительно кивнул. Дмитрий продолжил: «Да, вечером за ужином выпили по сто граммов сухого вина и в общежитии вместе с девушками пели наши комсомольские песни». Я сидел на первом ряду прямо напротив декана. Меня чуть не разорвало от смеха, но сдержался. Вдруг почувствовал, что мой стул затрещал. Это Володя, сидевший позади, еле сдерживался, и, чтобы не рассмеяться, вцепился в спинку стула. Весь президиум спокойно, не перебивая, выслушал Дмитрия. Думаю, отцы-командиры хотели нас немного пожурить и закрыть собрание, но рассказ «про сто граммов сухого на каждого» возмутил Александра Николаевича Макарова, кстати, его как учёного знали не только в СССР, но и мире. Он, обращаясь ко всем нам, возмутился: «Вы что хотите сказать, что Эдик со ста грамм сухого блевал? Да он бутылку, а то и две водки без закуски выпьет и даже не икнёт». Аудитория взорвалась смехом. Только Эдик, который сидел справа от меня, с удивлением спросил: «Откуда он знает? Я при нём пил-то один раз. Да и все пили на демонстрации седьмого ноября». Я ему: «Спокойно. Всё будет нормально!» На этом собрание закончилось. Борис Николаевич, обращаясь к аспиранту, сказал, что ребята всё поняли и такое больше не повторится. А мы всей группой разъехались по тренировкам.

На следующий день мы с Дмитрием зашли в деканат поблагодарить Вадима Павловича и Бориса Николаевича за

поддержку. Все ребята, которые были на практике, в дальнейшем состоялись как тренеры и преподаватели, а Дмитрий – Дмитрий Иванович Фоменко – стал заслуженным учителем Российской Федерации, а недавно и Почётным жителем Звёздного городка.

Спорт – посол мира

В юности, занимаясь спортом, знакомился и дружил с представителями разных видов спорта. С одними дороги жизни разводили, с другими сводили. Во многом этому в моей жизни помогли «лихие девяностые». Мы ездили на встречи как на войну, и, соответственно, готовились к бою, а приезжая, я часто встречал товарищей, которых не видел десятилетиями. Дружеские отношения опять восстанавливались. Так произошло и на встрече, состоявшейся в 1992 году.

В то время я работал в службе безопасности одной из известных фирм, которой руководили два бизнесмена. Возглавлял наше подразделение Борис Владимирович Ключков, полковник КГБ СССР. Он воевал в Афганистане, за что имел правительственные награды, впоследствии работал личным телохранителем у Юрия Владимировича Андропова.

Вот что-то не срослось у наших бизнесменов с одним партнёром из Украины. Зависли серьёзные деньги. И как-то в марте к офису, что находился в доме рядом с метро «Новые Черемушки», в микрорайоне, который в народе называли «Царским селом» за то, что там проживали семьи высоких советских чиновников, подъехало несколько машин. Из них вышли люди, по внешнему виду – бандиты. Трое из них направились к офису. В это время я случайно оказался на

улице. Подошли ко мне, поздоровались, вежливо спросили, можно ли увидеть ... (назвали имена, отчества и фамилии наших бизнесменов). В этот момент один из них был на месте. Попросив их подождать, я пошёл к Борису Владимировичу. Он выслушал меня и пошёл в кабинет к бизнесмену, по «чью душу» пожаловали гости, быстро вышел: «Пусть заходят!»

В кабинет зашёл высокий, спортивного сложения парень лет тридцати. Все наши ребята были «на внимании». Минут через десять он вернулся вместе с бизнесменом. Тот, обращаясь ко мне, сказал, что едем в другой офис, который находился у метро «Алексеевская». Мы сели в свой «шестисотый». Вся кавалькада машин выстроилась за нами. Домчались, вошли в офис, тут к троим гостям добавился четвёртый – плотного телосложения мужчина лет сорока пяти. К тому же, там уже находился киевский бизнесмен, которому наши были должны. Я его не раз встречал в нашем офисе. Поздоровались. Бизнесмены пошли беседовать, а мы с гостями стали пить чай. Разговорились, коснулись темы спорта. Старший по возрасту, звали его Владимиром, рассказал, что в молодости играл в футбол, и сейчас часто бывает на базе спортивного клуба вооружённых сил, которая расположена на берегу Днепра. Я поддержал разговор. Сказал, что много лет дружу с руководителем клуба полковником Валентином Загоруцким, бывая в Киеве, всегда останавливаюсь у него на базе. Владимир заулыбался: «И я хорошо знаком с Вален-

тином». В разговор вступил высокий спортивного сложения парень, с которым мы ранее познакомились. Как оказалось, он был хорошим спортсменом, чемпионом Украины по бегу на четыреста метров. Его звали Александр. Он с сожалением сказал, что попал в сборную команду СССР перед развалом. «Вот и занимаюсь тем, чем занимаюсь». Тут вышел киевский бизнесмен и попросил его зайти. Александр снял своё длинное черное кашемировое пальто, модное в то время, под ним был АКМ с рожком. Снял автомат, положил на стол, подмигнул и пошёл на переговоры. Мы остались. Пили чай и разговаривали. С нашей стороны было всего двое: я, как телохранитель, и водитель Игорь. Ещё минут пять обсуждали общие темы, вдруг Владимир, прервав разговор, извинился перед Игорем, сказал, что хочет поговорить со мной наедине. Остались вдвоём: «Геннадий, – говорит он, – дело серьёзное. Ваши не правы по-любому. Они подставили не только нашего «бизнюка», но серьёзных людей в Америке и Канаде. Это был общий деловой проект. Меня подключили в последний момент на всякий случай, если с вашей стороны появятся «деловые». Я с киевского Подола, там и родился, «в законе». Я кивнул и сказал: «Есть песня, в которой такие слова: «Какой же Киев без Подола, какой Владимир без Креста». Про свою принадлежность к криминалу Владимир мог бы мне не говорить, наколки на кистях его рук я ранее уже прочёл. Владимир продолжил: «Этого вашего кренделя мы должны забрать с собой в Киев как заложника, пока не

переведут деньги. Но это будет не правильно, так как у нас тобой общий товарищ – Валентин. Я тебе верю на слово, но, вообще, этот твой подопечный не стоит того, чтобы его отпустить, не наказав. Когда разговор закончится, я ему при тебе скажу, что его отпускаю только из уважения к тебе, а Александру я объясню».

После этого вспомнили ещё одного представителя украинского спорта – Леонида Каневского, заслуженного тренера СССР по академической гребле, старшего брата знаменитого футболиста Виктора Каневского, игравшего за «Динамо» – Киев и сборную команду СССР. Как оказалось, Владимир хорошо их знал.

Наш бизнесмен вышел, был бледен, губы его тряслись. Он подписал все юридические документы, которые требовались для перевода денег. Тут Владимир, обращаясь к нему, сказал, показывая на меня: «Тебя отпускаем из уважения к Геннадию». Мы попрощались, вышли из офиса, подошли к машине, однако предприниматель сказал, что поедет сам. Очень испугался. Подошёл ко мне, пожал руку, сказал, что мне обязан, что достойно отблагодарит. Понятно, обманул. Чего ждать от бизнесмена? Да я и не надеялся.

Вот так закончилась эта история, еще раз показавшая, что спорт – посол мира.

Соперник – только ветер

Проходя службу в Центральном спортивном клубе Военно-морского флота, Школе высшего спортивного мастерства, я подружился с представителями многих видов спорта. Некоторые из них уже ушли из жизни по разным обстоятельствам. Хорошая им память, они принесли славу советскому спорту, пока жив, буду их помнить. А этот рассказ о семье Акимовых.

Их было четыре брата. Все известные ватерполисты. Николай и Виктор – мастера спорта СССР, Анатолий и Владимир – Заслуженные мастера спорта. Анатолий стал чемпионом в Мюнхене в 1972 году, Владимир был победителем московской олимпиады 1980 года. Володя помимо олимпийских игр стал победителем множества международных турниров в составе сборной команды СССР по водному поло, а также чемпионом Европы, мира, обладателем Кубка мира. У него было амплуа защитника. В отличие от старшего брата Анатолия, который играл агрессивно, жёстко, нападающие его боялись, Володя предпочитал действовать чисто, как говорят ватерполисты, «не чокаясь». Он трагически ушёл из жизни – его убили в 1987 году. Ему было всего тридцать четыре года. Убийцы ненадолго пережили его, были наказаны.

Обязательно надо вспомнить воспитателя, тренера, который многое сделал для Анатолия, Виктора и Владимира

(братья играли за прославленный клуб ЦСКА ВМФ) Бориса Абрамовича Гойхмана. Борис Абрамович – вратарь, участник трёх Олимпиад: 1952 года в Хельсинки (это Олимпиада, где впервые приняли участие советские спортсмены), 1956 года в Мельбурне, 1960 года в Риме. На двух Олимпиадах он стал призёром в составе сборной команды СССР и считался «непробиваемым» вратарём, и, если пропускал мячи, то не по своей вине. Я горжусь, что был знаком с ним. С ним всегда было приятно общаться. Хочу привести слова спортивного обозревателя Бориса Валиева из издательства «Советский спорт»: «Борис Абрамович Гойхман – это тот редкий случай, когда один и тот же человек смог стать великим спортсменом и выдающимся тренером, был порядочным и достойнейшим человеком, большим патриотом своей Родины».

Борис Абрамович, полковник, долгие годы тренировал ЦСКА ВМФ и сборную команду СССР. Очень многим спортсменам дал путёвку в жизнь, помог правильно выбрать направление, в том числе и братьям Акимовым. Семья Акимовых жила в районе метро «Автозаводская». Там рядом находился бассейн «Торпедо» от автозавода имени Лихачёва. Первым пришёл в бассейн Николай. Потом он привёл Виктора и Анатолия, а те – младшего, Владимира.

Вот одна история из их жизни. Перед контрольной тренировкой сборной команды СССР по водному поло должны были состояться соревнования по плаванию. Плавание – это

один из основных методов подготовки ватерполистов. Водное поло – игра с мячом, но в воде. Мы с Толей «нарушили» режим и, конечно, с продолжением. Оказались в отделении милиции на Речном вокзале. Однако там к спортсменам клуба относились лояльно, инциденты случались очень редко. Утром нас отпустили. Я поехал домой, а Толя – на заплыв. Дистанция – четыреста метров. Это не «полтинник» и даже не двести. Тем более ответственно, что там должны были присутствовать представители Спорткомитета СССР, армейское начальство и, конечно, кураторы из КГБ, без них – никуда, они же в спорте «главные специалисты». Про этот заплыв я слышал от многих очевидцев. Толя рассказывал, что перед началом к нему подошёл Борис Абрамович и сказал, что «особисту» клуба известно о происшествии, то есть о нём знают все, в том числе и кураторы из КГБ. Деваться некуда, надо быть в тройке, лучше выиграть, чтобы не было вопросов. Как в песне Галича: «Ты ж советский, ты же чистый как кристалл. Начал делать, так уж делай, чтоб не встал».

В ЦСКА ВМФ бассейн пятьдесят метров в длину, двадцать пять – в ширину, дорожки натянули на двадцать пять метров для удобства комиссии. Дали старт. Двести метров – Толя третий, триста метров – первый. Плыли вольным стилем – кролем. Это самый быстрый стиль плавания. До финиша оставалось пятьдесят метров. Вдруг Анатолий сделал переворот на спину перед комиссией и громко крикнул: «Борис Абрамович, соперников не вижу. Акимову соперник – только ветер!» И уверенно выиграл заплыв. Потом долго отходил под душем и ждал своей участи. На разборе против зачисления в сборную команду Анатолия были только кураторы из КГБ. Слово взял Борис Абрамович: «А в Испании

вы вместо него играть будете?» (Чемпионат Европы был в Барселоне). И, улыбаясь, добавил: «Все слышали: Акимову соперник – только ветер?»»

Сборная СССР уверенно выиграла чемпионат Европы, Анатолия на нём признали лучшим защитником.

Друзья-товарищи

Поэт и исполнитель Константин Беляев говорил, что знаменитую песню о евреях «Евреи, евреи, кругом одни евреи» написали сами евреи и немножко он. В песне есть слова: «Говорят, что и в хоккее появляются евреи, посмотри на вратарей, что не маска – то еврей!» Он имел ввиду Виктора Зингера и Владислава Третьяка. В советское время эту песню открыто исполнять было нельзя. Скажем мягко, евреев в СССР недолюбливали, но официально тема антисемитизма была закрыта наглухо главным органом страны – КГБ.

Пример сходу: в 1971 году начался массовый выезд евреев на историческую родину – в Израиль. Исчезли из теле- и радиоэфиров популярные исполнители, принадлежавшие к этой национальности: Аида Ведищева, Вадим Мулерман и даже Эдуард Хиль. Но евреи: спортсмены, представители балета, оперные певцы, которые приносили славу и валюту своей родине СССР, – «евреями» не были, они были «советскими людьми». Даже в ресторанах Союза следили за репертуаром. При нарушении музыкантов наказывали, для них закрывались все площадки страны.

В 1973 году я с друзьями отдыхал в ресторане гостиницы «Белград-2», которая обслуживала иностранцев. Постепенно компания разошлась, и остались я и мой друг Виталий – известный спортсмен, сильный и отчаянный парень. К наше-

му столу подошёл наш хороший знакомый хоккеист Валерий Харламов. Не буду говорить о нём высокопарных слов – Валера этого не любил. Он был порядочным, скромным человеком и настоящим другом. Жаль, что так рано ушёл из жизни, мог бы ещё многое сделать для Родины, которую любил беззаветно. Мы продолжили ужин. Я решил заказать песню «Шаланды, полные кефали». Отец у меня из Одессы, он любил эту песню. Оркестранты вежливо отказали, сказав, что исполнять её нельзя.

Казалось бы, где евреи, а где рыбак-пролетарий Костя? Но закон есть закон. Руководитель оркестра сказал: «Это из-за выезда евреев из страны». Валера его услышал и рассмеялся: «Ну, я еврей ,..., еврей. У меня мама испанская еврейка». Достал пачку червонцев из нагрудного кармана рубашки, и они веером рассыпались по полу. Оркестранты деньги быстро собрали. Сказали, что из уважения к великому хоккеисту песню исполнят, но деньги не взяли. Мы возвратились к столу, Валера повернулся к оркестру и громко сказал: «Два раза подряд, пожалуйста!» – и, улыбнувшись, добавил: «Ну, не дают евреям разгуляться!»

Проводив Валеру до стола, пошёл к чекистам, которые дежурили в ресторане. Они всегда сидели на определённом месте. Одного из них я знал. Объяснил возникшую ситуацию с оркестрантами, и сотрудники госбезопасности с пониманием отнеслись к нам.

Вернёмся к песне о евреях. В неё иногда вставляли ещё

один куплет: «Даже есть один гребец Наум Лейбыч Прокупец». Я с ним знаком – он был и есть мой друг. Наум родился в Молдавии в 1948 году. Время шло послевоенное, жизнь была трудная. Родители его трудились от зари до зари. Позже семья переехала в Кишинёв. Наум, окончив семь классов, пошёл в ремесленное училище – надо было быстрее становиться на ноги, не быть обузой для родителей. Как-то, гуляя, зашёл на гребную базу – с «беломориной» в зубах. Стоял и смотрел, как тренируются спортсмены. На пирсе был тренер, который оценил крепкую фигуру пацана. В «ремеслухе» в те годы слабому было не выжить. Тренер предложил ему попробовать себя в гребле на каноэ. На следующий день Наум появился на тренировке, и надолго остался в этом виде спорта. Большинство своих наград он получил как представитель спортобщества «Трудовые резервы». У некоторых это вызовет улыбку: еврей и «ремеслуха», общество «Трудовые резервы», но как-то так сложилось. Впоследствии стал выступать за известный спортивный прославленный клуб ЦСКА ВМФ, где мы и познакомились. Начав с нуля, через год тренировок, он уже получал стипендию плюс талоны на питание. Семье стало жить легче.

В восемнадцать лет Наум стал чемпионом СССР. Это было так. Чемпионат проходил в Москве на водной станции «Динамо». Гребного канала в те годы в Москве не существовало. Наум легко прошёл в полуфинал на дистанции тысяча метров. И вот дали старт, комментатор: «Старт дан. Греб-

цы прошли стартовую зону. Впереди спортсмен из Молдавии, общество «Трудовые резервы», перворазрядник Наум Прокупец, но это начало дистанции – всё решается на финише. Опытные заслуженные спортсмены, чемпионы уверены в своих силах. На новичка внимания не обращают. Спортсмены прошли пятьсот метров – половина дистанции. Впереди Наум Прокупец. Разрыв увеличивается. Новичок не думает уступать маститым, хотя они уже поняли, что он не шутит и финиш им без боя не отдаст. Да, это победа перворазрядника Прокупца! Он попадает в финал».

На следующий день проходил финал. Тот же комментатор. «Старт дан. Гребцы прошли стартовую зону. Впереди Наум Прокупец. Но заслуженные мастера уже знают силу молодого спортсмена, и это не просто чемпионат СССР, что тоже очень важно. Чемпионат является отборочным соревнованием на чемпионат Европы. Наум не оставляет никому ни единого шанса и выигрывает свою первую медаль чемпиона СССР!» Уже потом было множество медалей чемпионатов СССР, Европы, мира и Олимпийских игр. О Прокупце много написано, не хочу повторяться. Пришло время для него отдать долг Родине. Службу Наум проходил в клубе ЦСКА ВМФ.

Сезон 1970 года у него как-то не заладился. Перед началом дали отпуск. Он поехал домой в Молдавию с условием, что там продолжит тренировки. Ну, конечно, загулял и никаких тренировок не было. Попал в милицию. Сообщени-

ли руководству клуба. Все отборочные соревнования проиграл. Соответственно на международные соревнования не попал. И вот идёт торжественное собрание в клубе, посвящённое 7 Ноября – Дню Великой Октябрьской социалистической революции. Присутствуют руководители клуба, адмиралы из штаба ВМФ. И вдруг замполит капитан второго ранга Самаркин выходит к трибуне и начинает ругать Наума: «Пьёт, дерётся, попал в милицию, и самое главное – у него нет даже тетради по самоподготовке. Позорит честь советского спортсмена». Вообще-то, тетрадей ни у кого из спортсменов не было, у меня точно. Даже адмиралы, сидевшие в президиуме, с удивлением посмотрели на замполита. Всё-таки торжественное собрание, а не разбор персонального дела матроса Прокупца. То, что замполит сказал о Науме, касалось почти всех спортсменов Школы высшего спортивного мастерства ЦСКА ВМФ.

Дополню рассказ о Науме ещё одним случаем. В экспериментальную группу гребцов призвали троих спортсменов из Средней Азии с хорошими физическими данными. Все под два метра ростом. Их выпустили в увольнение. Они пошли в известное кафе советского периода «Времена года», которое находилось на территории парка культуры и отдыха имени Максима Горького. Вернулись пьяные, да ещё и наблевали в казарме. Через пару дней у спортсменов – собрание клуба. Повестка дня – недостойное поведение матросов. Идёт собрание, провинившиеся стояли, понуриив головы. Всё, как

всегда: «Позорите звание советского матроса!»

Я сидел рядом с капитаном второго ранга, заслуженным тренером СССР Аркадием Николаевичем Николаевым. Он прошёл всю войну. Был командиром торпедного катера. Задлый курильщик, а курить в актовом зале нельзя. Он держал пачку «Беломора» в левой руке, а в правой – папиросу, которой стучал по пачке. Вдруг поднял руку и попросил слова. Встал и, обратившись к провинившимся, спросил: «Ребята, скажите нам, именно нам, а не мне, сколько и какого напитка вы выпили на брата? Только честно». Они ответили, что где-то стакана по два водки на каждого. Аркадий Николаевич кивнул и, обращаясь к руководству, выдал: «Наши ребята с двух стаканов водки не падают и, тем более, не блюют. Списать их на флот! Пусть там служат Родине!» Как цскевец подтверждаю слова Аркадия Николаевича. ЦСКА ВМФ – это школа жизни и не только спортивной.

Снова вернёмся к нашему герою – Науму Прокупцу. Наум взялся серьёзно за тренировки. Выиграл в сезоне 1971 года все отборочные соревнования, включая чемпионат СССР, и поехал на чемпионат мира, который проходил в Белграде. Готов был на все сто, но что-то не пошло. Такое в спорте бывает. На анализ времени нет. В разговоре со мной, откровенно признался: «Думал, всё – конец карьере. Спишут на флот!» Взял ящик пива, пошёл на берег, закурил, стал угощать зрителей. Подтянулись спортсмены, которые закончили выступления на чемпионате, и тут к Науму подошёл

его друг по сборной Александр Виноградов, попросил: «Не пей. Бросай курить. Завтра гоняемся с тобой в двойке на десять тысяч метров». На следующий день выиграли дистанцию, как говорят, «в одни ворота» и стали чемпионами мира. Допинг-тесты в те годы не делали. Александр Виноградов впоследствии завоевал на Олимпийских играх две золотые медали (в 1976 году – в Монреале и 1980-м – в Москве).

И вот опять ноябрь, ровно год спустя. Москва, ЦСКА ВМФ, актовый зал. Та же дата и тот же докладчик – невозмутимый замполит Самаркин. Да и аудитория практически та же. «Наум Прокупец – яркий представитель армейского спорта и правофланговый советского спорта. Вы должны на него держать равнение. А ещё – он аккуратно ведёт тетрадь по самоподготовке». Наум чуть не зарыдал от смеха. Многие из присутствующих спортсменов еле сдерживались, чтобы не захохотать.

После собрания нам дали увольнительные. Поехали отметить события. За столом поднимали тосты и за тетрадь, которой, как вы понимаете, и в помине не было, и за капитана второго ранга Самаркина. Наум обладал тонким чувством юмора: «Ребята, ну почему, когда я проигрываю соревнования, мне дают понять, что я еврей, а вот русский так не сделал бы! Когда жея выигрываю медали на Олимпийских играх, чемпионатах мира и Европы, я становлюсь правофланговым советским спортсменом, на которого надо равняться?» Всё, как в известном еврейском анекдоте: «Дяде Васе,

слесарю ЖЭКа, дали билет в одесский оперный театр на концерт знаменитого на весь мир скрипача-одессита. Дядя Вася выходит после концерта, разводит руками и говорит: «Отними у него скрипку, так такой же еврей, как и все!»

Наум достойно прошёл путь советского спортсмена, призёра Олимпийских игр в Мехико, неоднократного призё-

ра чемпионатов Европы, чемпиона мира, стал семикратным чемпионом СССР. Он имеет государственную награду Советского Союза – медаль «За трудовое отличие». Почётно уйдя из сборной команды СССР, продолжил службу, выступая за Группу советских войск в Германии.

Когда спортсмены ехали в ГСВГ, они говорили, что едут в страну «Кримплению». Кримплен в те годы – очень модная ткань. Изделия из неё, как женские, так и мужские в СССР были в цене. Для ребят это был неплохой дополнительный заработок. Так же хорошо продавались сервизы «Мадонна» да ещё ковры.

Вот история из жизни Наума того периода. Он купил ковёр на продажу, не для себя. В комнате, где в Москве проживал Наум, не было места, где можно было бы повесить ковёр. Наум с другом Николаем – известным спортсменом, раз в две недели разыгрывали «спектакль». Втихую выносили ковёр, а затем, возвращая его, проходили мимо общежития, где жили семейные спортсмены, громко обсуждали «очередную» покупку Наума. Делали это специально, чтобы женщины это слышали. В результате по городку разнёсся слух: Наум уже третий ковёр купил. И жёны выговаривали своим мужьям: «Вот еврей уже третий ковёр купил, а вы, русские, дураки!» При этом все спортсмены знали, что ковёр – то один. Конечно, об этом представлении проведал «особист», но на карандаш не взял. Они с Наумом были друзьями, часто вместе выезжали в город погулять.

Уехал Наум из СССР в 1991 году, несмотря на то, что в его жизни всё складывалось хорошо. Отдельная квартира, должность старшего тренера в спортобществе «Трудовые резервы». Но так захотела мама, отец его к тому времени умер. А для еврея мама – это всё. В Израиле работал на заводе микроэлектроники рабочим. Предложили возглавить сборную Израиля по гребле, но он отказался. Наум и сейчас жив-здоров, у него жена, взрослая дочь. Всё хорошо.

Увольнение

Вспоминаю события, которые произошли пятьдесят лет назад. В то время я проходил срочную службу строевым матросом в Школе высшего спортивного мастерства ЦСКА ВМФ. Особых проблем с увольнительными не было. Многие спортивные объекты находились за территорией клуба, и каждый день спортсмены получали увольнительные, которые выписывались на всю команду. Так что прибывать в клуб надо было всем вместе. А вот увольнительные на выходные дни получить было не просто, так как они выписывалось на каждого в отдельности. Целый день с восьми до двадцати двух тридцати был в твоём распоряжении. Успевали потренироваться, встретиться с друзьями и, конечно, уделить внимание девушкам. Увольнительные до утра выписывались в основном женатым и очень редко холостым.

Вот наступило тридцать первое декабря. Получили увольнительные на каждого. Разошлись. Отдельно первого января также отпускали в увольнение, но только тех, кто не «запалился», имею ввиду опоздавших и нарушивших спортивный режим до такой степени, что скрыть это было невозможно. В основном, ребята подобрались крепкие, как в нашем коллективе выражались, «кремни». Бывали случаи, которым я свидетель, когда матрос чётко докладывал дежурному о прибытии, отдавал увольнительную, и затем падал навзничь. Его

подхватывали и бегом по трапу – в кубрик. Дежурный всё это видел, но ничего не предпринимал. «Вернулся вовремя, доложил чётко, увольнительную не потерял». Дежурные офицеры – все флотские, бывшие и действующие спортсмены, чемпионы СССР, Европы, мира и Олимпийских игр. Но в наряды ходили все.

Как-то и я попал в «ситуацию». Смутно помню свой доклад. Но расскажу всё по порядку. У моего тренера, Бориса Марковича Вайсберга, был день рождения. Мне выдали увольнительную до двадцати трёх часов. На дне рождения принял по-флотски. До части добрался на такси, но от проходной до плавказармы или «баржи», как мы её называли, метров двести надо было дойти. Собрав и силу, и волю, устремился вперёд, взбежал по трапу и устоял. Дежурный не вышел, сидел курил. Как потом рассказывали матросы, доложил чётко, отдал увольнительную. Дежурный: «Боря мне звонил. Отдыхай. Свободен». Только после этих слов я узнал в нём трёхкратного олимпийского чемпиона Вячеслава Иванова. Несмотря на то, что я матрос, а Слава капитан-лейтенант, мы дружили. В спорте это нормально. Бывало, что за одним столом матрос сидел не только с майором, полковником, но даже адмиралом и генералом.

Наступило утро первого января. Все, кто должен идти в увольнение, готовы. Стоим, ждём друга, Виталия. Он был женат и получил увольнение до утра с условием, что, если придёт вовремя, без замечаний, то отправляется с нами, не выполняет – увольнение «зарубают» всем. Времени семь тридцать, ждём, но с некоторым волнением, потому как очень хорошо знаем своего друга. Видим, перед КПП останавливается машина – подъёмный кран, с будкой для крановщика, сейчас таких, наверное, уже и нет. Оттуда, а это достаточно высоко, вываливается и падает наш друг. Шинель

развевается. Как он вставал и проходил через КПП, мы не могли наблюдать, но чётко видели, как из распахнутых дверей КПП вылетает снежный ком, бежит, падает, встаёт, делает несколько шагов, опять падает, ботинки слетают, и становится понятно, что они на босу ногу. Он их обувает и бежит дальше, снова падает. И так четыре раза. Это всё видит наш старшина Михаил Васильевич Горлов, настоящий флотский, много лет прослуживший на Северном флоте. Попал туда сразу после окончания войны. Наблюдает молча, в руке держит наши увольнительные и смотрит на часы. На них семь пятьдесят две. Виталика отряхнули от снега, зашнуровали ботинки, поправили шинель, затянули ремень. На табло восемь ноль- ноль. Он чётко докладывает уже из общего строя. С двух сторон его плотно поджимают плечами, чтобы не упал. Михаил Васильевич отдаёт нам увольнительные, говоря: «Ну, Виталий, молодец!» Улыбается, махнув рукой, и добавляет: «Надеюсь, всё будет в порядке? Или опять придётся вас забирать с Речного из отделения милиции? Сегодня я дежурю до утра». Старшину мы не подвели.

Граница на замке

Сегодня праздник – День пограничника. Хочется вспомнить ребят – защитников рубежей нашей Родины.

Эта история произошла лет сорок тому назад. В те годы пограничники защищали границу моей Родины – самой великой в мире державы Союза Советских Социалистических Республик, и не их вина в том, что моя Отчизна значительно уменьшилась в размерах. Это сделали с огромной выгодой для себя продажные политики. Из них многие и сейчас при власти, продолжают делать всё для того, чтобы уменьшить размеры уже России. Мне до сих пор стыдно, что я лично ничего не смог предпринять, чтобы отстоять свою Родину – СССР.

В восьмидесятые годы в Союз приехал известный итальянский журналист. Журналисты со всего мира часто приезжали в СССР, но с разными целями. Одни, чтобы очернить наш строй, другие – по заданию спецслужб. Кстати, они писали о нас объективно, даже приукрашивая наш быт, чтобы не вызвать подозрения и иметь возможность снова вернуться в страну. Джузеппе – непростой парень, у него очень и даже очень высокопоставленные родственники. Среди них был даже премьер-министр. Главным по сопровождению назначили моего друга Евгения. Понятно, что он имел отношение к КГБ, как же без представителя «конторы Никанора»? Итак,

всё по порядку. Рассказываю, как очевидец.

Самолёт Рим – Москва приземлился в Шереметьево. Джузеппе оказался приятным парнем, лет тридцати, спортивного телосложения. Поздоровались, представились. Он пытался говорить по-русски, хотя с нами был переводчик. Изъяснялся достаточно хорошо для того, чтобы мы понимали. Евгений, наклонившись ко мне, тихо сказал: «В темпе вальса и фокстрота идём в вип-зал. Там ждут». Ну и пошло-поехало. Всё по накатанному. О Джузеппе узнали всё ещё до его прилёта. Где родился, где учился, за какую футбольную команду болеет (за «Милан»), кто из футболистов его кумир (в Италии – Мацола, в СССР – великий Яшин) и много ещё всего, что и сам журналист о себе не знал. Пошли тосты: «За Италию», «За СССР», «За дружбу между Италией и СССР». После трёх тостов – он был в норме. Пил вино, к которому привык с детства. Надо, чтобы водки хлебнул. Я громко: «За прославленный футбольный клуб «Милан»!» Джузеппе берёт фужер, а там водка. Удивлённо ставит. Евгений говорит: «За мужиков надо водку, а то будут плохо играть». Он выпил, мы вдогонку: «За Мацолу, вперед!». Парень уже не сопротивлялся. Евгений скомандовал: «Поехали».

Джузеппе забронировали хороший номер в гостинице «Берлин», который был оборудован конторой. Проводили до дверей. До утра Джузеппе не оклемался – принял, как надо. Вот так очень удачно прошёл один из запланированных пяти дней. Времени восемнадцать часов, и «конвой» может быть

уже свободным.

О том, как в дальнейшем проходило пребывание итальянца в СССР, мне рассказал Евгений. На следующий день приехали в гостиницу, спросили горничную (конечно, нашу): «Ну как, пообщались?». Она удивлённо: «Да какое общение? Он как упал, так до утра и не просыпался. Сейчас приводит себя в порядок». Женя сказал, что Джузеппе ждут на завтрак. Он пришёл, внешне в норме. Поздоровался, сказал, что не очень хорошо себя чувствует. Сел, налил себе вина. Евгений ему говорит: «Не пей, будет ещё хуже. Вчера ты пил водку, теперь, чтобы прийти в норму, надо «соточку» опрокинуть». С точным значением слов помог определиться переводчик. Джузеппе засмеялся, легко согласился, принял, позавтракал. Ему стало легче. Спросил о том, что запланировано на сегодня. «Всё по вашей программе – осмотр Кремля». И все, как всегда: Царь-колокол, Царь-пушка, обзорная экскурсия, храмы, царские палаты. Друзья-ФСОшники тоже захотели показать своё гостеприимство, и надо сказать, что не просто показали, а очень достойно это сделали. Далее в программе стояла Третьяковская галерея, но стало понятно, что Джузеппе экскурсию внутри помещения не выдержит.

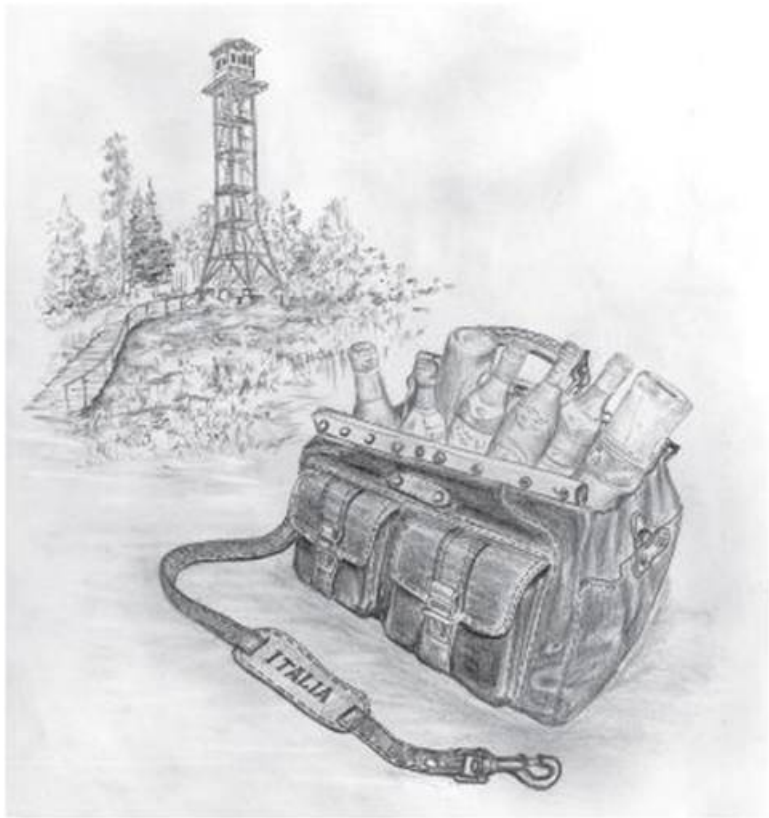
Поехали в Лужники на стадион. Там ветерок с Москвы-реки продувает. Шёл май, всё цвело, погода прекрасная. Итальянцу очень понравилось, он повеселел. Пошли на смотровую площадку у Московского университета. Он много фотографировал.

Пришло время, достали водку. Джузеппе предложил выпить за красавицу-Москву, но спросил, не оштрафуют ли нас за распитие спиртных напитков. Ну, не стали ему объяснять, что и здесь дежурят чекисты, поскольку вокруг много иностранцев. Слишком удобное место для встреч фарцовщиков, валютчиков и даже агентов. Бывали, и не единично, случаи крупных незаконных валютных операций и сделок с драгоценными металлами. Здесь где-то в семидесятых годах взяли одного валютчика при передаче представителю другого государства восьми килограммов золота, которые были в простой «авоське», и пошёл тот на десять лет. Что интересно, он ровно полгода назад освободился, отсидев восемь лет за валютные операции. Поселился в Химках. В то время необходимо было обязательно работать. Устроился в Мытищах. На работу и домой ездил на такси, причём оно подъезжало к подъезду его дома. Как же ему было не попасться? Соседи, естественно, оповестили кого следует, контора моментально села на хвост. Почему контора? Валютчики были к ней приписаны. Итог: «Двое сбоку, ваших нет».

Вернёмся к итальянцу. Подошло время обеда, поехали в «Метрополь». За столом Джузеппе вдруг говорит: «Скоро 28 мая – День пограничника. Нельзя ли съездить на заставу? Хочу сделать репортаж о советских пограничниках». Все затихли. Как ему объяснить, что в его маршрутном листе нет пункта о посещении пограничной заставы? Евгений встал из-за стола и пошёл докладывать руководству. Те попроси-

ли позвонить через час. Обед продолжился. Минут через сорок к столу подошёл товарищ в штатском. Сказал Евгению, что его ждут. Ребята из конторы сутками дежурили в гостиницах, где проживали иностранцы, имея собственные апартаменты. На встречу приехал сам начальник отдела. Сказал Евгению, что есть решение показать ему заставу в Бресте. «В Брест поедете на поезде. Там вас ждут. С вами будет корреспондент из журнала «Пограничник».

После обеда сообщили Джузеппе, что вечером едут в Брест на заставу. Итальянец этому очень обрадовался и сам предложил выпить, но Евгений и переводчик вежливо отказались, что его удивило, но один опить не стал. Ребятам надо было подготовиться к поездке. Вечером сели в поезд, о спиртном речи не было, потому что знали, как встречают «погранцы».

Заместитель начальника заставы сходу повёл в ресторан при вокзале, в отдельный зал. Всё пошло по отработанной схеме: «Наливай и пей». На заставу поехали через город. Джузеппе постоянно фотографировал, был доволен.

На заставе встречал сам начальник погранотряда. Тут же – вперёд к столу. Тостов было много, но пили мало. Между тостами Джузеппе рассказали историю заставы. Как она встретила начало войны 22 июня. Как воевали. Было видно, что Джузеппе это интересно. Он попросил разрешения подняться на вышку: «Фотографировать не буду!» Начальник выслушал, посмотрел на него – вроде, не очень пьян. Разрешил подняться. На этой погранзаставе была самая большая вышка – около сорока метров. Джузеппе уверенно взбирался наверх, за ним два бойца, старослужащих, на всякий случай. Поднялся, осмотрелся, пришло время спускаться, но, посмотрев вниз, он побелел, у него подкосились ноги. А возвращаться надо... Но бойцы – молодцы – мягко приземлили итальянца.

Пришла пора возвращаться в Москву – на следующий день Джузеппе улетал к себе на родину. На поезд успели, сели пить чай. Смотрим – нет итальянца. Однако волнение быстро прошло. Видим, идёт по проходу и несёт большую сумку. Открыл, а там коньяк, водка, портвейн. Понятно было, что это весь ассортимент вагона-ресторана. Джузеппе сказал, что ему в Союзе всё очень понравилось: «Об этом я напишу в своём репортаже». Приехали в Москву без происшествий. На следующий день утром Джузеппе улетел в Италию. В аэропорт его провожал Евгений. Прощаясь, итальянский журналист ещё раз поблагодарил своего нового знакомого. Показал заключённые в замок кисти рук, засмеялся и

сказал: «Граница у вас на замке!» В Италии он написал интересный репортаж, где рассказал о доброте советских людей, о русской природе и о пограничниках.

Такса

Шёл 1973 год. Увеличился поток евреев, выезжающих из Советского Союза не только на свою историческую родину, но и в США и страны Европы. КГБ было чем заняться. Его главная задача – не дать вывезти ценности: золотые изделия, бриллианты, картины и другие произведения искусств. Ну, а те, кто стремился забрать с собой эти ценности, изощрялись, как могли. Чаще всего выходили на таможенников, чтобы заплатить деньги, точнее дать взятку. Но это чревато как для таможенника, так и для дающего взятку. Чекисты таких «делателей» поймали не один десяток. Для таможенников это заканчивалось печально: в лучшем случае выгоняли, в худшем сажали. Для чекистов же хороший вариант – вербовка выезжающего. Делали ему предложение, от которого он, увы, не мог отказаться: либо ты летишь белым лебедем на землю обетованную, либо сидишь в Союзе, – и вербовочный лист подписывали с большим удовольствием.

Из золота отливали гвозди, которые вбивали в контейнеры для перевозки вещей. Отливали замки для женских сумок и чемоданов-кофров. Было и ещё много других вариантов, но не хочу давать советы контрабандистам. Сложнее всего было спрятать и провезти бриллианты. О таком случае и расскажу. Чекисты получили информацию, что один «деловой» еврей хочет вывести «камушки». Им он был хо-

рошо известен, но поймать его и что-то предъявить не получалось. Поехали в Шереметьево. Дождались семью отъезжающего. Вылетали в Нью-Йорк. Тщательно проверили вещи – ничего. Обыскали его, жену и сына. Пусто! С ними была собака породы такса. Подумали, что это хороший контейнер для «камушков», сделали таксе клизму, конечно, сами – не везти же собаку в ветлечебницу. Двое держали, один делал, воды влили прилично. Из картонной коробки сделали лоток для туалета, посадили туда собаку, продолжая держать. Она вела себя очень спокойно, но, увы, то, чего все ждали, не получалось. Усыпив бдительность чекистов своим спокойствием, такса вдруг резко вырвалась, и опорожнила кишечник, однако вне лотка. Короче, никаких бриллиантов, но комната уделана конкретно.

Семья удачно приземлилась в Нью-Йорке. Через три дня на таможеню в Шереметьево приходит телеграмма: «КГБ. Привет, ребята! Зачем так мучили собаку? Всё было в ошейнике. Всего вам доброго!» Так что, кто обделался, решите сами.

Лужники

Добрые воспоминания связаны у меня со стадионом «Лужники», и не только детские и юношеские. Я и сейчас часто приезжаю погулять туда и всегда погружаюсь в воспоминания. Стадион построили в 1956 году к открытию Первой Спартакиады народов СССР. Я и мои друзья выступали на арене «Лужников» в многочисленной группе с гимнастическими упражнениями. Мне было одиннадцать лет. Мы серьёзно готовились к выступлениям. Каждый день в течение двух месяцев тренировались в парке Сокольники. За двадцать дней до спартакиады всех, кто участвовал в открытии, привезли на тренировочный сбор в Малаховке. Хорошо запомнил это событие. Тренировки, отдых – беззаботное время.

Вот наступил день открытия. Мы начинали программу. Помню, что очень волновался. Во время выступления вокруг ничего не видел – боялся ошибиться, но всё прошло хорошо. Завершалась программа футбольным матчем команд ЦДСА и «Динамо», который закончился вничью со счётом 2:2. Для меня в мои юношеские годы «Лужники», конечно, прежде всего связаны с футболом. В те годы на стадионе проходили матчи московских команд «Динамо», «Спартак», «Локомотив», «Торпедо» и ЦДСА (впоследствии ЦСКА). Свой стадион в те годы был только у команды «Динамо». Мы, пацаны,

билеты на игры не брали. Покупать их – дурной тон. «Протыривались», чаще всего перелезая через ограды. Милиционеры ловили нас, выводили, а мы делали попытки в других секторах.

В 1965 году впервые в СССР приехала сборная Бразилии по футболу, выигравшая в 1958 и 1962 годах Кубок мира. Шёл июль, погода стояла классная. Заканчивая беговую тренировку по Ленинским горам, пробегая рядом с большой спортивной ареной, мы увидели, как подъехал автобус. Из него стали выходить бразильские футболисты. Подошли ближе – нас никто не отгонял. Бразильцы громко разговаривали, широко улыбались, жестикулировали. Они не спешили идти в раздевалку. Тут у них была предыгровая тренировка. На следующий день они должны были играть с командой СССР. Я оказался рядом с Пеле и Гарринчей. Я думал, что Пеле выше меня, но, когда стоял около него, мне показалось, что мы одного роста, а у меня в то время он был 176 сантиметров.

Мне вспомнился матч Италия – Бразилия. В итальянской сборной был высокорослый, классный, мирового уровня, защитник Факетти. Однако Пеле выиграл у него все единоборства за верхние мячи. Итак, нас пустили посмотреть на тренировку бразильцев. Игроки сборной команды СССР тоже пришли. Запомнилось, что все бразильцы выходили из раздевалки, жонглируя мячом, после тренировки, когда возвращались с поля, они жонглировали и пасовали друг другу.

Мяч не упал ни разу. С друзьями мы заметили, что советские футболисты не дождались конца тренировки, а увидели их всех в автобусе перед отъездом. Лица у них были невесёлые. На следующий день наша команда улетала в Краснодар на студенческие соревнования, поэтому игру я не увидел, но в записи смотрел много раз. Бразильцы без особого труда выиграли у наших со счётом 3:0. Я не футбольный тренер, но знаю, что Пеле великий футболист. Добавить нечего, но я знал и общался с великим советским футболистом Эдуардом Стрельцовым, и, если бы не случай, который можно считать трагическим для советского футбола, думаю, на чемпионате мира в Швеции, где взошла звезда молодого Пеле, Эдуард бы выглядел ярче. Это не только моё мнение. Такого же мнения были Лев Яшин и Игорь Численко.

Только хотел начать рассказ о плавательном бассейне стадиона «Лужники», пловцах, тренерах, но вспомнил ещё одну историю, связанную с футболом. Футбол – игра, которая объединила спортсменов многих видов спорта. Боксёры играли против пловцов, пловцы против ватерполистов и т.д., но в основном играли смешанными командами. Игра в футбол была для нас как разминка перед основной тренировкой. Играли круглый год, в основном, на свежем воздухе. Воротами были барьеры, и надо было попасть в створ.

Как-то летом, после часового кросса по Ленинским горам, пробегали мимо места игры в футбол, нас окликнули ребята, предложив сыграть пять на пять. У нас было полчаса в

запасе, и мы согласились. Соперники, не успев опомниться, пропустили три мяча, но потом собрались и забили нам два. Однако время истекло, мы поблагодарили друг друга за игру, и тут один из той команды спрашивает: «Вы случайно не футболисты?» Мы ответили, что нет. Разговорились, соперники были профессиональными футболистами и играли за одну из команд класса «Б». Уверен, что, если бы игра продолжилась, то они нас переиграли. На большом поле стиль игры один, а на малом совсем другой.

На стадионе был хороший плавательный комплекс, где тренировались пловцы, пятиборцы, ватерполисты, прыгуны в воду и гимнасты, да, именно гимнасты, так как там было два прекрасных гимнастических зала, но главное то, с какими людьми меня свела судьба. Один из них Семён Петрович Бойченко – великий советский пловец и тренер. Плавал он стилем баттерфляй. Неоднократный чемпион и рекордсмен СССР. Бил рекорды Европы и мира, но, увы, их не регистрировали. Федерация плавания Советского Союза не входила в европейскую и мировую федерации. Но факт остаётся фактом. Сам Иосиф Сталин ставил его в пример молодёжи: «Равняйтесь на Семёна Бойченко!» Однако в 1948 году Бойченко был арестован и обвинён в антисоветской пропаганде по знаменитой 58-й статье. Осуждён на десять лет лагерей. Срок отбывал в городе Соликамске, работал на деревообрабатывающем комбинате. После шести лет срока в 1954 году был освобождён, а в 1956 году полностью реабили-

рован. После выхода на свободу начал тренироваться, даже пару раз выступил на соревнованиях, но понял, что его время уже ушло. Да и лагеря подорвали здоровье. Впоследствии он работал тренером, весьма успешно. В 1960 году на Олимпийских играх в Риме возглавлял сборную команду СССР по плаванию. Несмотря на все трудности жизни, часто рассказывал нам о своих молодых годах и лагерной жизни, конечно, с юмором.

Как-то я с Семёном Петровичем ехал в метро, и он мне поведал, как ко дню рождения Сталина пловцы устраивали эстафету по побитию рекордов. День рождения Сталина – 18 декабря. Закрытых бассейнов в стране было немного, соревнования проходили в Москве или Ленинграде. От Сталина за установленный рекорд обязательно получали ценные подарки. О них потом подробно мне рассказал другой участник таких соревнований Виктор Иванович Гладилин. Он был известен не только как пловец на стандартные дистанции, но и участник марафонских заплывов на море и на реке. Об одном таком заплыве по Волге он мне сам говорил:

– Нас, пловцов, собрали руководители спорткомитета. Объявили, что надо проплыть марафон по Волге – 74 километра. Где-то через месяц заплыв состоялся. А я волгарь, вырос в тех местах – все течения знаю. Сразу оторвался на большое расстояние от других участников заплыва. Уже перед финишем перевернулся, поплыл на спине и вижу: на высоком берегу стоит группа людей. Когда присмотрелся, да

это сам Сталин! Я его поприветствовал – помахал рукой. Он на моё приветствие ответил правой рукой. Махнул несколько раз. Я этот заплыв выиграл и получил очень красивую медаль. Жаль только, что ушко отломалось. А в конце сезона передали подарок от Сталина – мотоцикл «Харлей» с коляской. Прав у меня не было. Иногда выгонял его из сарая и учился водить. Как-то выпил, сел на «Харлей» и включил заднюю скорость. У этого мотоцикла была задняя скорость. Вылетел из сарая, но ничего – обошлось без увечий. Поставил его на место и пошёл спать. Утром поехал на тренировку, а когда вернулся домой, жена говорит: «Всё, Витя, откатался! Я мотоцикл продала».

Мотоцикл Виктора Ивановича я не видел, а часы в серебряном корпусе и с толстым серебряным браслетом мне удалось рассмотреть – это подарок Иосифа Сталина за рекорд Европы, установленный в эстафете к его дню рождения.

Может возникнуть вопрос, почему у меня столько знакомых спортсменов и тренеров из мира плавания? Учась в институте, я выступал за сборную на соревнованиях по плаванию. С добром вспоминаю знаменитого тренера Валерия Владимировича Буре, который вырастил плеяду известных советских пловцов. Среди них и два его сына – Алексей и Владимир. Алексей неоднократный призёр чемпионата СССР по плаванию стилем «дельфин», а также чемпион и рекордсмен Европы по подводному плаванию. Володя многократный чемпион СССР, Европы, трёхкратный призёр

Олимпийских игр и отец двух великих хоккеистов: «русской ракеты» – Павла и Валерия. Интересно, что Владимир за физическую подготовку своих сыновей был удостоен звания заслуженного тренера России по хоккею.

Валерий Владимирович Буре играл в ватерполо. В тридцатые годы был вратарём сборной команды СССР. В 37-м году репрессирован по статье 58.8 – подготовка террористического акта. После освобождения полностью реабилитирован. Работал тренером, участвовал как тренер на двух Олимпиадах – 1968 и 1972 гг.

Нельзя не вспомнить ещё одного ученика Валерия Владимировича – Леонида Ильичёва, многократного чемпиона СССР, трёхкратного чемпиона Европы и трёхкратного призёра Олимпийских игр. Валерий Владимирович после освобождения, находясь на поселении в Норильске, работал тренером и там заметил способного парня, с которым стал заниматься. Увидел в нём чемпиона. Впоследствии помог Леониду с переездом в Москву.

С грустью вспоминаю о великом пловце – брассисте Николае Панкине, который уже ушёл из жизни. Многократный чемпион СССР, чемпион Европы, неоднократный призёр Олимпийских игр. В середине семидесятых годов произошла такая история, после которой он мог стать надолго невыездным. У Николая был товарищ по команде Сергей, которого я тоже хорошо знал. Они вместе учились в Московском институте инженеров транспорта и выступали за «Ло-

комотив». Сергей умудрился жениться на немке. Да не просто на немке, а на немке из ФРГ, и уехал туда на постоянное место жительства. В те времена каждый год в феврале проходила традиционная встреча пловцов СССР – ФРГ. Вот что мне рассказал Николай:

«Приехали в Германию, разместились и сразу на тренировку в бассейн. Наступает день финала на дистанции сто метров. Бассейн закрытый, 25-метровый, с трибунами. Едем в автобусе, и я вспоминаю о Сергее. Как ему тут живётся? Приехали, как всегда разминаюсь в бассейне, готовлюсь к старту. Меня объявляют и вдруг на русском, истошный крик с трибуны: «Колян, дави немцев, порви фашистов!» – далее ненормативная лексика. Смотрю, на трибуне, в рубашке с высоко завёрнутыми рукавами, чуть не падает в бассейн друг Серёга. У меня в мозгу пронеслось: «Ну, всё! Приехали. Это мой последний старт за рубежом». Раздался выстрел стартера, и я поплыл. Выиграл с хорошим результатом. Иду в душ, настроения нет. Выхожу из здания бассейна, стоит Серёга, податый, обнялись. Он предложил встретиться на следующий день после соревнований. Он приехал специально из другого города, где он работал крановщиком, хотя был дипломированным инженером. Объяснил, что ему надо ещё полгода отучиться, чтобы дали возможность работать инженером. Я сказал, что на следующий день встретиться не получится, потому что после соревнований культурная программа и сразу в аэропорт. Пожелал ему удачи и добавил:

«Серёга, из-за твоих выкриков у меня могут быть неприятности». На соревнованиях присутствовал чекист, сопровождавший нашу делегацию.

Сергей очень удивился: «Коля, какой чекист? Я кричал: «Порви фашистов!» – это у меня могут быть неприятности», – и сделав паузу, добавил: «Извини, не подумал!» На следующий день я выиграл дистанцию двести метров и в составе комбинированной эстафеты стал победителем. Больше Сергея я не видел. Чекист, конечно, всё слышал, но замечания мне не сделал. Да, очевидно, и в справке о поездке этого не отметил».

Я до сих пор сожалею, что в последние годы нам не пришлось встречаться. Николай проживал в Муроме, там тренировал детей. Так и не нашёл времени приехать, всё откладывал. Хотя не раз бывал во Владимире. Вот так: откладываешь на завтра, а завтра может не наступить.

В рассказе о «Лужниках» нельзя не вспомнить о хоккее. В первый раз я попал на хоккей в 1957 году и видел финальную игру сборной команды СССР со шведами на чемпионате мира по хоккею. Это первый чемпионат мира, который проводился в Советском Союзе. Большинство матчей проходило на Малой спортивной арене «Лужников», а финальная встреча – на Большой спортивной арене в присутствии шестидесяти пяти тысяч зрителей. На хоккей меня взял друг отца дядя Боря, во время войны он летал на бомбардировщике, а после войны работал на аэродроме Внуково. Он был

хорошо знаком со Всеволодом Бобровым, Евгением Баби-чем и Юрием Пантюховым – великими советскими хоккеи-стами. Волею случая, я познакомился с Юрием Пантюховым на сборах в Химках. В то время он тренировал команду хок-кеистов одного завода-ящика. Добрый человек, прекрасный рассказчик. Навсегда запомнил, что он говорил о первой по-ездке в Канаду на товарищеские матчи:

– Перед отлётом собрали команду. Слово дали чекисту. Он сказал, чтобы никто не смел говорить о том, что мы про-фессионалы и офицеры Советской Армии – в Канаду выле-тала команда ЦСКА. У всех нас были офицерские звания. Всем определили профессии. Я сказал, что с пятнадцати лет и до армии работал слесарем. Чекист кивнул – будешь слеса-рем. Прилетели в Канаду, выходим из самолёта. Нас встреча-ет толпа народа и на плакатах, довольно-таки больших, наши цветные фотографии в военной форме с офицерскими пого-нами. В этой поездке мы выступили успешно. Зрители при-ветствовали с добром. На премиальные, которые дали боль-шинству хоккеистов, в том числе и мне, купили себе коньки.

Но вернёмся к чемпионату мира. В то время наша сборная считалась фаворитом. В 1957-м мы были чемпионами мира и Олимпийских игр 1956 года. Примечательно, что в Моск-ву из-за политических событий в Венгрии не приехали ко-манды США, Канады, ФРГ и Швейцарии. Надо сказать, в те годы канадцы не были такими сильными, как в последующее время. На чемпионаты мира приезжала команда, ставшая в

Стране кленового листа лучшей среди любителей. Чемпионаты мира по хоккею в то время проводились по круговой системе. Перед последней игрой со шведами сборная СССР с одиннадцатью очками занимала второе место, а шведы первое – они набрали двенадцать очков. Нашим хоккеистам была необходима только победа. Все зрители были уверены, что наша сборная победит. Игра началась. Шведы, несмотря на то, что их и ничья устраивала, пошли в атаку. В первом периоде они забросили две шайбы в наши ворота. Начался второй период, игра у наших не получалась. Но во второй десятиминутке второго периода игра «покатилась». В итоге они за десять минут забросили четыре шайбы подряд. Шведы ответили двумя. В третьем периоде ничейный счёт сохранялся. Наши играли здорово, но шведы стояли насмерть и всё-таки завоевали золото чемпионата мира.

Романыч

Женя родился в городе оружейников Туле в 1931 году. Там он и провёл детские и юношеские годы. Того, что эти годы были для него счастливыми и безоблачными, не скажешь. Когда Жене исполнилось 10 лет, началась война, и он со всеми детьми Советского Союза прошёл и пережил эти трудные голодные годы. Его старший брат работал на заводе и оттуда же ушёл воевать, остался жив, после войны вернулся на предприятие и там проработал до пенсии. Евгений Романович гордился своим братом. Когда мы встречались, он всегда вспоминал о нём. Вот что мне рассказывал Евгений Романович о том, как он попал в секцию конькобежного спорта.

В те годы зимой среди ребят было распространено катание на коньках, зацепившись крючками за машину. Коньки прикручивали к валенкам. Этим, так сказать, зимним видом спорта занимались я и мои друзья, и я не понаслышке знал, насколько это опасно. Крючок иногда срывался, и тогда ты падал вниз, разбивая лицо в кровь. Эта «пацанская» забава очень напрягала милиционеров. Тех ребят, которых им удавалось поймать, приводили к родителям. Вот однажды за этим занятием попался и Женя. Привели домой и изъяли все приспособления для зацепа за машину. Милиционер, уходя, сказал мальчишке: «Любишь кататься на коньках – иди на стадион. Да и ребят с собой возьми!» Так Женя попал в конь-

кобежную секцию и полюбил этот вид спорта.

Результаты росли, как на дрожжах. Особенно хорошо шёл спринт. В 1947 году Евгений установил свой первый всесоюзный рекорд на дистанции пятьсот метров. Произошло это в Туле. В Москве не поверили в показанный результат. В то время на льду блистал известный конькобежец Константин Кудрявцев, который впоследствии стал тренером Евгения и привёл его к победам на чемпионатах СССР, Европы, мира и на Олимпийских играх.

Несколько строчек упоминания о таком человеке как Константин Константинович мало, поэтому продолжу. Он родился в 1911 году. Юношеские годы совпали с Первой мировой войной, Октябрьской революцией, Гражданской войной, голодом и разрухой в стране. Он выстоял, занялся спортом – лёгкой атлетикой, позже стал на коньки. Как спортсмен и тренер многого добился. Чемпион СССР в легкоатлетическом многоборье, бронзовый призёр СССР в десятиборье, неоднократный чемпион и рекордсмен СССР по конькобежному спорту, и, конечно, в его арсенале – высокие звания спортсмена и тренера: Заслуженный мастер спорта СССР и Заслуженный тренер СССР. К. К. Кудрявцев в горах Казахстана, рядом с Алма-Атой, нашёл место, где впоследствии был построен знаменитый каток Медео. Он и его именитый ученик Евгений Гришин принимали участие в строительстве катка, на котором в дальнейшем были установлены десятки всесоюзных и мировых рекордов. Это место облада-

ло уникальными свойствами. В середине семидесятых годов главный тренер сборной команды СССР по конькобежному спорту Кудрявцев предложил руководству спорткомитета пригласить двух «летучих» голландцев – Андриануса Схенка (трёхкратного олимпийского чемпиона на играх в Саппоро, там он завоевал золото на трёх дистанциях, неоднократного рекордсмена и чемпиона мира) и Корнелиуса Феркерка (олимпийского чемпиона Гренобля, который на двух олимпиадах 1968 и 1972 завоевал ещё три серебряные медали) на соревнования, которые должны состояться на катке Медео. Идею Кудрявцева пригласить голландцев поддержал и Евгений Гришин, в то время он работал тренером со спортсменами Вооружённых сил в сборной команде СССР. После этого предложения руководство спорткомитета и лично его председателя Романова «закошмарило». Они сказали: «Вы что, с ума сошли? Медео самый скоростной каток в мире. Они накосят мировые рекорды, а нам потом расхлёбывать!» Вот так. Кто о спорте, а руководство – о своей заднице.

Описываю события, о которых я слышал лично от Евгения Романовича. Как-то зимой в концертном зале гостиницы «Россия» был организован концерт «Спорт и искусство рядом идут». Мы пошли втроём: Романыч, мой друг – известный гребец Александр Мартышкин и я. Пришли заранее и сразу в УТР-зал: народу полно, смотрим, где приземлиться. Видим, за столом двое: Лев Иванович Яшин, великий вратарь всех времён и народов, и актёр Олег Анофриев.

Лев Иванович и Евгений Романович проживали в одном доме и были в дружеских отношениях, несмотря на то, что выступали за разные общества. Я в друзьях у Яшина не ходил, но при встрече общались. Мы подсели за стол, нам сразу налили. Выпили и «дали по тормозам». Олег совсем не пил. Сказал, что вчера основательно режим нарушил, да так, что пришлось просить Фёдора Чеханкова провести программу вместо него. (О Фёдоре Чеханкове надо писать отдельно. Талантлив: пел, танцевал, был прекрасным актёром. Достоинно прошёл и девяностые годы. Служил в театре Советской Армии и был предан ему до конца своей жизни.)

И вот прозвенел третий звонок. Мы пошли в зрительный зал. Слева в зале за стол жюри сели ведущие программы: Фёдор Чеханков и Лев Яшин. Я и Александр устроились позади. Романыч, надев на себя чемпионскую ленту с медалями, пошёл на сцену. После выхода чемпионов разыгрывали викторину. Было интересно. Начался концерт. Представлял артистов, сидя за столом жюри, Фёдор Чеханков. И вот на сцену вышел поэт-пародист, который из реплик зрителей должен был составить четверостишия о физкультуре и спорте. Из зала выкрикивали реплики, и вдруг, облокотившись на моё плечо, билетёрша, солидная женщина, накинув шаль на плечи, чтобы не было видно униформу, крикнула: «Физкультура – дура!» Понятно, это было сделано в помощь артисту на сцене. Лев Иванович повернулся, взял микрофон и во всеуслышание опротестовал это заявление: «Физкуль-

тура не может быть душой!» Чеханков, прикрыв микрофон, попытался объяснить: «Лев Иванович, это надо для артиста!» Яшин кивнул. Тогда артист, заканчивая четверостишие, произнёс: «Бабка, не будь душой! Занимайся физкультурой!» Лев Иванович засмеялся.

Закончился концерт, на банкет мы не остались. Решили поехать в гости к товарищу, но без водки как-то неудобно. Время позднее, а где-то надо достать. Увидели патруль – двоих милиционеров и попросили их взять три бутылки водки в магазине, который был уже закрыт. Они согласились. Романыч отдал им свою папку с лентой и медалями.

Ждём десять минут – посланцев всё нет. И во время ожидания Романыч рассказывает нам историю, которая произошла в Туле: «Зимним днём тороплюсь на тренировку, вхожу в троллейбус, смотрю на заднем сидении сидят – по взгляду и прикиду – урки. После войны в городе было море криминальных элементов, можно боеприпасы и оружие достать, не напрягаясь. Приезжали барыги со всего Советского Союза. Часа через три еду с тренировки, захожу в троллейбус, вижу: на заднем сидении сидят те же урки – уже в офицерской форме с двумя большими жёлтой кожи чемоданами. Такие привозили фронтовики из Германии. Взгляды наши встретились, уверен, узнали друг друга. Я взял билет и прошёл вперёд».

Только Романыч закончил рассказывать историю, как подошли милиционеры, отдали папку. Один из них пожелал:

«Хорошо вам отдохнуть с друзьями, товарищ Гришин». Евгений Романович кивнул, поблагодарил. Был приятно удивлён, что его узнали. Поехали к другу, хорошо посидели, в общем, как всегда.

Все знают Евгения Романовича Гришина как великого конькобежца, но он также успешно выступал в велоспорте, в гонках на треке и входил в сборную команду СССР. Он поехал на Олимпийские игры 1952 года в Хельсинки первым номером на дистанции один километр, но был отчислен и отправлен на родину из-за конфликта с председателем спорткомитета Николаем Романовым. Тот приказал Гришину выступать на отечественном велосипеде ХВЗ (Харьковский велосипедный завод), хотя до этого он использовал велосипед английского производства, который по своим ходовым качествам был в разы выше отечественного.

Интересный случай произошёл с Гришиным в начале его карьеры велосипедиста на соревнованиях в Румынии. Сам он рассказывал так: «Приехали на гонки. Пару стартов прошёл уверенно. В финале моим соперником был сильный гонщик из Франции. Только поехали, француз сразу поднялся на высшую точку трека и сделал сюрпляс, то есть встал. Я этот технико-тактический приём ещё не освоил. Еду очень медленно, чуть не падаю. Кричу во всё горло тренеру: «Что делать? Если остановлюсь, упаду!» Тренер в ответ: «Женя, газуй по полной». Я газанул. Несмотря на то, что француз был в лучшей позиции, я победил, вырвав всего четверть ко-

леса».

Шло время. Наступил 1956 – олимпийский год. Летняя олимпиада должна была состояться в Мельбурне, а зимняя – в Кортина д’Ампеццо. Евгений Романович был готов, как никогда. В тандеме и гите равных ему не было, но руководство спорткомитета не хотело потерять медали Гришина-конькобежца, поэтому всячески препятствовало его выступлению на играх в Мельбурне, но надо знать характер Евгения Гришина. Он хотел решить сам ехать ему или не ехать. В то время расцветал талант Ростислава Варгашкина, который блистал на трекe. Романыч мне рассказал, что договорился с Ростиславом решить между собой, без представителей спорткомитета и судей, вопрос кто сильнее. Так и договорились. Встретились в шесть утра на трекe стадиона «Юных пионеров». Ехать договорились три гонки. Гришин сказал: «Если ты выигрываешь у меня, то я ухожу из велоспорта и готовлюсь к зимней олимпиаде». Ростислав согласился и оказался сильнее, выиграв спринт два раза подряд. «Я ему пожелал удачного выступления на олимпийских играх». Ростиславу в Мельбурне не повезло, пришлось сняться с соревнований из-за поломки. Зато на Олимпийских играх 1960 года в Риме он завоевал в спринте бронзовую медаль.

Шло время. На Олимпийских играх в Скво-Велле в 1960 году Евгений Романович выиграл две золотые медали на дистанциях пятьсот и тысяча пятьсот метров, как и на Олимпийских играх в Кортина д’Ампеццо в 1956 году. В 1960 го-

ду ему исполнилось 29 лет. Он стал задумываться: не перейти ли на тренерскую работу, ведь до следующих Олимпийских игр в Инсбруке ещё четыре года. Тридцать три – возраст Христа – не для спринта. Спринт – это взрывная скорость и скоростная выносливость, это качества молодых. Романыч принял решение: «Буду лидером в мире на дистанции пятьсот метров – поеду, а на нет и суда нет». Сказал – сделал. В январе, за год до олимпийских игр, установил мировой рекорд: пробежал пятьсот метров за 39.5 секунды. Этот результат продержался пять лет. На контрольных тренировках пробегал эту дистанцию, и не один раз, за 39 секунд.

О забеге на пятьсот метров в Инсбруке он мне рассказывал так: «Приехал на игры мировым рекордсменом, фаворитом. Был готов на все сто. Хотел поставить жирную точку в своей спортивной карьере и перейти на тренерскую. Но случилось то, что случилось. Наступил день соревнований, погода нормальная, а результат показал для себя слабый. Не выбежал даже из сорока секунд, но Константин Константинович поздравляет: «Женя, нормально. Погода портится, солнце греет, лёд – крошка, бежать сложно, все сильнейшие уже пробежали, сверли дырку для героя». Мне сказали: «Выиграешь пятое золото – представим к высшей награде, Герою Социалистического труда». У меня все как в тумане, трясёт, не уйду в раздевалку. В последнем забеге – без пары, один – бежит американец Ричард Макдермонт. Он заканчивал эти соревнования. Кудрявцев успокаивает: «Да у него результат

слабый. Он по рейтингу в пятом десятке. Вряд ли, разменяет сорок две секунды». Я говорю: «Константиныч, он американец. От него можно ждать чего угодно». Ричард, по профессии парикмахер, специально приехал в Инсбрук за полгода до Олимпийских игр, чтобы лучше подготовиться. Устроился работать в местную парикмахерскую. Дали старт, Макдермонт резво вышел с виража, не сбавляет, бежит бегом, не раскатывает. По мне пробежала дрожь. Он входит в вираж, выходит, опять бежит, не катит. Кудрявцев говорит: «Женя, он сейчас встанет, или я ничего не понимаю в коньках». А я ему: «Константиныч, он не японец, он американец. От него можно ждать всего. Он поставил всё на этот забег».

Макдермонт выиграл. После его победы я решил остаться до следующей олимпиады в Саппоро. Сейчас понимаю, что зря это сделал. В тридцать семь лет олимпиады в спринте вряд ли можно выиграть. Как результат – остался без медали».

Рассказ закончен, но кое-что осталось недосказанным. Великого Гришина давно нет в живых, но некоторые пытаются очернить его имя. Издревле на Руси говаривали: «О мёртвых или хорошо, или ничего». Слухи всегда были и будут. У Владимира Высоцкого в его песне о слухах есть слова: «Говорят, Мамыкина снимают за пьянку, за разврат и за дебош». Вспомним, кто такой Мамыкин – известный советский футболист. Играл за сборную команду СССР в ведущих клубах «Динамо» и ЦСКА. Заканчивал карьеру в ГСВГ

играющим тренером. Ушёл из жизни в 2011 году. Много говорили о взаимоотношениях Евгения Гришина с Василием Сталиным. Рассказывали, что сын Генсека помогал ему и опекал. Дал в Москве квартиру. Василий Сталин очень много сделал для развития спорта в Вооружённых силах СССР. Стадион Центрального спортивного клуба армии построен только благодаря его усилиям, и помогал он всем спортсменам, которые выступали за ВС СССР. Хочу напомнить, что квартиру он обеспечил не Евгению Гришину, а человеку, который к тому времени установил не один мировой рекорд. Евгений Романович Гришин оставил память о себе как о великом конькобежце всех времён. Он всего себя без остатка отдавал служению своей Родине – Советскому Союзу и очень сожалел до конца своей жизни о его развале.

Анатолий Николаевич

В память о друге

Пишу о добром и порядочном человеке – своём друге Анатолии Виноградове. Не так давно он оставил этот мир, но память о нём и его добрых делах будет жить. Долго, ещё при его жизни, собирался о нём написать, но не успел. Толя ушёл тихо, не болея, – просто остановилось сердце. Так уходят многие тренеры, полностью отдавая себя воспитанию своих учеников.

Анатолий Виноградов был хорошим боксёром, мастером спорта СССР – великой спортивной державы. Боксёры Советского Союза долгие годы считались ведущими в мире и своими яркими выступлениями добились на чемпионатах всех уровней, включая Олимпийские игры, признания в этом виде спорта.

Впервые советские спортсмены выступили на Олимпийских играх 1952 года в городе Хельсинки в Финляндии. Наши боксёры добились хороших результатов. Бокс – контактный вид спорта, а боёв с сильнейшими боксёрами мира или даже Европы у наших ребят не было. Однако всё равно выступления советских спортсменов можно признать успешными. Они были первопроходцами из СССР в мире бокса. В шести весовых категориях завоевали медали. Виктор Меднов (вес 63,5 килограмма) и Сергей Щербаков (67 кг) заво-

евали серебряные медали. Анатолий Булаков (51 кг), Геннадий Гарбузов (54 кг), Борис Тенин (71 кг), Анатолий Перов (81 кг) стали обладателями бронзовых медалей. Да, наша команда не взяла золото, но эти спортсмены достойны зала славы советского бокса. Никого из них уже нет в живых, но память о них и их победах хранится в наших сердцах.

Этим боксёрам, завоевавшим медали на олимпийских играх, в нашей стране было у кого поучиться. Как у спортсменов, так и у тренеров. Бокс активно начал развиваться у нас в послереволюционные годы. Этот вид спорта понравился советской молодёжи. Активно занимались боксом в армии. Проводились чемпионаты в Москве, Ленинграде, Киеве, Одессе. На соревнования по боксу приходило много болельщиков. В 1941 году, когда началась война, спортсмены пошли защищать свою Родину. В первых рядах были боксёры, самбисты. Они и представители других видов спорта составляли основу диверсионных отрядов, которые воевали в тылу врага. Многие участвовали в партизанском движении. Об их подвигах хорошо написал Дмитрий Медведев в книге «Сильные духом».

Известный советский боксёр, выступавший в тяжёлой весовой категории, многократный чемпион СССР Николай Королёв воевал в отряде особого назначения в тылу врага. Партизаны прикрывали известного советского разведчика Героя Советского Союза Николая Кузнецова. Николай Королёв награждён орденом Боевого Красного знамени. В 1943 году по-

сле тяжёлой контузии он вернулся на ринг, что было не просто. В 1944-45 годах стал абсолютным чемпионом СССР.

Заслуги Николая Королёва как боксёра признали в США, где было много представителей этого вида спорта высокого класса. А в тяжёлом весе блистал знаменитый Джо Луис – чемпион мира среди профессионалов в тяжёлом весе. Во время войны он воевал в составе армии США против фашистов. Представители профессионального бокса Америки написали письмо руководителям спорта Советского Союза о желании провести бой между Николаем Королёвым и Джо Луисом, но встреча не состоялась. По каким причинам, никто точно не знает. Одни говорят, что этого не желали руководители СССР, другие, что Николай Королёв не хотел терять статус спортсмена-любителя. У него было желание выступить на Олимпийских играх, которые должны были состояться в 1948 году в Лондоне, но советские спортсмены на Олимпиаду не поехали. А в 1952 ему уже было 35 лет. Николай Королёв вошёл в историю не только великим боксёром, но и героем войны. Эстафету советских боксёров в тяжёлом весе принял спортсмен из Литвы Альгидрас Шоцикас, который дважды становился чемпионом Европы.

Говоря об истории советского спорта, вспоминаю моего друга Анатолия Виноградова. Толя выиграл первенство СССР среди старших юношей. Успешно выступал и среди юниоров, но дальнейшей карьере помешал случай, после которого он не смог успешно выступать на ринге. Так что же

произошло? Команда боксёров сборной Москвы готовилась ко всесоюзным соревнованиям. Анатолий в своей весовой категории был сильнейшим, он заслужил своё место в команде. За неделю до начала первенства он и его товарищ по команде в той же весовой категории проводили тренировочный бой. Тренер остановил спортсменов, чтобы сделать им замечание, и в момент, когда Толя стоял с опущенными руками и внимательно слушал наставника, соперник точным прямым с правой пробил ему в голову. Толя удара не ожидал. В итоге – тяжёлый нокаунт. И всё – мимо соревнований, а на них поехал его соперник по спаррингу. После этого случая Анатолий некоторое время ещё выступал, подтверждая класс мастера спорта, но более высоких результатов уже не показывал, потому и решил поступить на факультет физического воспитания и стать тренером. В институт успешно окончил, совмещая учёбу с тренерской работой.

Я пишу о друге, он для меня был и останется Толей, но необходимо уважить тренера. А если тренер, то, конечно, Анатолий Николаевич. Тренером он был от Бога. Не просто тренером, а что самое главное в воспитании – педагогом. Он учил своих подопечных не только правильно наносить удары, но и давал им правильные ориентиры в жизни. Анатолий Николаевич подготовил много хороших спортсменов. Всех не перечислишь, но назову ученика, который принял эстафету от своего тренера и достойно её несёт до настоящего времени, готовя боксёров высокого международного класса.

Это Зуфер Мустафьевич Хусьянов – заслуженный тренер России, кандидат педагогических наук, заведующий кафедрой физического воспитания Московского горного университета, профессор. Многие ученики Анатолия Николаевича окончили вузы, такие, как МВТУ им. Баумана, МЭИ, институт физкультуры. Все достойно и твёрдой поступью идут по жизни. Даже в «лихие» девяностые никто из них «не споткнулся».

Мы все: его ученики, друзья – будем помнить его тренерский талант, доброту по отношению ко всем людям. В последние годы Анатолий Николаевич обратился к Богу. Ходил в церковь, читал серьёзную православную литературу. Свою квартиру завещал священнику, у которого четверо детей. Вот такой он был человек.

«Главное – выиграть»

*В спорте надо жить ярко,
В спорте надо жить честно...*

Анатолий родился в середине голодных 30-х годов в деревне недалеко от Сталинграда. Вскоре началась война. Во время налёта немецкой авиации на город зацепило и Толину деревню. В живых остались немногие из её жителей, в том числе и он. Через неделю по деревне, точнее по тому, что от неё осталось, проходили отступающие части Красной Армии. Мальчишку подобрали артиллеристы. Накормили. С ними доехал до Сталинграда. Хотели оставить в части как сына полка, но таких бездомных сирот набралось не один десяток. В результате Анатолий оказался в приюте в Курске, потом в детдоме в Подмосковье. Годы, проведённые в нём, вспоминал с грустью – все голодали, выживали. Но там была хорошая столярная мастерская, да и мастер классный, что очень важно, он любил детей. Как потом стало известно, семья наставника погибла при бомбёжке.

Шло время, Толя вырос. Ему нравилось заниматься спортом. Играл в футбол, в волейбол, увлекался греблей на байдарке. Казалось бы, послевоенное время, детдом – какая гребля? Каким образом в детском доме оказались лодки, никто вспомнить не мог. Ребята с помощью мастера по столярному делу восстановили инвентарь и получили возможность

совершенствовать своё спортивное мастерство.

Когда пришло время отправиться в свободное жизненное плавание, Анатолий получил путевку на завод «Серп и молот». Там дали место в общежитии. Работал по специальности в столярном цеху. Жил как многие в те годы: работал, учился, занимался спортом – играл за завод в волейбол и футбол. Надо отметить, что Толя к восемнадцати годам имел серьёзные габариты, ростом был в сто девяносто сантиметров. Вскоре и в армию его призвали. Во время прохождения курса молодого бойца на Толю обратили внимание преподаватели физической подготовки. Один из них был мастером спорта по гребле на байдарке. Из беседы с Анатолием он узнал, что тот два года занимался греблей в детдоме и имеет определённые навыки в этом виде спорта. Руководство части командировало парня для дальнейшего прохождения службы в ЦВСК ВМФ, конечно, с испытательным сроком. В клубе оставляли только тех, кто пройдёт отбор. Остальных списывали для дальнейшей службы на флотах страны.

Анатолий рассказал мне, как он прошёл отбор и остался в клубе: «В ЦВСК ВМФ мне дали форму, но главное – обеспечили питанием. Я так не ел никогда. Салаты, бифштексы, котлеты – всё из мяса, а не хлеба, да ещё два раза в день. Утром – сгущёнка, сыр, масло, кофе. Я сказал себе: «Толян, тебя из этой сказки вынесут только мёртвым, вперёд ногами». На отборе по ОФП показал хорошие результаты – все нормативы выполнил с перебором. После испытаний оста-

лось восемь человек. Начались отборочные по гребле в одиночках. В своём заезде я был вторым из четверых, попал в финал. Он был намечен на следующий день. Соревнования проходили на Москве-реке. Время года – вторая половина марта. Незамёрзшей была только полынья где-то метров двести. В те годы спортивная база ЦВСК ВМФ находилась на Ленинских горах рядом с трамплином, напротив строящегося стадиона «Лужники». И вот перед выходом на старт тренер объявляет нам: «Первых двух беру на сборы – остальные на флот, служить Родине!» Александр Иванович Антошин был великим тренером. Подготовил десятки мастеров спорта, многие его ученики, в том числе и я, стали чемпионами СССР, Европы, мира, Олимпийских игр. Итак, вышли на старт. Я оказался в середине. Думаю, «Это шанс!» Дают команду: «На старт! Внимание! Марш!» Я пробиваю веслом лодку соперника слева. Меня чуть развернуло, на втором гребке пробиваю лодку соперника справа. Дальше рубанул «по-чёрному», на одном дыхании. Финишировал вторым – полкорпуса лодки, но тот, кто выиграл, был сильнее меня и имел больший опыт. Через некоторое время мы с ним в двойке выиграли чемпионат СССР. А те ребята не утонули – берег был рядом, догребли». Сделав паузу после своего рассказа, Анатолий развёл руками и сказал: «А иначе – прощай сказка!»

Невеста

Эта история произошла в 1960 году. Узнал я её от известного спортсмена – пловца и ватерполиста Виктора Иванова. И вот его рассказ.

«После чемпионата СССР в Москве, где я выступил очень удачно, прошёлся по медалям, не остался погулять на радостях, а решил лететь к себе домой в Краснодар. Приехал во Внуково. До отлёта – пара часов. Взял сто пятьдесят коньяку, бутерброды с икрой, выпил за удачу, и вдруг – хлопок по плечу. Оглянулся, стоит Серёга с фибровым чемоданчиком, улыбается. С такими в те годы ходили на тренировки. Говорит: «Ну что, Витёк, поздравляю тебя с медалями! Летим домой?» Он был родом из Краснодара. Я его тоже поздравил со всеми его победами в сезоне на чемпионатах всех уровней. Серёга был известным борцом. Заказали бутылку коньяка, закуски. Сергей не дал мне расплатиться, открыл чемодан, достал деньги. Сказал, что успел получить премиальные в спорткомитете. А денег в его чемодане было сорок тысяч. Кстати, он выиграл и чемпионат мира. Короче, сели в ресторане. Слово за слово, рюмка за рюмкой и забыли, куда летим и когда. В беседе я Сергею рассказал, что у меня есть девушка. Она из Краснодара, но учится в Ленинграде в пединституте. Уже давно не виделись. Серёга говорит: «Витёк, всё, летим в Ленинград».

Прилетели в город на Неве, чуть поспали в зале ожидания, попили кефирчику, зашли в парикмахерскую, привели себя в порядок. Взяли такси и поехали в пединститут. Была середина сентября, и там нам сказали, что её группа уехала на практику в Грозный. Решили лететь домой в Краснодар. Зашли пообедать в шашлычную на Невском, и дальше началось самое интересное. Выпили мы, очевидно, прилично, обед удался. Что произошло к утру следующего дня, мы потом с Сергеем вспомнить так и не смогли. Помню только, что утром сижу в каком-то зале, рядом со мной, положив голову на чемоданчик, спит мой приятель. Я подумал: «Серёга и чемодан на месте – уже хорошо». Разбудил его, огляделись. Серёга говорит: «Витёк, что мы не в Краснодаре, – это точно». Вокруг ходят люди кавказской внешности, и тут слышим объявление по радио об отлёте какого-то рейса, не помню куда, но вылет из Грозного. Итак, деньги на месте, а мы в Грозном. Сергей говорит: «Витёк, пошли в буфет, по кефирчику, и начнём искать твою девушку». Поехали в грозненский пединститут узнать, где студенты из Ленинграда проходят практику. Нам сообщили, что они в сельской местности, но где точно, неизвестно, а поскольку день воскресный, то и узнать это не у кого. Конечно, я расстроился.

Решили прогуляться по городу, пообедать без спиртного и полететь в Москву. На Краснодар рейсов не было. Идём по улице, которая круто спускается вниз. Вокруг частные до-

ма. Вижу, нам на встречу поднимается группа молодых людей. Точнее, три девушки и четверо парней. Разговаривают, смеются, и вдруг я в одной из девушек узнаю свою подругу. Она смотрит на меня с удивлением. Мы перешли улицу, поздоровались. Она спросила: «Как ты тут оказался?» Я ответил, что летали в Ленинград, узнали, что у неё здесь практика. Приехал повидаться. Я представил Сергея. Мы вели дружелюбный разговор, не обращая внимания на молодых людей. Ребята стали проявлять агрессию в наш адрес, громко высказываясь, что эти девушки гуляют с ними, и предложили идти своей дорогой, иначе нам не поздоровиться. На их слова мы с Сергеем не обратили внимания, потому как, если бы началась драка, у ребят шансов против нас не было. Один из парней громко что-то прокричал на своём языке, повернувшись в сторону. Моя знакомая и её подруги громко крикнули: «Ребята, бегите! Сейчас к ним выскочит подмога!» Мы рванули, хорошо, что под горку. Оглянувшись, я увидел, что противников стало в два раза больше. Кричу: «Серёга, чем дальше будем бежать, тем их станет больше!» Мы остановились у одного из домов. Вырвали по деревянному дырну и приготовились к нападению. Будь что будет. Вдруг видим: по дороге в гору медленно поднимается автобус. Старый ЗИС. На лобовом стекле большой лист с надписью «Сборная СССР. Бокс». Автобус останавливается рядом с нами. На ступеньке стоит Евгений Огуренков – великий советский боксёр, главный тренер сборной СССР по боксу

и просит кого-то из спортсменов выйти из автобуса. Выскочило пять или шесть человек. Все в костюмах с надписью СССР на груди. Мы слышим, Огуренков кричит: «Ребята, берегите руки, работайте по корпусу!» Мы с Сергеем рассмеялись, бросили колья. Наши противники, уже человек двадцать, остановились. Минут пять постояли, агрессия у ребят прошла. Огуренков крикнул: «Ребята, в автобус! Опаздываем на матч!» Мы тоже вошли в него и поехали вместе с командой. Серёга отправился по салону здороваться с ребятами, многие были с ним знакомы, выступали в одном клубе за Советскую Армию.

Подъехали к грозненскому цирку. Там должна была состояться встреча по боксу между первой и второй сборными СССР для популяризации этого вида спорта в республике. В цирке было полно народа, только мужское население, все поединки очень понравились. Зрители болели страстно. После окончания все поехали в гостиницу, и на следующий день мы вместе с боксёрами рано утром спецрейсом улетели в Москву. С невестой я так больше и не встретился».

Гимнаст

В семидесятые годы, когда я учился в институте, мне довелось познакомиться Леонидом, который был старше меня на двенадцать лет. Как-то летом он позвонил мне домой и попросил помочь ему в работе в пионерском лагере, куда едет преподавателем физвоспитания. Так получилось, что в июне я был свободен, и согласился. Леонид ехал на всё лето, а я на одну смену. Работая в лагере, мы сошлись ещё больше, и как-то за чаем он откровенно и очень подробно поведал мне о своей судьбе.

«Когда я родился, не знаю. Записали тридцать седьмым годом. Родителей своих не знаю, а свою жизнь начинаю вспоминать только с детдома города Ульяновска. Лет с двенадцати начал покуривать, играть в карты. Получалось хорошо – часто выигрывал у старших и пользовался у них уважением. Они брали меня на дело – воровать. Убегали из детдома, возвращались, но я не помню, чтобы нас за это кто-то ругал. Вернулись, и хорошо. Где-то через год я узнал о том, что кражи – это затея не детдомовцев, а дело ставил дядя Коля – известный вор Колян, не раз сидевший. Он меня приблизил к себе, как мне показалось, за мою ловкость. В детдоме я самостоятельно научился делать переднее и заднее сальто, кувырки, кульбиты. Эти элементы я увидел, когда к нам приезжали гимнасты. Почему точно запомнил, что гимнасты, а не

акробаты? Потому что в дальнейшем они сыграли важную роль в моей судьбе, но это было позже.

В тринадцать лет я убежал из детдома, связался с ворами, вошёл в банду, которой руководил дядя Коля. Именно для меня дядя – я его так называл. Для остальных он был Колянком. Жили на «малинах», не всегда воровали, часто грабили, угрожая. Отнимали деньги у рабочих, которые шли домой, получив зарплату. Иногда орудовали ножом или били кирпичом по голове. Я не бил, а только воровал. Дядя Коля меня хвалил за это, ставя другим в пример. «Вот Лёнчик – красавец. Без ножа и кирпича работает».

Однажды мы взяли склад с пушниной. Там было много меховых воротников и шуб каракулевых, лисьих. На дело пошли дядя Коля и взрослые воры, из пацанов взяли только меня. Старшие «затемнили» сторожа, но не били. Только связали. Даже ружьё не отобрали. Я пролез в маленькое окно и открыл запасную дверь. Все меха, воротники, шубы забрать не удалось. То, что взяли, вывезли на телеге, запряжённой лошастью. Была зима, ночь, метель, но до «малины» доехали, хотя часто приходилось помогать лошади – колёса застревали в снегу. Дом, где находилась «малина», был обычным деревянным баракком. Он стоял на высоком берегу в отдалении от других строений. Зашли в барак, бросили на пол награбленное, получилась гора из меха. Старшие выпили за удачное дело, я не пил, даже не поел, а сразу лёг спать. Утром пошёл кататься с горы на санках и на ногах по ледяной до-

рожке, которую заливали до самой Волги. О краже я и не вспоминал. Когда вернулся, банда обедала и, конечно, с водкой. Я поел, лёг спать, проспал до самого вечера. Открыл глаза – за окном было темно. Слышу громкий женский голос: «Атас!» За ним мужской: «Мусора!» Колян резко командовал: «Хватай хабар, кто что может, и ноги!» – и назвал место, где нужно встретиться через два дня.

Я был мал ростом, но сообразил и одел на себя сразу две шубы, как потом оказалось лисьи, и с разгона, оттолкнувшись от стола, рыбкой прыгнул в окно, которое выходило на обрыв. С него скатился к реке. Подобрал полы шуб, пошёл на другую «малину». Подошёл к дому, тоже частному, условно постучал. Мне открыла женщина, я назвал себя. Увидев меня, она открыла рот от удивления. Представляю, как я выглядел – весь в снегу и в двух шубах. Зашёл, снял шубы, попил чаю. Сообщил ей, как все было. Она сказала: «Лёня, ложись спать. Если не вернусь до утра, вот здесь тебе приготовлено поесть». А сама пошла наводить атанду по «малинам». Днём вернулась и сказала, что всю банду во главе с Коляном взяли, но он успел скинуть маляву. Там написал, что я молодчик. Вот тут я задумался... Во второй раз могу не уйти, тогда тюрьма и зона.

Через дня три тётя Лена, так звали женщину, продала шубы и дала мне приличную сумму денег. Сказав при этом: «Это твоя доля. Ты заработал и не попался». Спросила меня: «А что дальше-то делать будешь?» Я сказал, что пойду в

свой детдом. Она внимательно посмотрела на меня, кивнула. «Ну и правильно. Только пойдём на рынок и купим тебе хорошую одежду. В этом рванье стыдно в детдоме появляться». Пошли на рынок. Там тётю Лену все знали, подобрали мне хорошую одежду. Даже детское зимнее пальто на ватине с каракулевым воротником, почти новое. Вернулись домой. Я помылся, поел, нарядился во всё новое, собрался уходить. Тётя Лена сказала: «Лёня, деньги все не бери с собой, оставь. В детдоме таких денег даже учителя не видели за всю жизнь. Вопросы будут. Деньги твои я не истрочу. Приходи в любой момент, я их отдам». Она была права, я кивнул, попрощался и отправился в детдом.

Шёл 1951 год, мне было почти четырнадцать лет. Вернулся в детский дом. Все ребята, преподаватели, директор – добрая женщина встретили хорошо. Их, конечно, удивил мой прикид – одет по тем временам я был классно, но откуда что спрашивать не стали. На следующий день пришли из милиции, побеседовали со мной недолго. В ходе беседы понял, что они знали о том, что я был в банде у Коляна, но разошлись краями, по-хорошему. Год учёбы я пропустил. Пошёл опять в пятый класс. Так как решил завязать с воровством, то даже карты в руки брать не стал, а взялся за учёбу. Мне было четырнадцать, а образования всего четыре класса. Чтобы пойти в ремесленное училище, надо было окончить семилетку.

Всё это время у меня из головы не выходило выступление

гимнастов на празднике в нашем детдоме. Гимнастическая секция общества «Трудовые резервы» была рядом с ним. Кстати, ремесленное училище находилось тут же. Я попросил воспитательницу, которая была у нас классным руководителем, чтобы она помогла мне поступить в гимнастическую секцию. Классная, конечно, помогла. Она видела, как я изменился и в поведении, и в отношении к учёбе. То, что я отошёл от воровских дел, мне никто не предъявил ни в детдоме, ни старшие поделщики.

Я начал заниматься гимнастикой, результаты росли, как грибы после дождя. Учась в седьмом классе, уже уверенно работал по второму взрослому разряду. Летом стал чемпионом области среди юношей в упражнениях на перекладине, брусьях и в вольных. В многоборье медали не разыгрывались. Окончив седьмой класс, пошёл в ремесленное училище, и, разумеется, выступал за общество «Трудовые резервы». Себе поставил задачу: выполнить первый взрослый разряд и окончить десятилетку. То, что задумал, выполнил. Окончил ремесленное училище, получил аттестат зрелости и выполнил первый взрослый. На чемпионате области стал чемпионом в многоборье. Обо мне даже написали в местной газете небольшую заметку. Поступил в пединститут на факультет физического воспитания. Жизнь шла своим чередом – учился, тренировался. По окончании первого курса очень близко подобрался к нормативам мастера спорта СССР.

Летом, участвуя в соревнованиях, до норматива не добрал

совсем чуть, хотя выступил успешно – с медалями. Выхожу после состязаний, смотрю, стоит группа мужчин, все смотрят на меня и улыбаются, пригляделся – Колян с корешами. Сам к ним подошёл, поздоровался со всеми. Дядя Коля сказал: «Ну, молодчик Лёня! Красиво пируэтины заделывал!» Потом кивнул, и ребята отошли. Мы остались вдвоём. Он спросил, как живу, чем помочь, может, деньги нужны. «Кстати, у Лены твои деньги лежат в сохранности». Я вежливо отказался от помощи и деньги у тёти Лены решил не брать. Сказал, что живу в общежитии бесплатно, получаю талоны на питание и стипендию, как студент и спортсмен. Дядя

Коля протянул мне руку, сказал: «Ну, молодец, желаю тебе стать чемпионом СССР. Будем за тебя болеть». Засмеялся, добавил: «Ну, ты, Лёня, – красава. Как тогда ушёл!» Расстались по-доброму.

Больше я с дядей Колей и его ребятами не встретился. Меня ждала столица нашей родины. Приехал в Москву, оформил перевод в «Динамо» и в государственный центральный институт физкультуры. Дали общежитие, стипендию. С деньгами было всё в порядке – хватало. Дальше пошло, как по накатанной. Выполнил норматив мастера спорта СССР и в чемпионате СССР 1954 года вошёл в десятку в многоборье в упражнениях на снарядах ещё ближе. В 1955 году – в резерв сборной СССР и стал готовиться к Олимпийским играм, которые должны были состояться в Мельбурне в 1956 году. Но все мои мечты рухнули в одно мгновение.

Летом 1955 года в День физкультурника на стадионе «Динамо» состоялся спортивный праздник. Присутствовали члены правительства и лично Н.С. Хрущёв. Я должен был выступать на перекладине один и в паре. В основном, выполнять большие обороты. Утром до начала праздника прошёл дождь, перекладину не протёрли, а я не проверил. Она находилась на высоте пяти метров, чтобы все зрители видели выступление гимнастов. Я поднялся, вышел на большие обороты, чувствую, руки не держат, скользят, а сделать уже ничего нельзя. На третьем обороте сорвался. Очнулся в больнице. Шея, грудь – в гипсе. Испугался за ноги, проверил – всё нормально. Думаю: «Уже хорошо!» Потом мне рассказали, что после падения я встал и пытался залезть на перекладину для продолжения упражнения, но меня сняли и положили на носилки. Потом год по больницам. Вылез. Начал восстанавливаться. Получил высшее образование – окончил институт. Но на большом спорте пришлось поставить жирную точку. Пошёл работать в школу учителем физкультуры. Это жизнь – получилось так, как получилось. Считаю, что всё хорошо закончилось. Мог бы стать инвалидом».

В Париже

Во французской столице приходилось бывать не раз. Где-то в конце семидесятых приехали мы в Париж с Евгением, моим близким другом. Гуляя по городу, как в песне Владимира Высоцкого «Ах, милый Ваня, я гуляю по Парижу...», вспомнили одну историю, которую нам рассказали футболисты сборной команды СССР за ужином в ресторане гостиницы «Интурист». Но я вспомнил её только тридцать лет спустя. Участников тех событий уже нет в живых.

Дело было в 1967 году. Сборная СССР по футболу прилетела в Париж на товарищескую встречу с командой Франции. Игра должна была состояться вечером следующего дня на стадионе Парк де Пренс. Разместились в гостинице, пообедали, отдохнули, поехали на тренировку – почувствовать газон. После – в автобус, в гостиницу, поужинали и оставшийся вечер свободен. Пошли знакомиться с городом.

В те времена советским людям за границей не разрешалось гулять даже вдвоём, только вчетвером. Назначался обязательно старший группы. В этой четвёрке двое были уже чемпионами Европы, чемпионата, который состоялся 1960 году. Тогда команда сборной СССР в финальном матче победила сборную Югославии со счётом 2:1 и стала чемпионом Европы. Прошло уже более пятидесяти лет, а нашим, так сказать, футболистам, увы, ничего серьёзного в Европе

и мире выиграть не удалось.

Итак, прошлись по окрестностям, решили вернуться в гостиницу отдохнуть перед завтрашней игрой. И вдруг видят витрину, а там не манекены, а живые барышни, причем очень мало одетые сидят. Решили зайти посмотреть, тем более суточные выдали заранее, потому что после игры – сразу в аэропорт и в Москву. Умолчим о подробностях, скажем только, что все четверо загуляли по-русски, с размахом. Все суточные остались у барышень. На отбой, конечно, опоздали, но в номера зашли тихо.

Часов в шесть утра, не сговариваясь, встретились в номере у доктора команды, который проживал в отдельном номере. Всё просто: ребята знали, что у врача есть спирт. Естественно, он им налил – не дал умереть. Узнав, что оставили в борделе все свои суточные, дал из своих – на сувениры. Ребята в долгу не остались. Пошли спать. Встали, позавтракали, из гостиницы не выходили, решили, что сувениры купят в аэропорту.

И, наконец, о главном ради чего и приехали в Париж, – о матче. «Игра забывается, а счёт остаётся», – так сказал великий английский футболист сэр Стэнли Мэтьюз. Сборная СССР победила тогда со счётом 4:2. Жирную точку в этой игре, забив четвёртый гол, поставил Эдуард Стрельцов.

О друге

Ушёл из жизни мой друг Геннадий Ивкин. Он достойно бился с болезнью, дважды оказывался в больнице, но возвращался домой победителем. Мы были уверены, что все беды остались позади, но сердце его не выдержало. Вспоминаю, познакомились мы с ним в Лужниках в плавательном бассейне.

В студенческие годы мы выступали в соревнованиях по плаванию и оказались в группе одного тренера Анатолия Фёдоровича Титова, которого тоже уже нет в живых. Он помог нам выбрать правильное направление в жизни. Геннадий в то время учился на втором курсе электромеханического техникума имени А.Б. Красина, активно занимался спортом, выступал за своё учебное заведение в соревнованиях по плаванию, лёгкой атлетике, стрельбе. Несмотря на многочисленные увлечения учился хорошо. И со своей будущей женой он познакомился в том же техникуме. Люда училась с ним на одном курсе.

Как-то после тренировки мы пили чай в буфете бассейна, и я предложил Геннадию заняться морским многоборьем. В этот вид спорта входило пять дисциплин: бег 1500 метров, плавание вольным стилем 400 метров, стрельба из винтовки, парусные гонки и гребля на ялах. Гена задумался, я продолжил: «Тебе до армии остался год, в феврале диплом

защитишь, а в мае заберут, займись серьёзно многоборьем. В ЦСКА ВМФ есть штатная команда. В первую команду вряд ли попадёшь, а для второго состава через год будешь в самый раз». Геннадий согласился. Я познакомил его со старшим тренером команды Леонидом Петровичем Бескопыльным, который был хорошим спортсменом и тренером. У Геннадия всё получилось. Защитил диплом, пошёл служить матросом Высшей школы спортивного мастерства Центрального Спортивного клуба ВМФ. За годы службы вырос как спортсмен, выполнил норматив мастера спорта СССР, с успехом выступал на всесоюзных соревнованиях.

Интересен один случай, произошедший на чемпионате Вооружённых сил СССР в Баку. Шёл август. Жара страшная. Дистанция кросса проходила по горной тропе. После своего забега я пошёл поддержать Геннадия, который стартовал позже. Бежит он, а перед ним переползает тропинку гюрза, он её увидел, а дальше произошло неожиданное: Гена совершил прыжок, пролетев метра три, а, может быть, и больше. Крикнул: «Нормально!» И побежал дальше. На чемпионате выступили хорошо – вернулись с медалями.

Гена был парнем не из робкого десятка. Как-то отправился в увольнение с товарищем по команде. Было начало лета. С утра поехали на тренировку в Лужники. После решили прогуляться по Ленинским горам. Шли по пешеходной дорожке Метромоста. Тут Гена останавливается и говорит: «А слабо военморам прыгнуть в Москва-реку?» И, не раздумыв-

вая, оба сиганули ногами вниз. Вошли в воду удачно, но вылезали с большим трудом. Замечу, что ребята были трезвыми, просто решили покуражиться. Как военмору да без куража?

Вспоминаю, как мы с Геннадием однажды отметили праздник День Советской Армии и Военно-Морского Флота. Был 1972 год. Я возобновил занятия боксом. Тренировался под руководством Станислава Ивановича Степашкина, чемпиона Олимпийских игр, и Анатолия Николаевича Виноградова, известного боксёра и тренера. С ними я дружил многие годы. Заканчиваю тренировку, вижу в зал входит Геннадий с большим пакетом. Поприветствовал всех: «С праздником, дорогие друзья! Примите подарок от военмора». В пакете было несколько бутылок вина (в то время никто из нас водку не жаловал). Мы сели вчетвером, три бутылки ушли влёт. Стасу надо было домой, да и мы хотели уходить. Вышли из зала на улицу, Стас попрощался и ушёл. Мы остались втроём. Толя попросил нас подождать минут пятнадцать и ушёл. Остались вдвоём. Дул сильный ветер, стоял лёгкий морозец. Вдруг Гена бросает свою крылатую фразу: «А слабо двум военморам по карнизу пробежать круг в честь праздника?» Подтянувшись, полез по пожарной лестнице вверх. Я за ним. Это была пятиэтажка. Гена побежал первым, я за ним. К счастью, мы не упали. Смотрим вниз, а там стоит Толя с авоськой и с ужасом смотрит на нас. Мы благополучно

спустились. Анатолий Николаевич сделал нам выговор: «Я всё видел! Вы что творите? У меня чуть сердце не остановилось!» Нам оставалось только промолчать. Вернулись в зал, выпили ещё пару бутылок за праздник, за то, что не упали и остались живыми. Впоследствии, встречаясь с Геннадием, часто вспоминали этот случай. Какие же дураки были, могли ведь сорваться!

Жизнь шла своим чередом. Геннадий учился, тренировался, окончил институт, написал и защитил кандидатскую диссертацию, помогал другим писать кандидатские, возглавлял комплексную научную группу федерации лёгкой атлетики Советского Союза – не без успеха. Пришли 90-е, страна развалилась, надо было думать, как выжить и прокормить семью. К тому времени у Геннадия было двое детей – дочка и сын. Он серьёзно занялся массажем и стал профессионалом в этом деле. Постоянно совершенствовался, а летом ездил в Астраханскую область – подработать на уборке бахчевых. В бригаде у него работали наши друзья – Анатолий Виноградов и Станислав Степашкин. Так приходилось выживать в те годы даже олимпийским чемпионам. Эта работа дала возможность достойно финансово поддержать семью. Геннадий и Людмила хорошо воспитали своих детей. К сожалению, болезнь унесла их обоих: КОВИД не делит людей на плохих и хороших. Вспоминая Геннадия, нашу юность, спортивную жизнь, я всегда улыбаюсь. Гена был очень жизнерадостным, помнящим добро человеком.

Многоборцы

Время неумолимо, оно стремительно летит. Оглядываясь назад, пишу о людях, с которыми шёл по дороге жизни. Служа в Вооружённых силах СССР в Центральном спортивном клубе Военно-Морского Флота, впоследствии ЦСКА ВМФ, я выступал в морском многоборье. Это важный для Вооружённых сил прикладной вид спорта, куда входят пять дисциплин: плавание 400 метров вольным стилем, бег на 1500 метров по пересечённой местности, стрельба из винтовки на дистанции 50 метров, парусная гонка и гребля на ялах – дистанция 2000 метров. Часто вспоминаю всех ребят из нашей команды, с некоторыми до сих пор поддерживаю отношения, хотя встречаемся нечасто – возраст, а многие, как это не печально, уже ушли из жизни. Трагически погиб и наш тренер Л.П. Безкопыльный.

Леонид Петрович родился на Украине, занимался плаванием и лёгкой атлетикой. Окончил факультет физвоспитания педагогического института. Приехал в Москву и поступил в медицинский институт. Окончив его, пошёл служить в ВМФ, где и увлёкся морским многоборьем. Впоследствии стал работать в клубе ЦСКА ВМФ. Закончив карьеру спортсмена, занялся тренерской деятельностью, стал заслуженным тренером России, затем в качестве главного тренера Вооружённых сил СССР возглавил команду по морскому

многоборью. Он автор книги «Морское многоборье».

Наши отношения непросто складывались, но всё быстро нормализовалось, и после того, как я закончил занятия спортом, мы оставались друзьями. Я был знаком с семьёй Леонида Петровича. Супруга его работала в клубе врачом, младший сын – мастер спорта СССР по подводному плаванию, старший – капитан первого ранга, командир атомной подводной лодки. Леонид Петрович закончил службу в должности начальника физической подготовки и спорта ВМФ. Его и супругу сбила машина, когда они переходили дорогу, возвращаясь из магазина. По трагическому стечению обстоятельств, виновником аварии стал подполковник-хирург, который работал в госпитале имени Бурденко и возвращался домой после ночного дежурства. Всегда буду помнить Леонида Петровича и его доброе отношение ко мне.

В нашей команде все без исключения состоялись как личности. Братья Куликовы: старший Виктор и младший Сергей – окончили МВТУ имени Баумана, после получения дипломов связали свои жизни с армией. Оба дослужились до звания полковника, «ковали броневую щит» Советского Союза в ракетостроении. Виктор ушёл из жизни рано – онкология, Сергей жив и здоров. В команде были ещё два брата – Виктор и Николай Жан-ковы. Виктор, старший, успешно выступал не только в морском многоборье, но и современном пятиборье, окончил Московский энергетический институт. Был мастером спорта СССР в этом виде спорта. После занялся биз-

несом, а в девяностые, там Виктор не потерялся, продавал автомобили «Жигули». Участь многих, кто был в те времена в этом бизнесе, печальна. Постреляли от Тольятти до Москвы десятки бизнесменов, бандитов, даже воров в законе, но Виктора это не коснулось. Теперь он уже ушел из жизни – не выдержало сердце. Младший Николай не был так успешен в спорте, как старший, но норматив мастера спорта СССР выполнил. Поступил в педагогический институт на факультет физвоспитания, пошёл служить в милицию.

О каждом из этих людей можно было бы написать и больше, чем несколько строк. Со многими ребятами я прошёл срочную службу в ЦСКА ВМФ. Один из них – Сергей Гуляев, добрый порядочный человек и классный спортсмен, чемпион Москвы, Вооружённых сил СССР и победитель Спартакиады народов СССР. Впоследствии служил в КГБ СССР. Окончил службу полковником. Вот пара историй из жизни воен- моров.

В клубе была традиция принимать присягу молодого воина. Воин ложился на банку, а проще – табурет, пятой точкой кверху, а двое старослужащих брали в руки по кеду и по команде били три раза с каждой стороны по «объекту». Били без остервенения, но так, чтобы молодой военмор прочувствовал. Я пришёл в клуб после окончания института, но тоже принимал присягу. Когда у нас появился после учебки молодой боец Николай Жанков, мы решили принять его в наш коллектив. Как-то после тренировки зашли к себе в кап-

тёрку, переоделись в робу, точнее, в рабочую одежду матросов. Я и Геннадий Ивкин взяли по кеду, Коля принял в исходное положение, Сергей вышел на улицу постоять на «ата-се». За этот, так сказать, ритуал могли очень серьёзно наказать, даже списать для дальнейшего продолжения службы на Северный флот. Мы с Геной пробили без азарта, но чувствительно, чтобы молодому «служба мёдом не казалась». Вдруг вбегает Сергей: «Вы что делаете? На улице так слышно! Горлов проходил, даже остановился». Михаил Васильевич Горлов, флотский старшина, отвечал за дисциплину в школе высшего спортивного мастерства. Как-то после окончания службы он мне напомнил об этом случае. Улыбнувшись, сказал: «Традиция есть традиция!» Коля же после экзекуции, обращаясь ко мне, отметил: «Ну, от тебя я этого не ожидал». Гена Ивкин на это с возмущением ответил: «Коля, да мы тебя только погладили. Ты и не знаешь, как бьют присягу по-настоящему!» Всё свели на шутку, да и Коля всё понял и обиды не держал.

Выступал за команду многоборцев ЦСКА ВМФ Михаил Васенков. С ним я познакомился в 1964 году, тренируясь в бассейне стадиона «Лужники». Он очень прилично плавал стилем «дельфин» по мастерам и учился в военном училище Верховного Совета. Не знаю почему, но запомнился он мне в военной форме и улыбкой с золотым зубом. Михаил окончил училище с отличием и золотой медалью. Через некоторое время он исчез из нашего поля зрения. Я увидел, а главное

узнал Михаила, когда группа советских и российских разведчиков поднималась по трапу самолёта, чтобы покинуть США. Их сдал предатель. Сразу позвонил своему другу Валерию Пуденкову, сказал, что это точно Миша, хотя фамилии его не называли. Валерий удивился, ведь Михаил работал нелегалом сорок один год и достаточно сильно изменился. Через некоторое время Валерий мне перезвонил и сказал, что это действительно он. Был опубликован список высланных из США. Но с Михаилом мы не виделись. Встретиться с ним смог наш друг Сергей Гуляев. Это всё, что осталось в памяти о Герое Советского Союза, офицере службы внешней разведки Михаиле Анатольевиче Васенкове. Мог бы написать и больше, но это было бы возможно только с разрешения самого Михаила.

Продолжу об упомянутом выше Валерии Пуденкове. С ним мы познакомились в 1965 году, учась в институте на одном факультете, но в разных группах. Валера в спорте начинал как пловец, потом занялся многоборьем. Перед этим отслужил срочную службу в Таманской дивизии. Он меня и привёл в этот вид спорта – морское многоборье. Валерий успешно выступал, был чемпионом Москвы, обладателем полного комплекта медалей Чемпионата Вооружённых сил СССР, чемпионом Советского Союза, победителем Спартакиады народов СССР. После окончания спортивной карьеры стал тренером. Занимался со спортсменами современного пятиборья, где добился высоких результатов. Подопечные

Валерия Степановича становились чемпионами СССР, чемпионами мира и победителями многих международных соревнований. Два года он был главным тренером Сборной команды СССР по современному пятиборью. Мы поддерживаем с ним дружеские отношения, хотя с возрастом стали меньше встречаться, но есть телефон. Вот и сейчас позвоню, прочитаю пару строк, написанных о нём, может, что и добавит.

Пришло время рассказать о самом титулованном спортсмене, который начинал свой путь, занимаясь в многоборье. Это Владимир Шмелёв. Он проходил срочную службу в ЦСКА ВМФ. Владимир родился в Магадане, впоследствии семья переехала в Москву. Занимался плаванием, прилично бегал, особенно кросс. Был хорошо сложен, высокого роста. Очень серьёзно относился к тренировкам. Служа в клубе, который располагался в заливе Москвы-реки, он плавал до Речного вокзала (это приблизительно два с половиной километра) и обратно. Делал это даже осенью. Надевал костюм «калипсо» и плыл. Это плавание было небезопасно, так как он не имел страховки, а в заливе много катеров, но его цель – стать олимпийским чемпионом в современном пятиборье – оправдывала этот риск. В морском многоборье он выиграл все соревнования и полностью сосредоточился на тренировках в современном пятиборье. Через некоторое время и в нём Владимир выиграл все существующие в этом виде спорта соревнования. Трижды становился чемпионом

СССР в личном первенстве, чемпионом Спартакиады народов СССР, победителем Кубка Европы, дважды чемпионом мира. Покорила его и вершина, к которой он стремился и шёл упорно, тренируясь долгие годы: на Олимпийских играх 1972 года в Мюнхене, выступая в команде вместе с Павлом Леднёвым и Борисом Онищенко, Владимир Шмелёв стал олимпийским чемпионом. За свой спортивный вклад был награждён медалью «За трудовое отличие», почётным знаком «За заслуги в развитии олимпийского движения в России». Завершив карьеру спортсмена, стал работать тренером в Вооружённых силах Андрей Рогатин. С ним мы проходили срочную службу в ЦСКА ВМФ. Успешно выступал, хотя был самым молодым в команде. Чемпион Москвы, Вооружённых сил СССР, чемпион СССР, победитель Спартакиады народов СССР. После службы в армии увлёкся современным пятиборьем, стал мастером спорта. Затем работал тренером в этом виде спорта. В конце 80-х годов XX столетия в мире активно стал развиваться новый вид спорта – триатлон. В него входили такие спортивные дисциплины как плавание на открытой воде, велосипедная гонка и легкоатлетический кросс. В Советском Союзе Андрей, уточним. Андрей Евгеньевич, стал одним из основоположников советского и российского триатлона.

Непросто говорить о друзьях, которые покинули этот мир. С большой грустью вспоминаю Геннадия Ивкина, с которым мы дружили и служили в ЦСКА ВМФ. Как-то у меня в го-

стях за чаем Геннадий спросил: «А слабо тебе написать рассказ обо мне, да и обо всех ребятах из команды многоборцев?» Шло время, писать об этом я не торопился, и вот в Генин дом пришла беда – заболела КОВИДом его жена. Не смогла выздороветь – умерла. Геннадий тоже заразился, но болезнь победил. Потом он заболел повторно, и его не стало. После его смерти я выполнил просьбу Геннадия. Написал о нём. Однако сейчас вспомнил случай, который произошёл с военморами. Он в тот рассказ не вошёл.

Дело было осенью, где-то в конце октября. Я, Геннадий Ивкин, Андрей Рогатин и Николай Жанков решили походить под парусом. Ветер был хороший. Андрей рулил, а мы, матросы, откренивали. Всё шло хорошо, но вдруг слышим голос мичмана Аракеяна. С первого раза команду: «Освободить фарватер!» – не разобрали, так как мешал сильный ветер, но увидели, что от причала отходит малый десантный корабль. Сделали резкий разворот, чтобы уйти с курса десантного корабля, и все оказались в воде, а сверху нас накрыло парусом. Передаю только свои ощущения. Хотел всплыть, но сверху мешал парус. Поднять его было невозможно, потому что он лёг на воду. Я был во флотском бушлате, но без спасательного жилета – мы ими никогда не пользовались. Воздух заканчивался. Я принял решение поднырнуть под парус и сделать десять сильных гребков под водой. Три последних гребка – «на зубах» и резко всплыл. Осмотрелся: все ребята на месте. МДК прошёл от нас примерно в пяти мет-

рах. Доплыли до берега, быстро переоделись, взяли шлюпку и вытащили на берег наш затонувший корабль.

По-разному сложилась судьба у моих друзей по команде. Одни стали офицерами, другие – заслуженными тренерами и руководителями спортивных федераций. Хочу рассказать о Николае Нефёдове, с которым не раз выступал на соревнованиях. Он родился в Горьком, сейчас это Нижний Новгород. Хорошо учился, занимался спортом. Добился высоких результатов в спортивной гимнастике, плавании, лёгкой атлетике. Приехав в Москву, Николай продолжил занятия спортом. Увлёкся современным пятиборьем и морским многоборьем. В этих видах стал мастером спорта СССР. Несмотря на то, что Николай был моложе меня на пять лет, у нас сложились хорошие товарищеские отношения. В последний раз в качестве спортсменов виделись в 1973 году, когда выступали на чемпионате Вооружённых сил СССР за команду Московского военного округа. Завоевали бронзовые медали.

Соревнования проходили на Балтике, в Калининграде. Интересно то, что руководителем нашей команды был майор Эдуард Иванов, неоднократный чемпион СССР, Европы, мира, Олимпийских игр, легендарный защитник нашего советского хоккея. Он остался очень доволен нашим выступлением и, как полагается, накрыл нам «поляну». Возвращались в Москву на поезде, как обычно, в плацкарте. Сели, выпили в меру, и не все. С нами ездил на соревнования Саша Коровин, он был запасным и пить не стал. Сказал, что не за-

служил, да он и, в принципе, не употреблял. Посидели, легли спать – после соревнований навалилась усталость. Просыпаюсь,

Николая нет. Прошло полчаса – его нет. Эдик заволновался: «Не попал бы в замес!» Я ответил: «Коля режимщик, да и не буйный». Только собрались идти искать по вагонам, видим, идёт Николай босиком, держит кроссовки в руках. По виду, расстроен. Сел и говорит: «Так стыдно и неудобно получилось перед пожилой женщиной. Встретил товарища-пятиборца. Пошли к нему, не пили, а меня что-то развезло. Думаю, пойду спать. Захожу, как показалось, к своим. Смотрю, моя нижняя полка свободна. Снял кроссовки и лёг спать. Спал, как убитый, просыпаюсь, оглядываюсь: вас нет, кругом чужие люди. В ногах сидит бабуля. Я понял: что тут что-то не то. Быстро встал и спрашиваю бабушку: «А что вы здесь сидите?» Она в ответ: «Милоч, это моя полка». Так со-вестно стало. Я извинился и ушёл, не обувая кроссовок».

Наши дороги разошлись. Николай успешно выступал в современном пятиборье за ЦСКА. А в 1987 году в газете «Комсомольская правда» была напечатана большая статья о криминальных похождениях Николая. Узнал, что его посадили. В 1992 году он освободился. Вернулся в новую страну, где всю гуляли бандиты. Тут и пошло – в Химках появился серьёзный криминальный авторитет Нефед. На этом тему я закрываю. В 1997 году я встретился с Николаем в казино «Князь Голицын», которое находилось в саду имени Баума-

на. Пообедали, вспомнили ребят, молодость. Для нас советское время было хорошим, может быть, потому что мы были молоды.

А вот и о Александре Коровине, о котором уже говорилось. С Сашей я учился в одном институте. Он серьёзно занимался плаванием. Особенно хорошо плыл дистанцию 400 метров вольным стилем. Парень был одарённый, с хорошей памятью, много читал, интересный рассказчик, обладал прекрасным чувством юмора. Я уверен, выбери он любой из циклических видов спорта, обязательно стал бы мастером. Кстати, и в футболе отличался. Играя в футбол на одной из спортивных площадок в Лужниках, Саша раза три подряд прошёл по краю и сделал классные передачи. Одну из них я завершил, забив гол. Но для этого мне всего-то оставалось подставить ногу. С нами играл известный пловец Виктор Иванов. Он воскликнул: «ДЖОНСТОН!» Джимми Джонстон, известный английский футболист, который обладал уникальным дриблингом, вошёл в число десяти лучших игроков за всю историю английского футбола. Впоследствии буква «Т» выпала. Вот так, играя в футбол, получил он свою кличку, если хотите, псевдоним – Джонсон, и Саша надолго остался Джонсоном. В спорте клички были практически у всех. Бежал Александр, действительно, очень прилично. Особенно спринт и средние дистанции. Я этому свидетель.

Как-то мы с ним пришли посмотреть соревнования по лёгкой атлетике, где участвовали спортсмены нашего вуза.

Вдруг к нам подходит наш преподаватель и просит: «Ребята, помогите, надо закрыть зачёт на дистанцию 800 метров. Зачёт по трём участникам. Не хватает одного. Выручайте! Форму и шиповки найдём. До забега двадцать минут осталось». Я говорю: «Санёк, слабо?» Он: «Да запросто!» И побежал готовиться к забегу. Дали старт, дорожка гаревая, соревнования проводились на стадионе энергетического института. Финиш – Саня первый. Объявляют результат: одна минута пятьдесят пять секунд. То, что я был удивлён, это ничего не сказать. Я неплохо бегал 800 метров, но не выбегал из двух минут никогда. Свои результаты помню: две минуты десять секунд – лучший. Поразился не я один. Тренер сразу предложил Саше перейти в лёгкую атлетику, но он этим видом спорта серьёзно заниматься не стал.

Дважды мы с ним выступали в одной команде в морском многоборье: на чемпионате Вооружённых сил СССР в Калининграде и на матче городов-героев в Ленинграде. В Калининграде мы были третьими, завоевали бронзовые медали, и в Ленинграде тоже выступили прилично. В индивидуальных видах: плавании и кроссе – Саша у меня выиграл. Он был моложе и сильнее меня, но я лучше стрелял. На соревнованиях в парусных гонках мы вошли в пятёрку. Оставался заключительный вид – гребля, где решалась судьба медалей. Саша невысокого роста и весом менее семидесяти килограммов, так что на весле ему тяжело. Он у нас был рулевым, но это не так просто, как кажется. Рулевой – это тренер

во время гонки, он руководит командой. Гонялись на Неве, я был загребным в команде.

Вот гонка началась, со старта выехали в лидерах, и далее, как говорится, поехали. Где-то на отметке 1000 метров я осмотрелся, вижу: идём где-то вторыми-третьими, да и первая команда недалеко ушла. Подумал: «Нормально». Нам для того, чтобы выиграть в общем зачёте, достаточно быть вторыми. Это вполне по силам. Оценив ход лодки, понял, что мы можем и выиграть гонку. Перестал смотреть на соперников и сосредоточился на гребле, да и усталость наваливалась. Подошли к отметке 1500 метров. До финиша ещё 500. Смотрю, о ужас! мы четвёртые-пятые, причём идём не параллельно с другими экипажами, а в сторону от финиша. Я крикнул: «Саша, что творишь?» И, сняв одну руку с весла во время подготовки к следующему гребку, показал, в какой пролёт моста мы должны войти. Каждому экипажу перед гонкой определили пролёт моста, чтобы не столкнуться. После него до финиша оставалось 150 метров. Саша стал выруливать, мы добавили в темпе, но силы были на исходе. Как мы финишировали, я не помню. Пришёл в себя, когда объявляли результаты гонки. Команда Московского военного округа, за которую мы выступали, финишировала третьей. В общем зачёте мы были на почётном втором месте. Во время награждения главный тренер Леонид Петрович Безкопыльный спросил у меня: «Что случилось? Вы же могли выиграть гонку?» Я промолчал, так ничего и не ответив Леониду Пет-

ровичу. Всё просто: Саша перепутал пролёты моста, сказала психологическая нагрузка во время гонки. Такое бывает. Александр извинился перед командой, а передо мной извинялся неоднократно.

После окончания института он служил в КГБ СССР, что неудивительно – его отец тоже был офицером. Василий Владимирович Коровин, участник Великой Отечественной войны, профессор академии ФСБ России. С ним я знаком лично. Бывал у них дома. Хороший, порядочный человек. Жизнь нас с Сашей развела. Где-то в девяностые я узнал, что он оставил службу в органах. Работал тренером по плаванию в Олимпийском дворце спорта. Об этом мне рассказал Алексей Буре, с которым я был в дружеских отношениях. Саша рано ушёл из жизни. Этот рассказ – в память о нём.

Теперь о самом молодом участнике команды Вячеславе Кокунове. Был он на семь лет моложе меня. Невысокого роста, крепкого телосложения, в многоборье пришёл из плавания, но мне с ним в одной команде на соревнованиях выступать не пришлось. Слава выполнил норматив мастера спорта СССР, затем увлёкся современным пятиборьем. После армии работал тренером-преподавателем в МГК ДОСААФ. Затем стал председателем объединённого комитета профсоюзов города Москвы. Карьера Славы шла быстро и чётко, как курьерский поезд. Защитил кандидатскую диссертацию по истории, а его главная станция – первый заместитель управляющего делами Президента РФ. Затем он был назна-

чен руководителем Департамента управления делами Аппарата Правительства РФ. Награждён орденами, среди которых орден Почёта, «За заслуги перед Отечеством» четвёртой степени. Со времен службы в армии с Вячеславом не я встречался. Нет, вспомнил. Как-то виделись в девяностые. Такую встречу называют мимолётной.

Заканчивая рассказ о многоборцах, хочу вспомнить Александра Самодерженкова. Саша был силён во всех видах многоборья. Выигрывал неоднократно чемпионаты Советского Союза, Вооружённых сил СССР, был победителем Спартакиады народов СССР. Выполнил норматив мастера спорта СССР по современному пятиборью. В пятиборье выступал за клуб «Динамо», стал офицером, но после инсульта оставил службу. Работал тренером в «Динамо».

Посвящаю свой рассказ моим друзьям-спортсменам. Ушедшие в мир иной навсегда останутся в моей памяти, а живым – здоровья и долгих лет.

Майор

В молодые годы, профессионально занимаясь спортом, именно профессионально, я получал ставку спортсмена и подрабатывал в школе учителем физвоспитания. Там и познакомился с Николаем Петровичем, майором-артиллеристом. Николай Петрович был офицером, прошедшим всю войну, дошедшим до Берлина, имеющим боевые награды. В 1960 году попал под знаменитое хрущёвское сокращение. Никита Сергеевич Хрущёв, в то время руководитель страны, подписал указ о новом значительном сокращении Вооружённых сил СССР, выкосивший большинство военнослужащих, прошедших войну. Урон, нанесённый им, был очень серьёзным. В результате Николай Петрович попал в школу, где вёл военное дело.

Как-то летом мы с ним и ребятами, которые окончили девятый класс, поехали в трудовой лагерь. Я отвечал за спорт, а Николай Петрович занимался военной подготовкой. Тогда школьники к занятиям по военной подготовке относились серьёзно. Я этому свидетель. Однажды во время моего ночного дежурства по лагерю Николай Петрович вышел из палатки, закурил «Беломор», и между нами завязался разговор, в котором мы коснулись темы Великой Отечественной войны. Вот что он мне рассказал о своём участии в ней.

«Родился я в Москве, любил спорт, особенно лыжи. Бегал

по второму взрослому разряду. Учился как все – ни шатко, ни валко. Примерно в шестом классе увлёкся математикой. Хороший учитель попался. Позднее полюбил и физику. Преподавал её тот же учитель математики. В 1938 году окончил десять классов. Это были годы, когда все мальчишки и даже девчонки рвались в авиацию. Я решил пойти в военное авиационное училище, но подвело здоровье. Подал документы в артиллерийское – поступил. Экзамены сдал очень прилично – с одной четвёркой. Учёба шла хорошо и легко, мне было интересно. И вот наступило 22 июня 1941 года, началась война. К этому времени я уже прошёл три курса и был в лагерях. Через шесть месяцев окончил училище по ускоренной программе. Дали звание лейтенанта, и вперед – на фронт. Оказался под Москвой. Во втором бою получил ранение, но очень быстро оклемался и вернулся в свою часть. Началось наше наступление, фашистов отогнали от Москвы».

Николай Петрович, помолчав, закурил очередную папиросу. Улыбнулся и продолжил:

«Да что я всё о грустном? На войне как на войне. Расскажу, как я ездил в Иран «студебеккеры» получать. На них мы «Катюши» ставили. Ехали на двух машинах ЗИС-5«В». Это военный автомобиль трёхколёсной версии, облегчённый вариант. Кабина из дерева с дерматиновой крышей. На них тоже ставили «Катюши». Двигались очень медленно, особенно в горах. Снег, дождь. В подъём ЗИСы еле тянули. Вдруг рано утром только занялся рассвет увидели ровные ряды машин.

Это были «Студера». Спустились – рядом никого. Охраны нет. Стоит большая будка-вагон. Из трубы идёт дым. С нами был молодой лейтенант – переводчик. Только мы с ним поднялись по ступенькам, как дверь распахнулась, из неё вышел улыбающийся сержант и на очень ломаном русском поздоровался с нами. Мы обменялись приветствиями, и, махнув рукой, он пригласил всех остальных. Всего нас было двенадцать человек: мы с лейтенантом и шофёры. Вошли, осмотрелись. Первое, что я увидел, – это рация, на которой работал рядовой. Сержант взял у него радиogramму и отдал переводчику. Там было сообщение о нашем приезде. Сержант спросил о том, почему так задержались. Ответили: «Потому что дорога была трудная».

В то время через Иран осуществлялись поставки военной техники, оборудования и даже самолётов в разобранном виде. Шло это через так называемый «персидский коридор». Сержант всех пригласил сесть за стол. Он был очень большой. Я достал документы на получение десяти «Студеров», но сержант бросил бумаги на стол, даже не посмотрев на них. Что-то сказал радисту, и тот стал быстро выставлять на стол выпивку и закуску. Это были сосиски, ветчина, приправы. Стол заставили едой полностью. А мы с собой привезли спирт. Однако сержант отказался, сказав, что он нам в дороге назад пригодится. Тут всё и началось! Пили за Сталина, Рузвельта, Советский Союз, Америку, за второй фронт. Поддали прилично. С утра «поправились», но приняли только по

сто граммов. Днём надо было уже выезжать. Мы спросили: «Какие машины нам забирать?» Сержант говорит: «Да любые. Ключи в машине, все заправлены «под завязку», и ещё по четыре полных канистры на каждую». Я поинтересовался: «Какие получше будут?» Но он так и не понял вопроса. Каждому водителю полагался комплект: комбинезон на цигейке и кожаное пальто, но полковник, который посылал меня в командировку, сказал, чтобы эти вещи не трогали. Они не для шофёров. Сержант и я с переводчиком выпили «на посошок», и мы двинулись в обратный путь.

«Студер» он и есть «Студер»: попёр по горам, как по равнине. Доехали без приключений. На «Студера» поставили «катюши». Ещё раз мне пришлось встретиться с американцами на Эльбе. Нормальные ребята, но об этом умолчу – «холодная» война сейчас между нами. Устал, пойду прилягу. В следующий раз расскажу про штурм Сапун-горы».

И рассказал, когда по своей инициативе я не в очередной раз дежурил.

«После того, как поставили установки реактивной артиллерии на «Студера», сразу намного сократилось время передвижения боевых машин. ЗИСы «Студерам» не конкуренты. Весной 1944 года наша часть оказалась под Севастополем. Готовились штурм и освобождение города. Серьёзной преградой была Сапун-гора – горная гряда высотой примерно метров 250. Фашисты её очень сильно укрепили. Букваль-

но нафаршировали дотами, дзотами, зенитками и миномётами. В конце апреля выдвинулись на боевые позиции. Седьмого мая утром началось наступление. Первой начала работать дальняя артиллерия. Мы «молчали». Меня вызвал полковник и послал с донесением командованию. Я прибыл на командный пункт. В это время активно вступила в действие советская авиация. Я увидел, как несколько наших самолётов разнесло в щепки. Это я не забуду до смерти. На командном пункте – шум, отборный мат и вдруг гробовая тишина: идёт следующий эшелон самолётов. Их встречает огненный град фашистских зениток. Самолёты разворачиваются и пытаются зайти на следующий круг. Командующий не кричит, а буквально орёт, называя номер ведущего лётчика: «Заходи на второй круг!» Опять тишина и вдруг громко и отчетливо слышен ответ: «Да пошёл ты на х..! Не дам людей и самолёты гробить!» Через пару минут мне дали пакет, как я понял, он был готов заранее, и я отбыл к себе в расположение. Через тридцать минут ударили одновременно артиллерия, «катюши», двинулись танки и под прикрытием истребителей пошла бомбардировочная авиация. К вечеру Сапун-гору взяли. Разворотили гряды капитально».

Вздыхнув, Николай Петрович произнёс: «Война – это грустно. Хотя меня наградили и дали звание капитана».

БЫТЬ ЛИЧНОСТЬЮ

Пишу о человеке, вся жизнь которого прошла на зонах, да, именно на зонах, хотя сам он заключённым не был, а просто выполнял свою работу. Он следил за порядком и, по возможности, старался перевоспитать заключённых, пусть даже не всегда это получалось. Познакомился я с ним в конце 90-х годов, когда приезжал в колонию для несовершеннолетних преступников.

Олег, так звали моего нового знакомого, служил в системе ФСИНа. В момент, когда мы впервые увиделись, он был начальником оперчасти Икшанской колонии. Мы часто с ним встречались, зимой и летом, когда с друзьями проводили военно-спортивные лагеря для трудных детей и подростков по программе «НЗ России». Ребята в основном были из проблемных семей, многих мы сумели остановить у черты, за которой – тюрьма и зона. В моменты приезда наши подопечные легко находили общий язык с сидельцами. Заключённые показывали им свой быт и мастерские. Обязательно проводили беседу, но без участия взрослых. Сидельцы говорили, что лучше вовремя остановиться и на зону не попадать. Обязательно проводили спортивные встречи по футболу, хоккею и баскетболу. Играли с азартом, но без грубостей. Наши ребята не пасовали, вели себя достойно, иногда побеждали в этих состязаниях. Олег всегда был рядом с нами и помогал

во всём. Мы видели, что он пользуется уважением у своих подопечных. Очень многим из них помог выйти на свободу досрочно, а затем поддерживал с ними связь, что очень важно для освобождённых, особенно в первые дни и месяцы. Олег прошёл все зоны: женские, взрослые, «строгачи»...

Икшанскую колонию для несовершеннолетних расформировали в 2010 году. На её месте появилась женская зона. Тут он и заканчивал свою службу. Вот что интересно, Олег с семьёй проживал метрах в ста от забора колонии. Как-то при встрече сказал мне: «Сидельцы приходят и уходят – у них срок, а я тут пожизненно». Большое человеческое спасибо Олегу – Человеку с большой буквы. Он и сейчас жив и здоров. О нём можно сказать словами великого писателя Максима Горького, который считал, что «для человека есть только две формы жизни: гниение и горение». Каждый – кузнец своей судьбы. Гореть – значит, быть личностью, иметь своё мнение, свой взгляд на жизнь. Также важно не «брать от жизни всё», а вносить в неё посильный вклад. Кто стремится только к первому, тот ничего в результате не получит. Таких людей я отношу к «гниющим». А вот Олег – личность.

Память

Этот рассказ получился не очень весёлым, но я всё-таки решил его опубликовать.

Многих умерших предают земле, но я пишу про крематорий. На днях вернулся из Санкт-Петербурга (для меня этот город всё-таки остается Ленинградом). Это название для меня родное: я ведь СОВЕТСКИЙ человек, и мне как-то не очень верится, что жители города с названием Санкт-Петербург смогли бы пережить блокаду, а после восстановить город. В северную столицу я поехал проводить своего близкого друга в последний путь. По прибытию поселился в гостинице, погулял по городу. В молодые годы в Ленинграде мне приходилось бывать часто, и я полюбил город и его жителей искренней любовью.

Настал день похорон. Я вызвал такси и поехал в крематорий. Водитель меня подвёз не к центральному входу, а с противоположной стороны, объяснив, что отсюда намного ближе идти к ритуальному залу. Я поблагодарил его и направился туда. Шёл с невесёлыми думами, потому что этот человек для меня был дорог. С ним вместе мы прошли сорок лет – срок немалый. Иду с такими мыслями и вижу: валит чёрный густой дым. Думаю: «И это всё, что остаётся от тела человека, кем бы он ни был при жизни». О людях, которые несли добро, защищали страну, изобретали, работали, творили

во благо Родины и всего народа остаётся добрая память. Их хоронят с почётным караулом, оркестром, салютом. Однако есть и те, которых провожают в последний путь тихо, без заслуженных ими почестей. Мне пришлось видеть и такое. Об этом и расскажу.

Как-то на работе подошёл ко мне мой наставник и сказал: «Поедем ночью в Донской монастырь, в крематорий. Проводим достойного человека». Несмотря на молодость лишних вопросов я старался не задавать.

Наставник заехал за мной часа в два ночи на служебной «Волге». Попили у меня дома чай и отправились в Донской монастырь. Шел сильный дождь, заканчивался октябрь. Через некоторое время туда подъехали ещё две «Волги», из них тоже никто не вышел. Минут через пятнадцать появился «ПАЗик», который привёз гроб с усопшим. Все люди, которые сидели в машинах, как по команде вышли, мы в том числе. Всего нас было шесть человек. Друг друга поприветствовали кивками, рук не пожимали, молча зашли в здание крематория. Шестеро военнослужащих внесли гроб, поставили его, развернулись и вышли. Появился распорядитель в чёрном костюме. Очень тихо спросил: «Кто хочет сказать?» Никто не обратил на его слова никакого внимания. Тихо прозвучал Гимн Советского Союза, и вся панихида на этом закончилась. Вышли из зала, дождь к этому моменту уже закончился, из машин достали водку, разлили. Без слов выпили, на прощанье пожали друг другу руки, не называя своих

имён, и разъехались.

Хоронили разведчика, Героя Советского Союза. Даже сейчас не могу назвать его имени, и не потому, что это секрет, а просто я его не знаю.